

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Материалы региональной научной конференции

Нижневартовск, 28 февраля 2009 г.

**Издательство
Нижневартовского государственного
гуманитарного университета
2009**

ББК 63.3(253.3)я43
З 30

Редакционная коллегия:
профессор *Л.В.Алексеева*,
профессор *Я.Г.Солодкин* (отв. редактор),
доцент *В.В.Цысь* (отв. секретарь)

З 30 **Западная Сибирь в средневековье, Новое и Новейшее время.** Материалы региональной научной конференции (Нижевартовск, 28 февраля 2009 г.) / Отв. ред. Я.Г.Солодкин — Нижевартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. — 239 с.

ISBN 978–5–89988–581–5

Сборник материалов региональной научной конференции объединяет работы, посвященные вопросам историографии, источниковедения, краеведения, истории Западной Сибири XV—XX вв.

Для преподавателей, аспирантов, студентов, краеведов.

ББК 63.3(253.3)я43

ISBN 978–5–89988–581–5

© Издательство НГГУ, 2009

РАЗДЕЛ I

Проблемы источниковедения и историографии сибирской истории

Солодкин Я.Г.

К ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ (А.И.АНДРЕЕВ)

В трудах видного отечественного историка А.И.Андреева, который может считаться и выдающимся источниковедом¹, получили отражение вопросы развития не только позднего, но и раннего сибирского летописания².

В «Очерках по источниковедению Сибири», впервые изданных в 1939 г., А.И.Андреев выступил с серьезными, как ему казалось³, возражениями С.В.Бахрушину по проблемам зарождения летописной традиции в Азиатской России. На взгляд А.И.Андреева, «в результате сравнения обеих летописей и тонкого анализа текстов» С.В.Бахрушин пришел к выводу о том, что Основная редакция Есиповской летописи (далее — ОЕЛ) и Строгановская летопись (далее — СЛ) имели общий протограф, и «сделал интересную попытку воссоздать» его, «затушевав», правда, «важный вопрос ... , которая из них древнее как источник»⁴. Вместе с тем А.И.Андреев рассудил, что подобно С.А.Адрианову С.В.Бахрушин признал ОЕЛ источником СЛ⁵. В действительности, как заключил крупнейший историк-сибиревед первой половины XX в., «Повесть» Саввы Есипова и сочинение анонимного строгановского «историографа» связаны друг с другом посредством общего протографа — «написания» (далее — Н), врученного ветеранами «Сибирского взятия» первому тобольскому архиепископу Киприану, что позволило составить синодик «ермаковым казакам» (далее — С)⁶.

На взгляд С.В.Бахрушина, в Распространенной редакции Есиповской летописи (далее — РЕЛ) обнаруживается зависимость от «Повести» о «Сибирском взятии», открывающей Новый летописец (далее — НЛ). Однако не было ли наоборот, — спрашивает

А.И.Андреев, — т.е. НЛ, быть может, «черпал из кратких сибирских летописей нужные ему сведения»?⁷ Такими летописями ученый посчитал Н и С⁸, которые, как думалось А.И.Андрееву вслед за А.М.Ставрович⁹, при помощи Киприана или других лиц, вернувшихся в Москву из-за Урала, могли сделаться известными создателям НЛ. К сложившимся в Сибири летописям А.И.Андреев возводил и сообщения НЛ об основании там городов¹⁰. (Заметим, что в самой популярной из сибирских летописей — «Сказании» Есипова редакции 1636 г. — нет известий, которые можно сблизить с приведенными в 25, 30, 66-й главах НЛ, на которые обратил внимание историк).

По утверждению А.И.Андреева, НЛ зависит от одной из ранних редакций «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее»¹¹. Это заключение, не подкрепленное аргументацией, едва ли справедливо, ведь «Описание» (составляющее вторую часть РЕЛ), насколько известно, стало создаваться вслед за появлением самого обширного летописного сочинения о событиях отечественной истории 1580-х — 1620-х гг.

Одной из возникших на востоке России кратких летописей, которая явилась источником НЛ, А.И.Андреев считал «Краткое описание о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака» (далее — КО), сохранившееся, хотя и в поздней редакции, в Головинском списке¹². По наблюдению ученого, сравнительно с КО, известным уже Г.Ф.Миллеру¹³, в НЛ опущены сообщения о боях на реке Вагае, пленении Маметкула, пожаловании Федором Ивановичем этого сибирского царевича и служилых людей, которые привезли его в Москву; в данных произведениях не совпадают и упоминания о том, что украл в казачьем стане лазутчик Кучума (то пищаль и лядунку, то три пищали и три «взяни»). В последнем случае, как думалось А.И.Андрееву, «слогатель» НЛ обратился к другому местному источнику, возможно, известному и «писателю» РЕЛ. (Скорее РЕЛ, где говорится о трех пищалях и трех лядунках, испытала влияние КО¹⁴, с которым вместе переписывалось). Их протографом, не исключено, стала повесть, близкая к КО¹⁵. А.И.Андреев усмотрел в НЛ и сокращение рассказа о донских казаках и появлении Ермака на Чусовой, — рассказа, вставки из которого имеются в РЕЛ¹⁶. Таким образом, А.И.Андрееву начало «Книги, глаголемой Новый летописец», казалось вторич-

ным и относительно КО (что нередко отмечалось в историографии¹⁷), и повести, близкой к этому произведению (на что однажды указала В.Г.Вовина-Лебедева¹⁸). О том, что какая-то разновидность КО или его протограф легли в основу двух первых глав НЛ, позднее писали Е.И.Дергачева-Скоп, Р.Г.Скрынников и В.Г.Вовина-Лебедева; Н.А.Дворецкая и Е.К.Ромодановская возводят эти главы официального летописца к КО.

Порой считается, что в представлении А.И.Андреева от КО зависят ОЕЛ и НЛ¹⁹. Вернее, замечательному историку КО или сходное с ним сочинение казалось одним из источников РЕЛ.

Но одновременно А.И.Андреев пришел к другому выводу: главы НЛ о покорении Сибири заимствованы из какого-то первоначального списка этого памятника, сохранившегося в более поздних рукописях — Головинской и Шлецеровской, хотя утверждал, что текст, читающийся в этих рукописях, вторичен относительно «московского летописца» конца 1620-х гг.²⁰ Но в Головинском и Шлецеровском списках мы встречаем КО.

Имеющееся в НЛ упоминание о появлении Ермака на Чусовой «по присылке Максима Строганова» А.И.Андреев склонен был считать поздней вставкой, т.к. в Шлецеровской рукописи этого известия нет. Такое заключение вызвало обоснованные возражения А.А.Введенского, В.Г.Мирзоева и Е.К.Ромодановской. В НЛ, кстати, о «присылках» говорится не раз²¹.

Поначалу А.И.Андреев отрицал зависимость летописной традиции Сибири от НЛ, утверждая, что соответствующие главы официального летописца конца патриаршества Филарета²² сами сложились в восточных уездах России²³. В своем главном труде ученый высказывался уже осторожнее: главы НЛ «по мнению некоторых, будто бы даже влияли на сибирское летописание»²⁴. Вместе с тем А.И.Андреев не сомневался в том, что к НЛ следует возводить некоторые списки РЕЛ, например, Головинский, и другие сибирские летописи, в частности, Румянцевскую, не исключая, что «книгу о выслугах и о изменах московских и новгородских»²⁵ знал автор Бузуновского летописца²⁶. Мнение же, что НЛ представлялся А.И.Андрееву протографом ОЕЛ и СЛ²⁷ должно считаться заблуждением.

А.И.Андреев, как и другие исследователи, не обратил внимание на очевидные параллели между КО и ОЕЛ.

КО	ОЕЛ
<p>... царевича Маметкула Кучюмова сына ... послаша ... к Москве со многими воинскими людьми. До того ж их приезде Богу тако изволившу, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич к Господу отиде, преставися. По преставлении же царя Ивана Васильевича держа скипетр Московского царства его благочестивый царь Федор Иванович, и на приезде того царевича Маметкула пожаловал, також и служилых людей пожаловал.</p>	<p>царевича Маметкула Кучюмова сына послаша из Сибири в царствующий град Москву со многими воинскими людьми. До того ж их приезде к Москве Богу изволившу, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ко Господу отиде в вечный покой. По своем же преставлении на свой царский престол повеле возвести сына своего Феодора Ивановича, благочестивого царя и великого князя, всеа Руси самодержца, еже и бысть ... И на приезде государь того царевича Маметкула пожаловал своим царским жалованием многим. Також и служилых людей, которые с ним присланы, государь пожаловал ...</p>
<p>... вера же их бусурманская, Мааметова закону, а иные языцы кумиром служаху и идолом поклоняхуся. А иные чюдь заблудящая, веры и закону не знаху²⁸.</p>	<p>... татарова закон Моаметов держат ... Пегая ж орда и остяки, и самаядь ... идолом поклоняются ... царь Моаметова закону именем Он ... по рече Иртишу ... живяху чюдь ... живяше чюдь по всей Сибирстей земли ... закон же царя Кучюма... держаше Моамета проклятого, иные же кумиром поклоня[юще]ся...поклоняющесе идолом.</p>
<p>... взяша царство Сибирское</p>	<p>царство взяша ... царство Сибирское взяша.</p>

В сопоставляемых произведениях имеется и оборот «внутри Сибирской земли». В НЛ он отсутствует, как и фраза «возвестиша царю Федору Ивановичю о своем падении». В ОЕЛ же сказано: «виде своих падение»²⁹, «возвестиша сия». В КО (а следом НЛ) читаем: «царство, рекомое Сибирское», «река, глаголемая Дон», «река, глаголемая Волга». Аналогичные выражения есть в «тетрадах» Есипова: «горе, рекомой Чювашеве», «люди, рекомые вогуличи», «река, глаголемая Тура (Тобол, Иртиш, Ишим)». Подобно КО (в НЛ об этом умалчивается) в ОЕЛ говорится о «взятии» города Сибири на память Димитрия Солунского. В КО и ОЕЛ, да и НЛ указывается на спасение в бою, ставшем для Ермака последним, только одного казака. «Повести ...» Есипова, как и КО, свойственно и широкое употребление прямой речи³⁰. Таким обра-

зом, летописание возникло в Сибири не без влияния московской книжности³¹.

Таким образом, А.И.Андреев, хотя и допустил ряд противоречий, высказал несколько оригинальных суждений насчет зарождения сибирской летописной традиции³², из которых наиболее плодотворным может считаться тезис о воздействии КО (или его протографа) на НЛ.

Примечания

¹ Покровский Н.Н. О главных направлениях изучения источников по истории Сибири феодального периода в советском источниковедении// Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 117; Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 5.

² Прежде о А.И.Андрееве как исследователе сибирской летописной традиции времени ее становления лишь упоминалось. См., напр.: Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 191—194, 295; Яковлева А.М., А.И. Андреев о Строгановской летописи// Западная Сибирь: проблемы истории и историографии: Тез. докл. и сообщ. регион. науч. конф. Нижневартовск, 2000. С. 111—113; Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Колл. моногр. Нижневартовск, 2006. Ч.1. С. 100—102.

³ Андреев А.И. С.В.Бахрушин как историк Сибири // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Л., 1953. С. 247 (Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 157. Факультет народов Севера. Вып. 2). А.И.Андреев также заметил, что такие проанализированные С.В.Бахрушиным «летописные повести», как Есиповская и Строгановская, «все еще ждут своего исследователя» (Он же. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII — XVIII вв.// Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 85).

⁴ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. Вып. 1. С. 214, 222, 227. Эта книга оценивается как «исключительное по тщательности источниковедческих и библиографических изысканий исследование» (Покровский Н.Н. О главных направлениях ... С. 117).

⁵ Андреев А.И. Очерки ... Вып. 1. С. 213, 222.

⁶ В представлении А.И.Андреева С.В.Бахрушин показал, что в С есть ссылка на Н (Андреев А.И. Очерки ... Вып. 1. С. 241). Автор «Очерков по истории колонизации Сибири в XVI — XVII вв.» в данном случае

ошибся, упоминание о Н встречается в ОЕЛ и повторено в зависимых от нее произведениях.

⁷ Вопреки мнению А.В.Лаврентьева, А.И.Андреев не датировал эти повести концом XVI в. (Лаврентьев А.В. Сибирские источники общерусских исторических памятников XVII века // Тез. докл. студ. науч. конф. «Духовная культура Урала» (Археография и история духовной культуры). Свердловск, 1987. С. 13).

⁸ Оценки Н и С как летописей, неоднократно повторявшееся впоследствии (Д.С.Лихачевым, В.П.Клюевой, Н.К.Фроловым, А.П.Ярковым, И.В.Ерофеевой), затруднительно признать основательными.

⁹ См.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 250. Вопреки мнению В.Г.Вовиной-Лебедевой (Там же. С. 32. Примеч. 116), А.И.Андреев не касался вопроса об изображении Киприана в НЛ.

¹⁰ Н.А.Дворецкая присоединяется к этому мнению, указав на тобольское происхождение кратких летописей, использованных в НЛ. Мысль исследовательницы, что такие летописи (или повести) о походе Ермака, знакомые автору насчитывавшего свыше 420 глав произведения, вышедшего из правительственных кругов, как представлялось А.И.Андрееву, содержали и сведения о строительстве русских городов за «Камнем» (Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод ... С. 53), не отличается точностью.

¹¹ Андреев А.И. Очерки ... Вып. 1. С. 245.

¹² Там же. С. 241—242. Головинский список КО относится не к первой половине XVII в. (Там же. С. 217), а к исходу того же столетия. См.: Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод ... С. 39; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие// Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 21.

¹³ Андреев А.И. Очерки ... Вып. 1. С. 154, 234. Г.Ф.Миллера, которому была известна и ОЕЛ, А.И.Андреев называл первым ученым историком Сибири, основоположником сибирской историографии (Там же. С. 230, 233; Андреев А. И. Черепановская летопись// Ист. записки. М., 1942. Кн. 13. С. 322; Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 560).

¹⁴ Ср.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец ... С. 247. Примеч. 103. Близость КО и РЕЛ в рассказе о лазутчике Кучума отмечалась и другими исследователями. См.: Дворецкая Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака// Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 467. Ср.: Она же. Сибирский летописный свод ... С. 64, 101; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 20.

Заметим, что подобно Е.К.Ромодановской В.Г.Вовина-Лебедева Долговский список КО приняла за предисловие к ОЕЛ. Известие о трех пищалях и трех лядунках может быть «вымышленным обстоятельством», подобным (см.: Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 55—57) имеющемуся в Забелинской редакции ОЕЛ.

¹⁵ Андреев А.И. Очерки ... Вып. 1. С. 242, 243.

¹⁶ Там же. С. 205. Еще в 1871 г. П.В.Павлов счел источником НЛ сокращение ОЕЛ. См.: Там же. С. 200.

¹⁷ См., напр.: Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец ... С. 243, 244, 248; Яковлева А.М. Схемы сибирского летописания первой половины XVII в. в отечественной историографии 1920—90-х гг.// Проблемы истории Сибири XVI — XX вв. Нижневартовск, 2005. Вып. 1. С. 43. Примеч. 11. Вывод А.И.Андреева о КО как источнике НЛ едва ли подобно Е.К.Ромодановской можно считать лишь гипотезой (Ромодановская Е. К. «Краткое описание о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака»// Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 194).

¹⁸ Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец ... С. 106. Ср.: Вовина В.Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания// Отечественная история. 1992. № 5. С. 127. Следуя допущению А.И.Андреева, В.Г.Вовина не исключала, что Киприан привез в Москву протограф КО. Л.Е.Морозова пишет об этом уже в категорической форме. А.Т.Шашков предполагал, что с Киприаном в «царствующий град» попал текст, ставший затем источником НЛ и КО. См.: Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца// Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 66, 69. Ср.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец ... С. 251; Шашков А.Т.Погодинский летописец и начало сибирского летописания// Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 147; Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С. 365. Ср.: С. 432.

¹⁹ Яковлева А.М.Есиповская летопись в исследованиях XX века// Россия и Запад: проблемы истории и культуры. Нижневартовск, 2003. С. 73.

Д.Я.Резун утверждал, что концовку РЕЛ по одному из списков оставил какой-то переписчик (Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 53), хотя она представляет собой КО.

²⁰ Андреев А.И. Очерки ... Вып. 1. С. 211—213. «Московским» назвал НЛ один из переписчиков. См.: Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец ... С. 125. Ср.: С. 69, 114.

²¹ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 58, 63, 88, 110, 116, 118, 128. Ср.: С. 105, 120, 124, 146.

²² НЛ А.И.Андреев приурочивал то к 1630 или времени около этого года, то к исходу 1630-х гг. (Андреев А.И. Очерки ... Вып. 1. С. 211, 240, 241). Последнюю датировку в рецензии на первое издание «Очерков по источниковедению Сибири» повторил Д.С.Лихачев (Сибирские огни. 1941. № 2. С. 141), который затем вслед за С.Ф.Платоновым и Л.В.Черепниным относил «летописец о взятии царства Сибирского и о Гришке Ростриге» к 1630 г. (Лихачев Д.С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М., 2004. С. 230).

²³ Андреев А.И. Этнографические труды Семена Ремезова о Сибири XVII века// Советский Север. 1938. № 1. С. 40.

²⁴ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири: XVII век. Л., 1939. С. 96; Он же. Очерки ... Вып. 1. С. 154.

²⁵ Так определяется НЛ во вкладной книге Антониево-Сийского монастыря.

²⁶ Андреев А.И. Очерки ... Вып. 1. С. 207, 212, 213. Ср.: С. 224.

²⁷ Яковлева А.М. Истоки сибирского летописания (к историографии проблемы)// Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартговск. гос. пед. ин-та. Нижневартговск, 2003. Вып. 1. С. 182. К выводу о зависимости ОЕЛ и СЛ от НЛ, а также С, созданных на основе летописи Киприана, пришла А.М.Ставрович. См.: Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 31; Шашков А.Т. Погодинский летописец ... С. 157. Примеч. 46.

²⁸ Ср.: Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Середина XVI века. М., 1985. С. 302.

²⁹ В других сочинениях первой трети XVII в. о «падении» говорится изредка. См.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 91, 125; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 130, 140, 142, 418. Ср.: С. 134, 408.

³⁰ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 307—311; ПСРЛ. Т. 36. С. 44—49, 53—55, 56, 57, 59—61, 63—66, 69, 74. Ср.: С. 72, 381. Первого из приведенных фрагментов в НЛ нет. Есипов, однако, в отличие от КО утверждает, что воеводы С.Болховский и И.Глухов были направлены в Сибирь не с сеунчиками Ермака, а позднее, в 7091 г., и сообщает, что служилых людей, сопровождавших Маметкула в Москву, Федор Иванович наградил «денгами и кормом, и выходными сукнами».

³¹ Ранее считалось, что Киприан привез КО в Москву из Сибири. См., напр.: Морозова Л.Е. Смута ... С. 368.

³² Мнение, что книга А.И.Андреева является серьезным дополнением к исследованию С.В.Бахрушина о сибирском летописании (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 17. Примеч. 1), относительно его возникновения представляется неверным. Еще М.Н.Тихомиров отмечал, что «А.И.Андреев рисует начало летописания Сибири в существенно иных чертах», нежели С.В.Бахрушин (Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 275).

Коблова Е.Ю.

ИСЛАМ В СИБИРСКОМ ХАНСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

История религиозных представлений тюркоязычного населения Сибирского юрта привлекала и привлекает повышенное внимание исследователей и относится к числу значимых в историографии дорусских государственных образований региона.

Отрывочные известия о религиозных верованиях населения Сибирского ханства имеются в сибирских летописях, в ряде других источников, которыми оперируют историки. Но главными источниками для изучения этой проблемы являются предания о духовных миссиях из Средней Азии, записанные В.В. Радловым в конце XIX в., и впоследствии опубликованные Н.Ф. Катановым. Характер письменных источников (предания) создает определенные трудности для реконструкции событий. Однако, их сведения не вызывают сомнений у большинства исследователей, поскольку упоминающиеся в них персонажи, события и даты в целом соответствуют исторической реальности. Однако, несмотря на это, источники не дают ответа на некоторые вопросы. Во-первых, не совсем ясна роль Бухары и Ургенча в исламизации населения Сибирского ханства. В трех описанных в преданиях случаях сибирские правители обращались за помощью к бухарскому правителю. Но особая роль, согласно сведениям этого источника,

Работа выполнена при поддержке гранта на научные и экспедиционные исследования для аспирантов Тюменского государственного университета.

принадлежала не Бухаре, а Ургенчу, несмотря на известные отношения с джуйбарскими шейхами. Во-вторых, в этих преданиях не уточнена принадлежность распространяемой веры к тем или иным течениям, направлениям в исламе в отличие от исторических легенд о более раннем времени распространения мусульманства.

Отмечая длительность проникновения мусульманства в Сибирь, большинство исследователей определяют начало исламизации средневекового населения западносибирского региона с конца XIV века. Следующим этапом распространения мусульманства среди населения Сибирского юрта, по мнению исследователей, было время правления хана Кучума. Отдельные историки полагают, что именно с этого времени и следует начинать исчисление широкой исламизации населения Сибирского юрта, хотя дореволюционные исследователи придерживались точки зрения, согласно которой только со времени правления хана Кучума следует отсчитывать историю ислама в Сибирском юрте.

Распространение новой религии среди населения Сибирского ханства исследователями связывается с комплексом причин, среди которых главные: задачи усиления центральной власти, искоренение родовых отношений и укрепление феодализма. Некоторые историки полагают, что принятие ислама было необходимо для объединения разрозненных тюркских племен (в том числе появившихся в регионе накануне исламизации) «в единую духовную, социальную общность».

Что касается характера распространения ислама, историки XVIII — нач. XX вв. (И.Э.Фишер, Н.М.Карамзин, Х.Атласи) констатировали, что первоначально ислам внедрялся насильственным путем, мусульманские проповедники встречали сопротивление со стороны местного населения края. Однако некоторые современные исследователи (Ф.Т.Валеев, Г.Л.Файзрахманов) полагают, что при хане Кучуме мусульманство уже начинает распространяться преимущественно мирным путем.

По мнению И.В.Белича, со времени Кучума среди тюркоязычного населения Сибирского ханства стал распространяться культ «святых» и астана. Исследователь полагает, что некоторые культовые места появились во второй половине XVI в. при “вторичной” исламизации сибирских татар.

Важным моментом в решении вопроса об исламе в Сибирском ханстве является попытка исследователей выявить состав духовных лиц этого государственного образования. Определенная заслуга в постановке этой проблемы принадлежит Д.М.Исхакову. Он предлагает выделить в Искерском юрте следующие группы духовенства: сеиды (“шейх ул-ислам”), шейхи, муллы, абызы, возможно, муфтии и мударисы, ахуны, занимавшие высокое положение в обществе. Историк также указывает на особую роль Бухары в инвеституре высших духовных лиц Сибирского ханства.

Рассматривая процесс распространения новой религии среди населения Сибирского ханства, исследователи приходят к выводу, что, исламизация носила ограниченный характер. Несмотря на то, что в сибирских летописях татарское население называется мусульманским («бусурманы»), внедрить новую религию среди всего населения не удалось: на периферии государства люди продолжали придерживаться доисламских верований и культов. Об этом свидетельствуют материалы археологических исследований погребальных и культовых объектов.

Изучая процесс распространения мусульманства, историки усматривают его большое значение в складывании самостоятельного государства — Сибирского ханства, в принятии культурных исламских ценностей. Некоторые исследователи констатируют, что принятие мусульманской религии сыграло большую роль в распространении исламской идеологии, в расширении международных связей.

Подводя итог, заметим, что в изучении ислама в Сибирском ханстве во второй половине XVI в. сделан ряд достижений: определены причины, предпосылки распространения данной религии, характер этого процесса (территориальная и социальная неравномерность), значение исламизации. Однако заметим, что остаются нерешенными некоторые вопросы (не совсем ясны роль Бухары и Ургенча в распространении ислама в Сибирском юрте, влияние суфизма, характер взаимодействия традиционных верований и мусульманства и др.), что свидетельствует о необходимости продолжения исследований.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА

Исследования, посвященные проблемам раскола и старообрядческого движения, долгое время не выделялись как самостоятельное явление. Но после того, как Ф.К.Сахаровым был составлен систематический указатель литературы о расколе (Литература истории и обличения русского раскола: Сист. указ. книг, брошюр и статей о расколе, находящихся в духовных и светских периодических изданиях. Тамбов, 1887—1900), который содержал около 7 тыс. работ, это направление в истории русской церкви признано самостоятельным.

Одним из первых «обличителей» старообрядчества стал Питирим, епископ Нижегородский (Пращица против вопросов раскольнических. СПб., 1721). Затем вышло сочинение митрополита Димитрия Ростовского, в котором он с позиций современника критикует идеологические воззрения сторонников старообрядчества, указывает на их «заблуждения» относительно проводимых церковных реформ (Димитрий Ростовский (Туптало), Даниил Савич. Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их и делах их, в котором показано, яко вера их не права, учение их душевредно и дела их не богоугодны. М., 1755; М., 1803).

К важным документальным свидетельствам можно отнести труды другого представителя Русской Православной Церкви, митрополита Тобольского и Сибирского Игнатия (Римского-Корсакова), составленные в виде посланий, — жанра, к которому часто прибегали иерархи русской церкви (Игнатий, митрополит. Три послания к раскольникам. Казань, 1855). В то же время несомненную ценность представляют свидетельства их оппонентов Семена Денисова и Ивана Филиппова (Симеон Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких. М., 2000; Филиппов И. Истории Выговской пустыни. СПб., 1862). Именно им мы обязаны объективными данными по истории раскола, беспристрастным и сдержанным свидетельствам о событиях, непосредственными участниками которых они являлись. Братья Семен и Андрей Денисовы создали богословие раскола, исторически обосновав его.

В своем сочинении они сумели подметить слабую сторону противника, используя при этом приемы исторической и филологической критики, обладая большим запасом сведений по описываемому вопросу. «История» И.Ф.Филиппова имеет важное научное значение как единственный летописный источник, в котором собраны и описаны в строгой последовательности основные события начального периода зарождения и развитие церковного раскола. Но эти работы могут быть использованы лишь при освещении начальной стадии раскола конца XVII — начала XVIII вв. К тому же в них наблюдается явная тенденциозность при освещении событий по причине принадлежности их авторов к церковной оппозиции.

С XIX в. старообрядчество стало предметом исследований не только синодальных «борцов с расколом», но и гражданских историков. На смену критике «официального православия» пришел объективный исторический взгляд. Ученые увидели в старообрядчестве уникальное культурно-историческое движение, сохранившее живую, неразрывную связь с Древней Русью. Если ранее работы, вышедшие из-под пера представителей русской церкви и русской исторической науки, в большинстве своем имели только обличительные и миссионерские цели, то с конца 1850-х и в 1860-е гг. XIX в. появилась обширная литература о расколе и этих своеобразных русских «диссидентах»¹. Подобной точки зрения придерживался и Сергей Зеньковский, протоиерей-эмигрант, известный специалист по истории русской философии и богословия. Он писал: «К серьезному изучению русского старообрядчества русские историки и богословы пришли только тогда, когда наступила годовщина двухсотлетия русского церковного раскола»².

К наиболее фундаментальным работам о расколе в первую очередь следует отнести труды профессора Московской духовной академии Н.И.Субботина: «Летопись происходивших в расколе событий» (М., 1871); История так называемого австрийского, или белокриницкого, священства» (М., 1874—1898. 2 т.); «Материалы для истории раскола за первое время его существования» (М., 1875—1895. 9 т.). Все они представляют исключительную ценность благодаря собранным в них документам, среди которых — сочинения «расколоучителей», деяния Собора 1666—1667 гг. и множество других уникальных исторических материалов. Им же

освещается полемика представителей РПЦ со старообрядцами, а также опубликован ряд литературных памятников, связанных с церковным расколом.

Известный исследователь русской литературы А.Н.Пыпин — один из первых авторов XIX в., рассмотревший старообрядчество не с позиции официальной церкви. В его книге были собраны обширные материалы о старообрядцах России³. Довольно подробную картину о различных толках и направлениях российского старообрядчества обрисовал в значительном числе работ публицист-этнограф А.С.Пругавин. основополагающее направление его исследований церковного раскола заключалось в идее о безусловной веротерпимости и полной общественной равноправности раскольников. Он доказывал «тесную связь вопроса о расколе со всеми вопросами нашего общественного быта, которые относятся до православного и экономического положения народа» (Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904; Раскол и сектантство в русской народной жизни. 1905; Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1905; Саможигатели и самоутопленники в Сибири 1782—1783 гг. // Рус. старина. 1879. Т. XXIV. С. 336—340).

Пересмотр традиционных взглядов и отказ от тенденциозности в освещении вопросов раскола содержатся в работах профессора Московской духовной академии Н.Ф.Каптерева, из которых наиболее важны «Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов» (Сергиев Посад, 1913) и «Характер отношения России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях» (Сергиев Посад, 1914). Основной труд Н.Ф.Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» появился лишь после издания манифеста 1905 г. о веротерпимости (Сергиев Посад, 1909—1912; М., 1996). Работа Н.Ф.Каптерева и П.С.Смирнова «История русского раскола и старообрядчества» (Рязань, 1893; СПб., 1895 (2-е изд.)) способствовала изменению отношения русского духовенства к старообрядцам, проявившегося в документах Поместного Собора 1917—1918 гг.

Истории старообрядчества посвящали свои труды следующие ученые: Е.В.Барсов «Новые материалы для истории старообрядчества XVII—XVIII веков» (М., 1890); А.П.Щапов «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоя-

нием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII» (СПб., 1859), «Земство и раскол» (Вып. 1. СПб., 1862); Г.В.Есипов «Раскольничьи дела XVIII столетия» (СПб., 1861); Д.И.Сапожников «Самосожжение в русском расколе со 2-й половины XVII века до конца XVIII века. Исторический очерк по хранимым документам» (М., 1891); П.П.Власов «Письма старообрядческих деятелей» (М., 1915).

Работы историков XIX в., безусловно, важны и ценны как приведенными в них сведениями, так и постановкой вопроса относительно рассматриваемой проблемы. Но кроме работы А.С.Пругавина, который привел случаи самоуничтожения сибирских раскольников, в исследованиях других авторов практически не рассматривается сибирский раскол или о нем лишь упоминается. Нет характеристики сектантства конца XIX в., что объясняется временем написания данных работ. Но и в трудах А.С.Пругавина не выявлены причины, по которым раскольники шли на смерть. Он не работал с сибирскими архивами, где сосредоточены наиболее важные и типичные документы о раскольничьих самоподжогах, а ограничился использованием лишь центральных архивов, в связи с чем в нашем исследовании использованы лишь отдельные фрагменты его трудов.

Историком сибирской церкви А.И.Сулоцким была опубликована статья о первых случаях самосожжений раскольников в Сибири, а также о противодействии этому пагубному явлению со стороны сибирских архипастырей: «О бедствиях в Сибири от раскола. Протопоп Аввакум» (в 3-х томах. Т. III. Тюмень, 2001). В ней он полемизирует с авторами XIX в., которые называли протопопа Аввакума выходцем из Тобольска, приводит выдержки из «Записок Сибирской истории», помещенных в «Древней Российской Вивлиофике», издаваемой Н.И.Новиковым. При описании биографий сибирских архипастырей он в ряде случаев указывает, что они вели борьбу с расколом, но совершенно не приводит архивных данных или ссылок на документы. На наш взгляд, это объясняется тем, что маститый историк не ставил перед собой цели исследования сибирского раскола, а потому упоминал о нем лишь фрагментарно. Преподавателем Тобольской семинарии, священником И.Я.Сырцовым на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» за 1887 г. в № 13—14. С. 250—260, № 15—

16. С. 289—298 был помещен ряд статей о самосожжении раскольников по материалам архива Тобольской консистории. Эти материалы были затем выпущены отдельным изданием (Сырцов И.Я. Самосжигательство Сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольск, 1887). Особенно важен тот факт, что И.Я.Сырцовым использована часть документов, хранившихся некогда в фондах Тобольской духовной консистории и не дошедших до наших дней, а потому его публикация особенно важна для нас. В то же время его работа изобилует фактическим материалом, сгруппированным по годам и территориальной принадлежности самосожжений, но не дается анализа происходящих событий, не приводятся фамилии зачинателей гарей, отсутствует критика действий властных структур и пр.

После революции за рубежом вышла книга В.П.Рябушинского — одна из наиболее значительных работ по истории старообрядчества, однако практически неизвестная на родине автора (Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Париж, 1936). Другим русским эмигрантом, П.Н.Милюковым, в трехтомном издании, посвященном истории развития русской культуры, весьма подробно исследованы причины возникновения раскола, разногласия среди старообрядцев, история основных течений (поповщины и беспоповщины), происхождение сектантства (Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. М., 1994).

В XX в. усилился интерес к истории раскола. Активную работу по собиранию рукописей и старопечатных книг, сохранившихся в старообрядческой среде, ведут археографические центры МГУ (Поздеева Н.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980); Пушкинского дома (Древлехранилище Пушкинского дома. Л., 1978; Древлехранилище Пушкинского дома: Материалы и исследования. Л., 1990). Сотрудниками Сибирского отделения АН СССР под руководством Н.Н.Покровского найдены новые материалы о старообрядцах в Сибири, опубликованные в ряде коллективных авторских работ: «Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода: Археография и источниковедение Сибири» (Новосибирск, 1982); «Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сиби-

ри» (Новосибирск, 1982); «Публицистика и исторические сочинения периода феодализма» (Новосибирск, 1989).

В советский период вышли в свет историографические исследования по теме раскола: Грекулов Е.Ф. «Библиографический указатель литературы по исследованию православия, старообрядчества и сектантства в советской исторической науке за 1922—1972 годы» (М., 1974). Были найдены и опубликованы неизвестные ранее старообрядческие сочинения, однако обобщающих работ по истории раскола не появилось. В 1969 г. С.А.Зеньковский в эмиграции написал научно-популярную книгу «Русское старообрядчество» (М., 1995), в которой, однако, не были использованы собранные современными исследователями новые материалы по истории старообрядчества.

В пятитомной «Истории Сибири» приводятся сведения о борьбе официальной церкви с оппозиционным ей старообрядчеством (История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968), но не произведен должный анализ этого сложного и малоизученного явления. Довольно политизированную точку зрения на старообрядчество дал Н.М.Никольский в своей работе «История русской церкви» (М., 1988), где рассматривает противоречия между официальной и старообрядческой церковью с классовых позиций историка-марксиста, подробно анализируя распространение различных согласий и сект в России.

Одним из самых значительных исследователей истории старообрядчества Сибири и Урала является Н.Н.Покровский, участвовавший в ряде археографических экспедиций по выявлению рукописных источников этого направления русской культурной мысли, сумевший их обработать и классифицировать. Из довольно значительного количества работ по данной тематике отметим следующие: Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири // Литература и общественная мысль Древней Руси. М., 1969. Т. 24; Споры об исповеди и причастии у староверов-часовенных востока России в XVIII в. // Культура славян и Русь. М., 1998; Староверы-часовенные на востоке России в XVIII — начале XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

В более поздних своих работах Н.Н.Покровский анализирует идеологические разногласия внутри староверов-часовенных, часть из его исследований помещена в Интернете. Им в соавторстве с Н.Д.Зольниковой выпущена монография, в которой приводятся важные материалы по истории одной из ветвей старообрядчества в Западной Сибири в XVIII — начале XX вв.: Соборные постановления старообрядцев-часовенных востока России XVIII — XX вв. как исторический источник // http://cclib.nsn.ru/win/projekts/siberia/religion/pokrov_ros/html.

Вклад Н.Н.Покровского в историографию по данной теме столь велик, что у любого исследователя, собравшегося сказать свое слово по этой тематике, может сложиться представление, что большинство «белых пятен» на этом пути уже давно изучено и их просто не существует. Однако Н.Н.Покровский в своей фундаментальной работе «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.» рассмотрел и дал оценку наиболее яркому периоду борьбы старообрядчества за свои права в XVIII столетии, в то время как XIX и начало XX вв. остались вне рамок его исследования. Следует отметить и некоторую тенденциозность автора по отношению к деятельности православной церкви, что отличает его работу от современных исследований, в которых деятельность церкви рассматривается более объективно и взвешенно. Но, несмотря на это, работы Н.Н.Покровского стали своеобразным краеугольным камнем и вектором направленности для последующего поколения исследователей сибирского раскола. Именно Н.Н.Покровский дал многообразную картину происходящего, выявил огромное количество документальных свидетельств и ввел их в научный оборот, сообщил новые имена и описал судьбы ярких представителей старообрядческого движения в Сибири и на Урале.

Некоторые проблемы церковного раскола затрагивают Н.Д.Зольникова, Л.М.Русакова, Т.С.Мамсик, Н.С.Гурьянова⁴. В сборниках Тюменского государственного университета «Религия и церковь», под редакцией Н.С.Половинкина, помещен ряд статей, посвященных истории уральского и сибирского старообрядчества, анализу взаимодействия официальной церкви с представителями раскола⁵. В 1996 г. в Екатеринбурге под редакцией А.В.Вознесенского вышел сборник «Книгоиздательская деятель-

ность старообрядцев (1701—1918)», а в Москве — словарь «Старообрядчество» под редакцией С.Г.Вургафта и И.А.Ушакова. По материалам Международной научной конференции был опубликован сборник «Мир старообрядчества»⁶. Определенный интерес представляет собой Соборное уложение Тюменского собора 13 ноября 1840 г. (Духовная литература староверов востока России XVIII — XX вв. Новосибирск, 1999). Темой кандидатской диссертации стала проблема взаимоотношений между старообрядчеством и гражданскими властями для В.И.Байдина, а затем и для Л.Н.Сусловой⁷. В диссертационном исследовании В.И.Байдина староверие изучается с традиционных позиций авторов советского периода как движение социального протеста, в территориальные рамки исследования автор включил не только горнозаводской Урал, но и Южный Урал и Зауралье.

В последние годы уральские историки всесторонне рассматривают и изучают такое неоднозначное явление, как старообрядческое движение на Урале⁸.

Совершенно новый взгляд на раскол и его последствия для русской культуры приводится в статье Натальи Михайловой, которая неожиданно подверглась резкой критике на страницах различных патриотических газет и в ряде телевизионных выступлений современных литературных деятелей, (А.Проханова, А.Дугина и В.Личутина и др.), считающих себя приверженцами и последователями «древнего благочестия». Впрочем, сама Н.Михайлова не пытается найти компромисс между двумя направлениями российского религиозного движения, подводя свои выводы к факту подрыва старообрядчеством основных устоев государственности и экономической базы России, что в конце концов привело к революционному краху существующего строя. Нельзя не согласиться с рядом ее положений, которые выявляют негативное влияние старообрядческих общин на политическую дестабилизацию общественных настроений и их смычку с рядом крайних революционных движений, финансирования лидеров этих партий и т.п. Но в то же время автор излишне превозносит и ставит в заслугу деяния такой неоднозначной и противоречивой личности, как патриарх Никон, наделяя его чертами провидца и миротворца. А поскольку в ее работе отсутствует хоть какая-то критика духовных и гражданских властей, идущих на крайние меры при борьбе

с последователями старообрядчества, то создается впечатление одиозной направленности ее сочинения, не претендующего на историческую объективность. Работа помещена на электронном сайте в Интернете (Михайлова Н.О старообрядчестве. <http://antirascol.nm.ru/michailova.htm>. 2003).

Значительный интерес представляет собой монография Н.В.Воробьевой «Церковные реформы в России в середине XVII в.: идейные и духовные аспекты» (Омск, 2002), где существенно уточнены и дополнены сведения об идеологической борьбе в среде «ревнителй древнего благочестия», вскрыты основные их расхождения, которые привели к распаду кружка на «провинциальных» и «московских» ревнителй.

Таким образом, исследования, посвященные проблемам раскола и старообрядческого движения, уже в конце XIX века были выделены как самостоятельное направление в исторической науке, что позволило авторам данного направления собрать и обобщить довольно значительные сведения по истории церковной оппозиции. В советский и постсоветский период вопросами раскола активно занимались исследователи различных школ, не объединенные общими целями и задачами. Для нашего исследования их труды важны в той степени, в которой в них уделяется внимание непосредственно миссионерской деятельности РПЦ по отношению к сибирскому старообрядчеству в исследуемый период. Следует отметить, что обобщающего труда по истории взаимоотношений официальной церкви и старообрядчества в дореволюционный период до сих пор не имеется, а преобладают работы, лишь фрагментарно освещающие эту деятельность.

Примечания

¹ Азиатская Россия: В 3 т. Т. I: Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 577.

² Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII в. Мюнхен, 1970.

³ Пыпин А.Н. Сводный старообрядческий синодик. СПб., 1883.

⁴ Зольникова Н.Д. Словные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981; Русакова Л.М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII — XIX вв. Новосибирск, 1976; Савинова В. Пионеры прибрежного рыболовства: [О

заселении Лазов. р-на. История хозяйств А.Поносова и И.Тарбеева] // Синегорье (Лазов. р-н). 1997 (20 август); Мамсик Т.С. Побег как социальные явления: Приписная деревня Зап. Сибири в 40—90 гг. XVIII в. Новосибирск, 1978; Гурьянова Н.С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе позднего феодализма. Новосибирск, 1988.

⁵ Туров С.В. Тюменский Свято-Троицкий монастырь и урало-сибирское старообрядчество (вторая половина XVII — первая половина XIX вв.). Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1991. Вып. 2. С. 4; Мангалев П.И. Из истории урало-сибирского старообрядчества XIX века. Крестьянин Никита Николаевич Мокеев. Там же. С. 30.

⁶ Мир старообрядчества: Материалы междунар. науч. конф. Вып. 4: Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований. М., 1998.

⁷ Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII — середина XIX вв.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Свердловск, 1983; Сулова Л.Н. Старообрядчество и власти в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2002.

⁸ Шашков А.Т. Борьба Тобольского митрополичьего дома с антицерковным движением урало-сибирских старообрядцев во второй половине XVII в. / Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1987; Байдин В.И., Шашков А.Т. Историко-культурные традиции населения Зауралья XVII — XIX вв. // Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Екатеринбург, 1991. Т. I. Вып. 1. С. 9—53; Павловский Н.Г. Демидовы и старообрядчество в XVIII веке // Демидовский временник. Ист. альм. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. С. 30—64 и др.

Угрюмова М.В.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО В ОРГАНАХ ГОРОДСКОГО И ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в. — 1919 г.)

Вопросы изучения истории постановки делопроизводства в органах центральной и высшей власти России во второй половине XIX — начале XX вв. привлекали историков довольно часто. Проблемы организации делопроизводства на местах, как и истории органов местного самоуправления, долгое время оставались в

стороне. Сегодня центром внимания все чаще становятся низовые управленческие звенья, выступавшие, с одной стороны, как институты самоорганизации местного населения, а с другой — как структуры, реализующие государственную политику в решении социальных и управленческих проблем. Особняком в рамках этих проблем стоит вопрос об изучении создания и функционирования делопроизводства в органах городского и земского самоуправления Сибири. До сибирских губерний либеральные реформы XIX в. доходили по «остаточному принципу», что постоянно подвигало местную общественность на радикальные выступления на собраниях общественности, в органах государственной и местной власти, прессе.

В условиях нерешенности многих теоретических, методических и практических аспектов работы с документами в общегосударственном масштабе и на уровне сибирских губерний в период с 1870 по 1919 гг., вопросы делопроизводства и работы архивов не раз поднимались на съездах профессионалов, либо активной общественности, а результаты обсуждения публиковались. Отдельные вопросы состояния нормативной базы работы с документами в органах местного самоуправления, методики отбора документов для архивных фондов, в начале XX в. стали сферой интересов Д.Я.Самокусова¹. Некоторые аспекты постановки делопроизводства в органах городского самоуправления освещались в рамках работы археологических съездов А.Н.Львовым, М.В.Довнар-Запольским, Г.Н.Шмелевым, И.М.Каманиным, Л.М.Савеловым². Недостаточная регламентация и отсутствие унификации делопроизводственного законодательства, несовершенство и несогласованность форм и порядка составления документов во второй половине XIX в. нашли свое отражение в исследованиях А.С.Лаппо-Данилевского³.

Советская историография не ставила своей задачей специально рассматривать вопросы делопроизводства в деятельности органов городского и земского самоуправления в России во второй половине XIX — начале XX веков.

Для последнего десятилетия XX в. характерной стала активизация исследований истории земств в отечественной историографии. Появляются обстоятельные труды, в которых рассматриваются ключевые вопросы функционирования земских учреждений

и отношении к ним властей — царского и Временного правительств. В работах Г.А.Герасименко, В.Ф.Абрамова, Н.Г.Королевой, Л.Е.Лаптевой проявился определенный интерес не только к деятельности земств, но и к земским избирательным процедурам и технологиям, постановке делопроизводства⁴.

К середине XIX в. формы, структуры и методы управления на местах потребовали коренной модернизации. В 1870 г. в Сибири, как и по всей России, было введено городское самоуправление. Земское же самоуправление, Сибирь получила лишь с деятельностью Временного правительства.

Во вновь созданных распорядительных (городские думы, земские собрания) и исполнительных (городские и земские управы) органах городского и земского самоуправления постановке делопроизводства внимание со стороны руководителей было уделено самое внимательное. Весь процесс осложнялся отсутствием специального единого регламентирующего нормативно-правового акта в области постановки делопроизводства в сфере деятельности органов местного самоуправления.

Становление и развитие делопроизводства в органах местного самоуправления сибирских губерний включает в себя три этапа.

Первый этап связан с введением и развитием деятельности органов городского самоуправления (1970 г. — 1917 г.). Второй этап включил в себя особенности становления и развития органов земского самоуправления, изменения основ формирования и деятельности органов городского самоуправления в период деятельности Временного правительства. Третий этап соотносится с созданием новых нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность органов местного самоуправления в условиях власти Колчака.

За общую основу ведения делопроизводства на всех трех этапах была взята система отечественного министерского делопроизводства. Важный принцип министерского делопроизводства — принцип иерархии — был сохранен, поскольку он предопределял строгое разграничение функций органа самоуправления между структурными подразделениями, а также обязанности чиновников. Нарушение обязанностей влекло за собой конкретную меру ответственности, определенную законом. Внедрение принципа иерархии означало то, что решение готовили и обязательно его

отстаивали все структурные подразделения и должностные лица — от нижестоящих к вышестоящим.

На основе «Общего учреждения министерств» (25 июня 1811 г.) регламентировалось единообразие в организации делопроизводства новых. Был установлен порядок рассмотрения документов, подготовки их проектов, оформления, подписания, скрепления, регистрации, контроля за исполнением и архивного хранения. Порядок работы с документами назван в этом законе «образ производства дел». Он включал пять составных частей: порядок вступления дел; движение их, или собственно так называемое производство; отправление дел; ревизию; отчеты. Первые три части устанавливали путь прохождения документов от момента их получения или создания до завершения исполнения и отправки. Ревизия означала контроль за исполнением. Завершалось «производство дел» по «Общему учреждению» составлением отчетов.

Перечисленный порядок составления документов, основанный на иерархическом построении аппарата, привел к необходимости строгого соблюдения последовательности прохождения документа в процессе его обработки во всех структурных подразделениях органов городского и земского самоуправления. По Городовому положению 1870 г. аппарат городских управ возглавлялся городским головой (в подчинении которого была канцелярия) и включал управления и отделы (у которых могла быть канцелярия) во главе с начальниками⁵. По положению Временного правительства о земских учреждениях в Сибири аппарат земских управ (губернских, уездных и волостных) также имел в своей основе сложную структуру, где на особом месте значилась постановка делопроизводственной деятельности⁶.

В числе норм, регулирующих работу органов местного самоуправления в области делопроизводства, необходимо выделить специальные разделы высших законодательных актов⁷, и нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы передачи документов в архив, их архивного хранения⁸. Определенный пласт необходимой информации, позволяющей сформировать представление о составе должностных лиц учреждений городского самоуправления, занимавшихся организацией делопроизводства и

деятельности архивов, содержится в Памятных книжках, Адрес-календарях сибирских губерний за разные годы.

Существенным фактором, оказавшим влияние на развитие делопроизводства в органах местного самоуправления во второй половине XIX в., явилось состояние нормативной базы делопроизводственного и архивного дела, представлявшей собой разрозненные акты, регламентирующие отдельные направления деятельности городских управ. Лишь в отношении губернских правлений действовали нормы «Общего учреждения губернского», регламентировавшего отдельные вопросы работы с документами. Именно эти нормы, ряд сибирских городских управ (а позднее и земские управы) использовали в своей деятельности. Деятельность архивов органов самоуправления фактически не регламентировалась. Вместе с тем, самостоятельная разработка правил и инструкций больших городских управ со второй половины XIX в. существенно дополнила имевшуюся нормативную основу министерского делопроизводства.

Подготовка проекта документа начиналась в одном из отделов управы (городской или земской, либо в мелкой земской единице), затем он последовательно передавался руководителю органа местного самоуправления, подвергаясь на каждом этапе корректировке. В этом состоит одно из основных отличий делопроизводства органов местного самоуправления. Вся подготовительная работа для принятия решения и оформления его в соответствующей форме велась в канцелярии отделов (или мелкой земской единице), управленцы всех структурных подразделений принимали участие в подготовке проекта решения, которое оформлялось в канцелярии управы (городской или земской).

Все входящие и исходящие документы регистрировались в журналах. Журналы подразделялись на общий и частный. Общие журналы велись в канцелярии управ, частные — в отделах.

Несколько раз в год в структурных подразделениях органов местного самоуправления проводилась «ревизия дел», т.е. был внедрен систематический контроль за исполнением документов. По его результатам составлялись «ведомости» о количестве исполненных и неисполненных документов. В конце года составлялась общая ведомость по управе. Особенно такая постановка отмечается в городских органах самоуправления.

Ежегодная деятельность органов городского и земского самоуправления заканчивалась отчетами. Отчеты были представлены несколькими видами документов: финансовый отчет («отчет в суммах»), отчет о выполнении плана («отчет по делам»), аналитический отчет («отчет в видах и предположениях к усовершенствованию каждой части»). Для каждого отчета существовал особый порядок составления и представления. Ежегодно управы представляли доклады по отчетам земским и городским собраниям.

Со всех исходящих документов снимались копии («отпуски»), которые со всеми входящими документами сдавались в архив управ, где на них составлялись описи.

В органах местного самоуправления особое значение придавалось формуляру документа. Это связано с внедрением в процесс документирования бланков. К «Общему учреждению» приложены четыре формы «переписки», служившие эталоном для составления и оформления официальных документов. Они составлены на бланках с угловым расположением реквизитов. Бланк включал: наименование учреждения-автора, наименования структурных подразделений, дату подписания документа, исходящий регистрационный индекс, краткий заголовок к тексту. Позже появляется ссылка на номер инициативного документа. В правом углу листа указывался адресат. Бланки писались от руки.

При анализе «сношений» следует иметь в виду, что на одних документах наименование вида обозначалось, а в других — «без заглавных» — отсутствовало. Его можно определить, зная соподчиненность автора и адресата. Высшие, обращаясь к нижестоящим, писали адресат в дательном падеже: «Тобольской губернской земской управе». Равные и нижестоящие, обращаясь в вышестоящие учреждения, использовали предлог «в»: «В Тюкалинску уездную земскую управу». Если документ адресовался конкретному лицу и нижестоящий чиновник обращался к вышестоящему, указывался титул последнего: «Его превосходительству», «Его благородию». При общении равных должностных лиц и вышестоящих с нижестоящими титул не писали. Документы обязательно подписывались и скреплялись. Подпись и скрепа включали наименование должности чиновника, его инициалы, фамилию. В формуляре документа ясно прослеживается стремление к

формализации, определению четких правил расположения и оформления реквизитов.

Делопроизводственные материалы включают в себя протоколы и стенографические отчеты заседаний городских дум, сибирской группы депутатов Государственной думы, протоколы собраний городских дум, журналы заседаний городских дум и городских управ, материалы деятельности управлений и отделов городских управ, планово-отчетную документацию, постановления городских управ и городских дум, циркулярно-распорядительную документацию в рамках переписки:

- внутри городских и земских управ (между отделами и управлениями);
- между управами;
- между городскими (земскими) управами и губернским правлением;
- между городскими (земскими) управами и отделами МВД (Российского, а позднее и колчаковского правительства);
- между городскими и земскими органами самоуправления (с момента функционирования земств в Сибири — осень 1917 — зима 1918 гг.).

Перечисленные документы содержатся в ряде опубликованных сборниках⁹. Основная же часть представлена материалами:

- Российского государственного исторического архива (Ф. 1275 — Совет министров (1857—1905 гг.); Ф.1276 — Совет министров (1905—1917 гг.); Ф. 1282 — Канцелярия министра внутренних дел; Ф. 1284 — Департамент общих дел; Ф. 1288 — Главное управление по делам местного хозяйства; Ф. 419 — Московское общество сельского хозяйства);
- Государственного архива РФ (Ф. 543 — Канцелярия рукописей Царскосельского дворца; Ф. 1779 — Канцелярия Временного правительства);
- Государственных архивов Тюменской, Омской, Томской и др. сибирских областей (фонды — городские управы, городские думы).

Особое место в системе делопроизводства занимают протоколы заседаний органов местного самоуправления. Протоколы представляют собой последовательную запись хода собрания или

заседания, с занесением всех решений, которые были приняты в результате обсуждений. Протоколы заседаний управ и собраний органов местного управления сохранились достаточно хорошо, деятельность почти всех волостных, уездных и губернских земских управ и городских управ широко представлена архивными фондами государственных архивов современных сибирских областей.

Источники делопроизводства включили в себя административную (губернскую, уездную, волостную) документацию и документы городского и земского самоуправления, а также материалы различных съездов, сходов и собраний по вопросам местного самоуправления. Наиболее полно они представлены в фондах Государственного архива Тюменской области, Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области, Тюменского областного центра документации новейшей истории, Государственного архива Омской области, Государственного архива Курганской области. Необходимо отметить, что определенная часть документов до сих пор не введена в научный оборот. Преимущественно это наказания местного населения депутатам Государственной думы, содержащие просьбу о распространении земской реформы на губернию; распоряжения уездных и губернской администраций по вопросу о введении земского самоуправления; протоколы сельских, волостных, уездных и губернских земских собраний, в повестке которых значился вопрос о введении земских учреждений.

Из губернских документов особый интерес представляют документы двух съездов (1905 г. и 1917 г.), позволяющие судить о настроениях губернской администрации, общественности и крестьянства по отношению к земской проблеме в крае. Документы губернского комитета по введению земства, распоряжения губернской администрации по вопросу организации земского самоуправления раскрывают ход и особенности проведения земской реформы в Тобольской губернии осенью 1917 — зимой 1918 годов. Бюллетени голосований, протоколы волостных и уездных избирательных комиссий по введению земства также дают представление об отношении местного населения к новым учреждениям — земствам. Журналы заседаний, исходящие материалы волостных, уездных и губернской земских управ, протоколы земских собраний, земские сметы — характеризуют основные на-

правления земской деятельности. Протоколы и материалы съездов, совещаний и курсов, которые проводились при губернской и уездных управах, документы различных отделов губернской и уездных управ позволяют говорить о заинтересованности земств в делах той или иной области местного хозяйства. Наиболее ценными, на наш взгляд, являются отчеты инструкторов-информаторов, как один из основных источников по истории восстановления и создания органов волостного и уездного земского самоуправления летом — осенью 1918 года. Документальные материалы характеризуют отношение местного населения к образованию земств, их устранению большевиками, восстановлению сибирскими правительствами и окончательной ликвидации. Все это, в какой-то мере, позволяет дополнить уже имеющиеся исследования о политических позициях тобольского крестьянства в различные периоды гражданской войны.

Организацию работы с документами в сибирских органах земского и городского самоуправления следует рассматривать как четкую систему, обеспечивавшую движение, учет, контроль и хранение управленческих документов, в основе которой лежали «универсальные» возможности человека.

Установлено, что в органах местного самоуправления в силу отсутствия нормативного регулирования комплектования дел и передачи их в архивы, практиковалось восприятие норм и опыта, распространявшихся на губернские правления.

Процедура приема-передачи дел предполагала участие руководства органа самоуправления в рассмотрении состава и принадлежности передаваемых дел в соответствии с принятым в учреждении порядком. Однако имевшие место систематические нарушения в вопросах соблюдения сроков передачи дел, их подготовки к передаче в архив, свойственных большинству органов городского и земского самоуправления (особенно на уездном и волостном уровнях), свидетельствуют о том, что их участие носило формальный характер, а контроль со стороны непосредственного и вышестоящего руководства был недостаточным. Нарушения также определялись недостаточной персональной ответственностью лиц, ответственных за текущее делопроизводство и архив.

Организация делопроизводства в органах местного самоуправления также не исключала постоянного возникновения опреде-

ленных проблем. Например, долгое время в стороне оставалось делопроизводство городских дум и земских собраний (губернских, уездных, волостных), поскольку его сложно было выделить в самостоятельное. Такая постановка дел не раз приводила к конфликтам между думой и управой (собранием и управой)¹⁰. Позднее законом была определена четкая компетенция руководителей органов местно самоуправления, начальников управлений и отделов в рассмотрении управленческих ситуаций, после чего распределение всех входящих и исходящих документов между ними не вызывало особых затруднений. Структура документопотоков, как входящих, так и исходящих, ставилась в зависимость от заключенной в них информации.

Особняком в системе делопроизводства органов местного самоуправления стояло плохо организованное делопроизводство в волостных земствах. Оснований для некачественного оформления документов было достаточно: низкий уровень грамотности и образованности сельского населения Сибири, высокий процент нерусского населения, отсутствие специалистов в области делопроизводства. Еще одной важной причиной явился сам принцип формирования волостного земства в Сибири. На территории сибирских губерний волостные земства образовывались самостоятельно, а в Европейской России — под руководством уездных и губернских земских управ.

В деятельности волостных земств постановка делопроизводства явилась весьма проблематичной на всем протяжении их функционирования (1918—1919 годы). В сложный исторический период — постоянная смена власти, экономическая и социальная разруха — земства часто пользовались тем, что было «под рукой». Нередким явлением стало создание документов на бланках волостного правления с печатью земской волостной управы. Этот печальный опыт перешел в наследство и советским органам власти (на бланке волостного правления ставилась печать волостной земской управы, а подписывался документ уже руководителем новых органов власти — советов)¹¹.

Характерным явлением для сибирских органов местного самоуправления стало стремление к сокращению объема документооборота. Достигалась данная цель путем делегирования, части полномочий в принятии управленческих решений нижестоящим

структурам и должностным лицам. Например, передавались полномочия в решении кадровых вопросов, сбора местных налогов, расходовании денежных сумм и т.д.

В последней трети XIX — начале XX вв. большое влияние на делопроизводство органов местного самоуправления оказало развитие техники. Изобретение пишущих машинок, гектографов и другой множительной техники вывело на новый уровень культуру документирования, ускорило изготовление документов, позволило экономить время и затраты, сократив рукописное изготовление документов. Появление телеграфа, телефона привело к появлению новых видов документов (телеграммы, телефонограммы), которые заняли особое место в системе управления.

Общегосударственные нормы в делопроизводственной сфере, заложенные еще в «Общем учреждении министерств», постепенно подвергались корректировке. Отдельные сибирские органы городского самоуправления, а позднее и земства, пытались самостоятельно упростить делопроизводственный процесс, опираясь на соответствующие нормативно-правовые акты в различных сферах деятельности (образование, статистика, военное дело¹²). На всем протяжении своей деятельности, органы городского и земского самоуправления Сибири использовали специально изданные сборники образцов документов, называемые «письмовниками», которые были призваны помочь чиновникам и частным лицам составить документ в соответствии с существующими правилами.

Достаточно деловой подход к оформлению документов, их грамотному составлению, оперативному и архивному хранению необходимо отметить в делопроизводственной деятельности городских дум и управ, действовавших на территории губернских и крупных уездных городов Сибири (1870—1919 гг.), а также некоторых губернских и уездных земских собраний и управ, функционировавших в сибирских губерниях (1918—1919 гг.).

Примечания

¹ Самоквасов, Д.Я. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России / Д.Я.Самоквасов. — М.: Тов-во типографии А.И.Мамонтова, 1902. — 48 с.

² Львов, А.Н. Русское законодательство об архивах / А.Н.Львов // Труды XI Археологического съезда в Киеве: Печатня А.Н.Снегиревой, 1902. — Т. II. — Ч. 1. — С. 1—11; Довнар-Запольский, М.В. Обзор деятельности ученых губернских архивных комиссий 1896—1898 гг. / М.В.Довнар-Запольский // Там же. С. 90—99; Шмелев Г.Н. Теория и практика архивных описей / Г.Н.Шмелев // Там же. С. 30—37; Каманин, И.М. Об экспертизе древних подложных документов / И.М.Каманин // Там же. С. 38—42; Савелов Л.М. Об архивах дворянских депутатских собраний / Л.М. Савелов // Там же. С. 27—29.

³ Лаппо-Данилевский, А.С. Особая комиссия при Императорском Русском Историческом Обществе и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911—1916 гг. / А.С.Лаппо-Данилевский — Пг., 1916.

⁴ Абрамов, В.Ф. Земская избирательная система // Родина. 1992, № 11—12. С. 30—33.; Абрамов, В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и кредит. М., 1996. Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990.; Герасименко, Г.А. Крах земского самоуправления в России // История СССР. 1989, № 1. С. 74—88.; Герасименко, Г.А. Земства в Февральской буржуазно-демократической революции // История СССР. 1987, № 4. С. 73—86.; Герасименко, Г.А. Земства и Советы // Свободная мысль. 1993, № 4. С. 97—106.; Герасименко, Г.А. Земства в Октябрьские дни // Вопросы истории. 1987, № 11. С. 18—31.; Лаптева, Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1993.

⁵ Городовое положение (16 июня 1870 г.) // ПСЗ II. Т. XLV.. № 17539, № 48498. Санкт-Петербург, 1874.

⁶ Временное положение о земских учреждениях в губернии Архангельской и в Сибири. // Сборник постановлений Временного правительства. Пг., 1917.

⁷ Городовое положение (16 июня 1870 г.) // ПСЗ II. Т. XLV.. № 17539; Городовое положение (11 июня 1892 г.) // ПСЗ III. Т. XII. № 8708; Положение о губернских и уездных земских учреждениях (1 января 1864 г.) // ПСЗ II. Т. XXXIX. № 40457; Положение о губернских и уездных земских учреждениях (12 июня 1890 г.) // СЗ РИ. Т. II. Кн. 1. С. 219—240.

⁸ Общее учреждение губернское / Свод губернских учреждений. Изд. 1892 г. // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. — Пг.: Тип-я Главного Управления Уделов, 1916. — Т. 1. — С. 27—35; Свод Законов Гражданских. Изд. 1887 г. // СЗ РИ. Т. X. Ч. 1. Кн. 3. Ст. 122—1500; О порядке и способах уничтожения решенных дел по губернским правлениям и учреждениям ведомства МВД: Инструкция // Сборник циркуляров МВД за 1880—1886 гг. — СПб., 1886; Правила о порядке хранения и уничтожения решенных дел по Министерству Фи-

нансов и учреждениям его ведомства: Утверждены Министром финансов 9 июня 1864 г. // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. 1. С. 163—164; О порядке и способах уничтожения решенных дел по губернским правлениям и по учреждениям ведомства Министерства внутренних дел, подведомственным сим правлениям: Инструкция (утв. Министром внутренних дел 19 июня 1909 г.) // Там же. С. 27—35. и др.

⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности; Сборник о земстве в Сибири. Т.53. Тобольская губерния. СПб., 1903.; Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.): сборник документов и материалов // Под редакцией А. Ю. Конева, Е. В. Фоминых. Тюмень, 1995; Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917 — 1920 гг.). Томск, 1984. и др.

¹⁰ ГАТО. Ф. И-2. Оп.1. Д. 489В. Л. 66, 67 об. — 68,

¹¹ См., например: ГАТО Ф. 278, 262, 292, 261, 483, 679.; ТФ ГАТО Ф.732, 762, 769, 743, 745, 747.; ГАОО Ф. Р-428, 111—166, 167—179.

¹² См., например: Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве. СПб, 1911 г.

Алексеева Л.В., Феоктистова Ю.В.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Одним из важнейших аспектов хозяйственного развития региона предвоенного десятилетия является использование принудительного труда. В данной статье предпринята попытка некоторых обобщений относительно степени изученности вопроса в отечественной историографии последних десятилетий, ибо, как известно, долгие годы тема оставалась закрытой для изучения. Следует напомнить, что советский период истории региона начал систематически разрабатываться лишь с конца 1950-х гг. в русле истории партийных организаций края¹.

Существовали также объективные условия, затруднявшие разработку темы, которые нельзя не учитывать, поскольку они являлись сдерживающим фактором в изучении истории региона в целом. Речь идет об отсутствии на протяжении длительного време-

ни собственных научных кадров историков на Севере Западной Сибири. Создание научных кафедр в первой половине 1990-х гг. в вузах Нижневартовска и Сургута привело к активизации исследований по истории Сибири и региона.

Появление первых работ, посвященных вкладу спецпереселенцев в освоение Севера, относится к 1994 г. К пятидесятилетию Тюменской области вышла коллективная работа ученых Тюменского государственного университета под редакцией В.М.Кружинова «Очерки истории Тюменской области», одна из глав рассматривала экономическое развитие Обского Севера. В ней нашла некоторое освещение хозяйственная деятельность и условия жизни спецпереселенцев². Тогда же появилась статья Л.П.Кондрашовой, напечатанная в 1994 г. в научно-популярном журнале «ЮГРА». В ней автор на основе документов, извлечённых из архивов Ханты-Мансийска и Тюмени, описала некоторые аспекты в положении спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе, затронула вопрос об использовании их труда в хозяйстве региона³.

Во второй половине 1990-х гг. обратилась к исследованию проблемы ссылки крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.) Н.И.Загороднюк, попытавшаяся показать роль спецпереселенцев в различных отраслях экономики края. Она пришла к выводу, что производственная деятельность спецпереселенцев во многом была определяющей в развитии хозяйства в крае, что в последствие было подтверждено и другими историками. К сожалению, после защиты кандидатской диссертации Н.И. Загороднюк почти уже не обращалась к этой теме⁴.

На рубеже XX—XXI вв. в контексте комплексной разработки истории Северо-Западной Сибири 1917—1941 гг. Л.В.Алексеевой были начаты исследования различных проблем прошлого спецпереселенцев. В современной науке отмечен ее вклад в разработку этой темы.

Уникальность выявленных ею данных относительно численности спецпереселенцев был с большим интересом воспринят и положительно оценен известными специалистами аграрной истории В.П.Даниловым и И.Е.Зелениным на аграрном симпозиуме 2000 г. в Вологде. Это стало хорошим стимулом для продолжения столь трудного исследования и правильно выбранного научного направления.

В 2003 г. появилась монография Л.В.Алексеевой «Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада». Одна из глав посвящалась тяжелой жизни ссыльных крестьян в 1930-е годы и влиянию спецпереселенцев на экономическое развитие Севера. Автор пришла к выводу о решающей роли крестьянской ссылки в освоении края и его модернизации 1930-х годах⁵. Вместе с тем автор заметила, что использование подневольного труда не создавало дополнительного материального стимула и не несло в себе опасности финансового ущерба для участников производства. Государство полностью контролировало хозяйственную деятельность и распределение продукции, исключив свободные рыночные отношения. Северное хозяйство, делает вывод Л.В.Алексеева, развивалось за счет экстенсивного фактора, поэтому на Севере сформировался затратный и малоэффективный тип экономики.

С 2004 г. тему крестьянской ссылки стал разрабатывать аспирант кафедры истории России НГГУ В.В.Мошкин, успешно защитивший кандидатскую диссертацию в июне 2008 г. в Томском государственном университете. По материалам диссертации им была подготовлена монография «Ссылка крестьян на Север в 1930—1933 годах (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа)». На основе опубликованных и архивных документов исследователь изучил использование труда спецпереселенцев в хозяйственном освоении территории и пришел к выводам, схожим с теми, что ранее были получены Н.И.Загороднюк и Л.В.Алексеевой. Они заключались в следующем: благодаря титаническому труду ссыльных крестьян в начале 1930-х годов были заложены основы для создания и развития сельскохозяйственной отрасли на Обь-Иртышском Севере. Использование труда ссыльных крестьян и членов их семей в хозяйственном освоении севера Западной Сибири показало, что спецпереселенцы составили основную рабочую силу в общественном производстве округа.

В.В.Мошкину удалось конкретизировать полученные ранее выводы, открыть новые факты. Он полагает, что приблизительно около 60% сосланных крестьян стали работать на производстве. Он подчеркнул, что в экономическом развитии Севера Западной Сибири сельскому хозяйству отводилась вспомогательная роль, предназначенная для обеспечения спецпереселенцев продуктами

питания. В сельском хозяйстве работало 11 400 спецпереселенцев.

Анализ динамики развития промышленности также свидетельствует о решающей роли спецпереселенцев в экономическом развитии округа 1930—1933 гг., что заложило основы для модернизации региона⁶. В начале 1930-х гг. спецпереселенцы составили значительную долю в числе занятых на рыбных промыслах, которая, по его подсчетам, составила не менее трети от всего числа работавших в отрасли. Всего в рассматриваемый период в рыбной промышленности Остяко-Вогульского округа было занято 25 827 человек спецпереселенцев (суммарно за 1930—1933 гг.).

В лесной промышленности округа было закреплено за указанный период около 17 010 человек (суммарно) спецпереселенцев. В строительстве производственных, жилых, социально-культурных объектов роль спецпереселенцев была также определяющей.

Кустарная промышленность Обь-Иртышского Севера, особенно в первые годы крестьянской ссылки, была поставлена в такие условия, в которых, по его мнению, об успешности развития кустарного производства не могло идти речи. Однако спецпереселенцы по возможности вносили свой вклад в обеспечение населения промтоварами. На кустарных промыслах в рассматриваемый период было занято 1 886 спецпереселенцев (суммарно).

В спецссылке широко применялся детский труд. По данным учета различных производственных организаций В.В.Мошкин установил, что подростки от 14 до 16 лет и старше использовались на работах в рыбной, лесной отрасли, на строительстве и в сельском хозяйстве, а также в кустарном производстве. В целом в Остяко-Вогульском округе в производственной сфере использовался труд 3 983 подростков в возрасте до 16 лет.

Обобщение имеющихся исследований, посвященных изучению вклада спецпереселенцев в аграрное освоение региона было предпринято Л.В. Алексеевой в связи с подготовкой к симпозиуму 2008 г. В ряде публикаций автор попыталась разработать периодизацию истории аграрного освоения Севера-Западной Сибири и проанализировала вклад современных историков в изучение темы, выделив направления исследований по аграрной истории региона и группы исследователей⁷. В результате был сделан вывод, что в числе приоритетных направлений современного изуче-

ния аграрной истории Севера Западной Сибири выступает крестьянская ссылка и вклад спецпереселенцев в аграрное освоение Югры и Ямала.

Л.В.Алексеева полагает, что в советском опыте аграрного освоения территории можно выделить три этапа:

1.крестьянская ссылка и создание основ сельскохозяйственной отрасли, особенно земледелия в регионе (1930—1945 гг.);

2.послевоенный этап, охватывавший 1945—1969 гг., характеризовавшийся хозяйственным укреплением колхозов и совхозов (до интенсивного нефтяного освоения);

3.1970—1980-е гг. — сельскохозяйственное производство в эпоху развития нефтегазового комплекса, его упадок и кризис.

За период 1990-х — 2008 гг. учеными региона выполнены исследования по изучению экономики северных районов Тюменской области 1930-х гг., в том числе изучен вклад спецпереселенцев в хозяйственное освоение территории. Ученым удалось получить сведения о занятости спецпереселенцев в различных отраслях экономики края, выявить их роль в той или иной сфере производства. Дальнейшего изучения требуют вопросы, связанные с подсобными хозяйствами спецпереселенцев, много неясного с использованием детского труда, функционированием неуставных артелей, развитием кустарного производства. Все эти вопросы ждут исследователей.

Примечания

¹ См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Проблемы изучения истории Тюменской области в отечественной историографии // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2001. Тюмень, 2002. С. 134.

² Очерки истории Тюменской области / Под ред. В.М.Кружинова. Тюмень, 1994. С. 178.

³ См.: Кондрашова Л. Влияние ссыльных крестьян на хозяйственное развитие округа // Югра. 1994. № 5.

⁴ См.: Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999; Она же. Спецпереселенцы: социо-этнический аспект // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 241—243; Она же. Роль спецпереселенцев на Обском Севере // Югра. 1996. № 10. С. 34—35.

⁵ См.: Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада: Монография. — Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2003.

⁶ См.: Мошкин В.В. Ссылка крестьян на Север в 1930—1933 годах (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа). Нижневартовск, 2008.

⁷ См.: Алексеева Л.В. Отражение проблем аграрного развития Севера Западной Сибири в 1930-е гг. в трудах современных ученых региона // Воспитательный потенциал исторического образования: сб. науч. ст. / ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т» — Екатеринбург, 2008. Ч. 1. С. 50—55; Алексеева Л.В. Отражение проблем аграрного развития Севера Западной Сибири в 1930-е гг. в трудах современных ученых региона // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщ. Вологда 23—26 сентября 2008 г. М., 2008. С. 99—100; Алексеева Л.В. Отражение проблем аграрного развития Севера Западной Сибири в 1930-х гг. в трудах современных ученых региона // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Коллективная монография. Нижневартовск. 2008. Ч. 3. С. 250—260.

Комзорт М.В.

ОТКРЫТИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ НЕФТЕГАЗОНОСНОЙ ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Историография научного обоснования и открытия крупнейшей нефтегазодобывающей провинции СССР, представленная множеством различных по формату публикаций, написанных в 1960—2000-е гг., позволяет проанализировать как традиционные исследовательские методы, так и выявить особенности современных подходов. Работы, посвященные данной проблематике, относятся к различным историческим периодам и отражают как уровень профессиональной компетенции авторов, так и специфичные для каждого поколения исследователей особенности акцентирования, оценки событий и персоналий.

Публикации 1960—1980-х гг. по проблемам становления и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, в том числе и подготовки его минерально-сырьевой базы, выполнены преимущественно в историко-партийной традиции. Основателем школы историко-партийных исследований геологической отрасли является Б.А.Ним. Круг его интересов определялся, главным образом, исследованием партийного руководства развитием геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири в 1930—60-е гг. и разработкой их периодизации¹. Следует заметить, что статьи историка, в силу своего объема и назначения не могли претендовать на всестороннее исследование поставленных задач. Однако Б.А.Ниму первому удалось ввести в научный оборот достаточно широкий круг источников из центральных, местных и ведомственных архивов, а предложенная им периодизация сохраняет актуальность и в настоящее время, требуя лишь незначительной корректировки.

Исследование проблем развития западно-сибирской геологии продолжил Н.М.Пашков — сначала в ряде статей², а затем — в главе монографии, посвященной деятельности партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса³. Хронологические рамки работы — 1964—1980-е гг. — выводили проблему открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции за ее границы, тем не менее, автор достаточно подробно охарактеризовал политику КПСС по развитию восточных районов страны в 1930—1970-е гг., предложив при этом и свой вариант периодизации поисково-разведочных работ в Западной Сибири с характерными отличительными особенностями каждого периода.

Во многом благодаря Б.А.Ниму и Н.М.Пашкову, в Тюмени сложилась научная школа историков Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, многие представители которой успешно защитили кандидатские и докторские диссертации (Б.Н.Хамидуллин, Н.В.Шестакова, В.П.Карпов, М.В.Комгорт, Г.Ю.Колева, Н.Ю.Гаврилова, С.М.Панарин и др.). При этом некоторые историки, начинавшие свои исследования в историко-партийном направлении, продолжили их в рамках гражданской истории.

Повышению исследовательской активности историков в 1980-е гг. способствовало принятие СО АН СССР (Новосибирск) долгосрочной научно-исследовательской программы «Сибирь», составной частью которой стало исследование проблем развития сибирских ТПК, в том числе и ЗСНГК. В рамках этой программы исследованием некоторых аспектов становления ЗСНГК занимались новосибирские ученые В.В.Алексеев и В.А.Ламин. В статьях⁴ и совместной монографии⁵ они представили хронику геологических исследований в Сибири, начиная с XVIII в., а также исследовали перипетии научных дискуссий вокруг проблемы сибирской нефти и дали подробную ретроспективу нефтепоисковых работ в регионе. Не со всеми выводами историков можно согласиться. В частности, с утверждением, что «плановая разведка нефти в Сибири» началась после Октябрьской революции⁶. В действительности, общепризнанной датой их начала является 1948 г. Также, на наш взгляд, не стоит признавать открытие Березовского газа в 1953 г. свидетельством «рождения новой нефтегазоносной провинции»⁷. К сожалению, последний вывод тиражируется и рядом других исследователей⁸.

Истории организации геологической науки и службы в Западной Сибири в первые годы Советской власти посвящена работа новосибирского историка А.А.Запорожченко⁹. Автор рассматривает основные направления научно-исследовательской и производственной деятельности сибирских геологов в 1917—1932 гг., вопросы подготовки кадров, роль партийных, советских и общественных организаций в становлении геологической службы в регионе. Работа выполнена с привлечением широкого круга источников, однако, заданность историко-партийного исследования предопределила их интерпретацию. В частности, это касается оценки создания в 1918 г. в Томске Сибирского геологического комитета. Поскольку он был учрежден в период существования в Сибири Временного сибирского правительства А.В.Колчака, автор оценивает это как «политический акт, призванный представить белогвардейский режим в глазах буржуазной интеллигенции в качестве ее «защитника» и «благодетеля»¹⁰.

В 1980—2000-е гг. большой вклад в исследование проблемы создания минерально-сырьевой базы ЗСНГК внес С.М.Панарин. Следует отметить, что этому автору принадлежит и первый исто-

риографический обзор деятельности партийных организаций по развитию геологоразведочных работ на нефть и газ в Сибири¹¹. В 1995 г. С.М.Панарин представил комплексное исследование истории создания минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1961—1975 гг. в формате кандидатской диссертации¹². В этой работе автор исследовал стратегию геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири, предложив новый вариант их периодизации, изучил вопросы организации и управления геологоразведкой, формирования материально-технической базы геологических предприятий, дал социально-демографическую характеристику их кадрового потенциала. Наряду с традиционными методами исследований историк активно применяет новые источниковедческие технологии, в частности, биографический метод¹³.

Проблема научного обоснования нефтегазоносности Западной Сибири и открытия месторождений нефти и газа нашла отражение в статьях и монографических исследованиях, посвященных истории ЗСНГК¹⁴. Несомненный интерес представляет разработанная В.П.Карповым периодизация геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири с критическим анализом предложенных ранее вариантов. Проблемы геологической отрасли в монографиях являются контекстными, предвещающими или дополняющими основные разделы работы. Так, например, в работе В.П.Карпова становление тюменской нефтеразведки и открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции рассматривается в одном параграфе. При анализе рассматриваемой проблемы автору удалось привлечь новые архивные материалы, на основании которых он сделал ряд выводов, представляющихся нам дискуссионными¹⁵. В частности, историк подвергает сомнению факт создания в Тюмени в 1948 г. Тюменской нефтеразведочной экспедиции и дату начала планомерных нефтепоисковых работ в регионе¹⁶. Об интересе исследователя к истории нефтепоисковых работ в Сибири в 1900—40-е гг. свидетельствует и статья, опубликованная им в соавторстве с Н.Ю.Гавриловой¹⁷. Следует заметить, что основная ее часть представляет прямые заимствования из вышеуказанной работы В.В. Алексеева и В.А.Ламина.

В монографии Г.Ю.Колевой проблемы геологической отрасли, которую она считает одной из отраслей специализации ЗСНГК,

рассмотрены более обстоятельно и в широких хронологических рамках. Однако вопросы научного обоснования и открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции являются для автора предваряющими основное исследование и по этой причине изучаются обзорно.

В силу специфики объекта исследования история открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинция вызывает значительный интерес не только историков, но и специалистов геологической отрасли. Как правило, авторы обзоров нефтепоисковых работ, предшествовавших открытию промышленных месторождений нефти и газа, объясняют их обзорный характер тем обстоятельством, что эти исследования представляют для специалистов отрасли не профессиональный, а лишь исторический интерес¹⁸. Однако при этом некоторые геологи — А.А.Трофимук, Ф.Г.Гулари, Н.П.Запывалов, А.Э.Конторович, Г.В.Крылов, В.В.Завалишин, Н.Ф.Казаков — подготовили ряд самостоятельных исследований по истории научного обоснования и открытия провинции¹⁹. Среди них, в первую очередь, следует назвать работу Ф.Г.Гулари²⁰, в которой автор как профессиональный геолог и непосредственный участник многих описываемых событий, подробно рассматривает научную полемику по нефтегазоносности Сибири, дает периодизацию нефтепоисковых работ. Работа содержит также образные характеристики многих ученых и геологов-производственников, обосновавших и подготовивших «открытие века».

Историографию открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции отличает наличие ряда содержательных и интересных журналистских работ. Среди них следует выделить исследование И.Огнева, посвященное «постижению открытия века»²¹, а также во многом опирающуюся на него весьма смелую в оценках событий и людей, своеобразную по манере изложения материала и в какой-то степени эпатажную книгу геолога Н.А.Гольдиной и публициста С.Ю.Андреева «Чрезвычайные люди»²². При этом, как считает автор предисловия к книге, член-корреспондент АН СССР В.Д.Наливкин, «исходный фактический материал» в ней изложен «правильно», но «трактовка событий проводится несколько иначе, чем это делалось в те годы»²³. В настоящее время эта книга стала библиографической редкостью,

поскольку как признает известный тюменский геолог, весь ее тираж по указанию Тюменского обкома КПСС был изъят из продажи. При различии форматов и предмета исследования обе вышеуказанные работы объединяет стремление показать извечный конфликт между представителями геологической науки и отраслевой геологии в условиях Западной Сибири, который отразился не только на методике и темпах нефтепоисковых работ, но и имел драматические последствия для ученых такого уровня, как Н.Н.Ростовцев. Необходимость обращения к проблеме открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, И.Огнев объясняет появлением публикаций, «авторы которых утверждают, что нефть Западной Сибири открыта не благодаря, а вопреки прогнозам ученых, что это событие — следствие счастливого стечения обстоятельств»²⁴. Стоит отметить, что в основе вышеуказанных журналистских публикаций лежит фактический материал, подготовленный В.В.Завалишиным, исполнителем темы «История геологических исследований» в Сибирском научно-исследовательском институте геологии и минерального сырья, к большому сожалению, до настоящего времени не опубликованный в открытой печати. Тема взаимоотношений науки и производства, поднятая журналистами, получила продолжение в недавно вышедшей монографии тюменских историков²⁵.

Начало 2000-х гг. отмечено появлением фундаментальных, обобщающих исследований по истории западно-сибирской геологии, таких как «Биография Великого подвига», «Открытые горизонты» («Энергия Ямала»), «История геологического поиска»²⁶. Ценность данных работ заключается в разнообразии привлеченного фактологического материала: это и хроника событий, и информация об открытых месторождениях нефти и газа, и статистическая информация, отражающая количественные и структурные изменения геологической службы в регионе. Кроме этого работы содержат блок документальных приложений, воспоминания многих непосредственных участников событий и их персоналии. Следует отметить, что при составлении биографического блока авторы исследований предприняли попытку «отделить достойных быть запечатленными в энциклопедиях от остальных», однако это не удалось им в полной мере. В результате не все достойные, на наш взгляд, персонажи «удостоились» чести быть помещенными

в биографических приложениях. В частности, это касается первых руководителей тюменской геологии И.А.Павловского и А.К.Шиленко, а также первого бурового мастера Тюмени Б.Н.Мелик-Карамова. Кроме того, научная значимость вышеуказанных работ, несомненно, повысилась бы, если к работе над ними, кроме геологов и журналистов, привлекли историков.

Примером объединения усилий журналистов, геологов и историков в исследовании истории открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции являются сборники статей и документальных материалов «Западная Сибирь: история поиска», подготовленные Музеем геологии нефти и газа ХМАО-Югры, редакцией окружной газеты «Новости Югры» и сотрудниками окружного архива²⁷. Авторы расширили и разнообразили источниковую базу исследования, привлекли новые свидетельства современников. К сожалению, представленные в сборниках статьи не имеют научно-справочного аппарата, что при всей ценности представленного в них материала, снижает их научный уровень.

Какова степень изученности проблемы? В свое время в середине 1990-х гг. С.М.Панарин сделал заключение, что при «ограниченности» выбора литературы по проблемам становления и развития минеральной базы ЗСНГК, «открытие века» стало «единственной проблемой в полной мере заинтересовавшей исследователей»²⁸. «Писали на эту тему много и охотно», — продолжает автор, правда при этом называет фамилии только семи авторов, чьи работы, по его мнению, «выделяются своей основательностью и глубиной»²⁹. В этом списке два геолога (А.А.Трофимук и Н.А.Гольдина), два журналиста (И.Огнев и С.Ю.Андреев) и три историка (В.В.Алексеев, В.А.Ламин и Н.М.Пашков).

На наш взгляд, за прошедшее десятилетие отдельные аспекты истории геологической отрасли в регионе, в том числе и проблема открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции получили дальнейшее развитие. Подтверждая это, в историографическом обзоре по истории ЗСНГК Г.Ю.Колева призывает, что геология представлена «значительным блоком исследований»³⁰. Однако до сих пор нет работы, в полной мере отражающей весь комплекс проблем, связанных с периодом, предшествовавшим «открытию века». Многие историки недооценивают важность этапа научного

обоснования нефтегазоносности Западной Сибири, а при анализе научных дискуссий по проблеме поисков сибирской нефти, как правило, не обращаются к первоисточникам. В определенной степени этот пробел удалось преодолеть автору³¹.

Поскольку авторы большинства работ по рассматриваемой проблематике так или иначе связаны с Тюменью, их исследования характеризует географическая «привязка» к истории тюменской геологии, Именно по этой причине, как считает Н.П.Запивалов, «история открытия Западно-Сибирской провинции получила в освещении явный «тюменский» акцент»³², что привело, в частности к недооценке роли новосибирских геологов и геофизиков в этом открытии. В последнее время отсутствие интереса историков к изучению новосибирской и томской геологии в какой-то степени пытаются компенсировать геологи³³.

Приметой последнего времени является включение в изучение проблем ЗСНГК новой генерации исследователей. Подтверждением тому являются работы московского историка М.В.Славкиной³⁴. Соглашаясь с критическими замечаниями В.П.Карпова в ее адрес³⁵, следует заметить, что для нас представляют несомненный интерес подходы автора в исследовании периода, связанного с началом освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции в 1960-е гг. Активно занимаются вопросами истории ЗСНГК сургутские историки — А.И.Прищепа, В.Л.Некрасов, О.Н.Стафеев, Е.А.Хромов, предлагающие новые методологические подходы и методику исследований³⁶. Перед современными исследователями открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции стоят сложные задачи. Наряду с использованием несомненных достижений предшественников в изучении проблемы, необходимо преодолеть присущие их работам недостатки, чтобы «восстановить реальную картину недавнего прошлого, освободить ее от ложной патетики мифов и безжизненных догм стереотипов»³⁷.

Примечания

¹ Ним Б.А. Партийное руководство развитием геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири (1934—1966 гг.) // Коммунисты Западной Сибири (1917—1967). Материалы науч. конф. преподавателей общественных наук вузов Тюм. обл. Тюмень, 1967; Он же. Периодиза-

ция и основные направления деятельности Тюменской областной партийной организации по развитию геологоразведочной работы на нефть и газ // На путях строительства коммунизма (Сб. статей к 50-летию Советской власти. Тюмень, 1968.

² Пашков Н.М. Открытие сибирской нефти // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1; Алексеев В.В., Пашков Н.М. Партийное руководство созданием и развитием нефтегазового комплекса в Западной Сибири // Вопросы истории КПСС. 1983. № 5. С. 55—68.

³ Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса Западной Сибири (1964—1977 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988.

⁴ Алексеев В.В. Открытие сибирской нефти // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 68—79; Ламин В.А. Выбор генерального направления нефтепоиска в Сибири (1930—1950-е гг.) // Разработка проблем промышленного освоения советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. С. 148—160.

⁵ Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989.

⁶ Алексеев В.В. Открытие сибирской нефти... С. 71.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Нефтепоисковые работы в Сибири в 1900—1940-е гг. // Словоцковские чтения — 2001. Тюмень, 2001. С. 82.

⁹ Запорожченко А.А. История организации геологической науки и службы в Западной Сибири (октябрь 1917—1932 гг.). Новосибирск: Изд-во «Наука», 1977.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Панарин С.М. Некоторые вопросы историографии деятельности партийных организаций по развитию геологоразведочных работ на нефть и газ в Сибири // Проблемы историографии партийных организаций Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1989. С. 137—140.

¹² Панарин С.М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961—1975 гг.). Автор. дис. на соиск. учен. степ. канд ист. наук, Екатеринбург, 1995.

¹³ Панарин С.М. Инженеры западносибирской геологоразведки в 1961—1975 гг.: проблемы профессиональной подготовки // Тюменский исторический сборник: Вып. V. С. 47—53; Он же. Создатели нефтяной промышленности Югры: социально-политический анализ // В.И. Муравленко в истории становления и развития НГК Западной Сибири: Матер. науч.-практ. конф. Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. С. 42—58.

¹⁴ Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948—1990 гг.). Тюмень: ТюмГНГУ, 2005; Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: В 2-х ч. Тюмень: ТюмГНГУ, 2005.

¹⁵ Комгорт М.В. О некоторых спорных вопросах в становлении тюменской геологоразведки // Горные ведомости. 2006. № 8. С. 114—117.

¹⁶ Карпов В.П. История создания и развития... С. 35.

¹⁷ Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Нефтепоисковые работы в Сибири...

¹⁸ Геологическое строение и перспективы нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности / Под ред. Н.Н. Ростовцева. М.: Госгеолтехиздат, 1958. С. 242—255; Геология и нефтегазоносность Западно-Сибирской низменности — новой нефтяной базы СССР / Под ред. Н.Н.Ростовцева, А.А.Трофимука. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963. С. 7—17.

¹⁹ Трофимук А.А. Сорок лет борения за развитие нефтегазодобывающей промышленности Сибири. Новосибирск, 1997; Крылов Г.В., Завалишин В.В., Казакова Н.Ф. Исследователи природы Западной Сибири. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1988; Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция — открытие века! Новосибирск: СНИИГГиМС, 1996; Он же. Мое участие в открытии нефти и газа сибирских недр // Из истории отечественной геологии нефти и газа. Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 145—198; Гурари Ф.Г., Конторович А.Э. Штурман нефтегазового океана // Энергия Ямала. Сост. В.Н.Битюков, А.М.Брехунцов. Тюмень: ООО «Опцион-Холдинг», 2000. С. 214—221.

²⁰ Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция...

²¹ Огнев И. «Постижение открытия» // Экономика и организация промышленного производства. 1976. № 3. С. 136—168; № 4. С. 154—180.

²² Андреев С.Ю., Гольдина Н.А. Чрезвычайные люди. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ Огнев И. «Постижение открытия» // Экономика и организация промышленного производства. 1976. № 3. С. 137.

²⁵ Комгорт М.В., Колева Г.Ю. Н.Н. Ростовцев и становление геологической науки в Тюмени. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007.

²⁶ Энергия Ямала. Сост. В.Н.Битюков, А.М.Брехунцов. Тюмень: Изд-во «Опцион-Холдинг», 2000; Открытые горизонты. Авторы А.М.Брехунцов, В.Н.Битюков. В 5 тт. Тюмень: ОАО Сибирский научно-аналитический центр, 2002—2005; Биография Великого подвига: Тюменская геология: Годы. Люди. События (1953—2003). Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003; История геологического поиска. К 50-

летию открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Фотоальбом. М.: Пента, 2003.

²⁷ «Западная Сибирь: история поиска». 1900—1940 годы. Екатеринбург: «Изд-во «Баско», 2005; «Западная Сибирь: история поиска». 1940—1975 годы. М.: Издат. Дом «Зимородок», 2007.

²⁸ Панарин С.М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса... С. 7.

²⁹ Там же.

³⁰ Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964—1989 гг.). Автореф. Дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ. С. 13.

³¹ Комгорт М.В. Нефтепоисковые работы и научное обоснование нефтегазоносности Западной Сибири в 1920—40-е годы // Горные ведомости. Научный журнал. 2008. № 4. С. 76—97; Она же. Планомерные нефтепоисковые работы и открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (1948 — начало 1960-х годов). С. 78—96.

³² Запывалов Н.П. Об истории геологического изучения Западной Сибири в книге Г.В. Крылова, В.В. Завалишина, Н.Ф. Козакова «Исследователи природы Западной Сибири» // Ф.Г.Гурари. Геология нефти и газа Сибири. Избр. тр. Новосибирск: СНИИГГиМС, 2007. С. 330.

³³ Краснов В.И. Золотой фонд отраслевой геологической науки Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007; Сибирский институт геологии, геофизики и минерального сырья за 40 лет (1957—1997). Новосибирск: СНИИГГиМС, 1997; Новосибирские геофизики в истории открытия подземных богатств Западной Сибири (К 50-летию Союзного Сибирского геофизического треста). Новосибирск, 2001; История Колпашевской геофизики за 60 лет. Колпашево, 2008.

³⁴ Славкина М.В. Триумф и трагедия. Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960—1980-е годы. М.: Наука, 2002; Она же. Как в 1960-е годы принималось решение об освоении Западной Сибири // Нефть, газ и бизнес. 2004. № 8—9. С. 68—72.

³⁵ Карпов В.П. Создание и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948—1990 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 7.

³⁶ Прищепа А.И. История Сургута второй половины XX в. Сургут, 2005; Некрасов В.Л. Энергетическая политика СССР в 1961—1974 гг. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Сургут, 2007; Стафеев О.Н. Мемуары как источник по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Томск, 2007; Некрасов В.Л., Хромов Е.А. Партийные, региональные и

ведомственные интересы в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961—1965) // Вестник Томского государственного университета. История. Научный журнал. 2008. № 2 (3). С. 45—53.

³⁷ Копылов Д.И. Тюменский край в XX столетии. От мифов к истине // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1996. Тюмень: Издат.-полиграф. предприятие «Тюмень». С. 41.

Прищепина А.И.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ г. СУРГУТА В МЕМУАРАХ ЕЕ ТВОРЦОВ

До недавнего времени в отечественной исторической науке существовало невольное разделение источников на «объективные» и «субъективные». Это определялось утвердившимся в ней экономическим детерминизмом — философско-научной концепцией, согласно которой материальное производство через систему причинных, функциональных и организационных связей определяет всю систему отношений в обществе.

При такой редукционистской методологической стратегии, основанной на идее единства и одновременно субординации всех общественных процессов и явлений в истории, мемуары рассматривались как «вторичные» по отношению к другим видам источников, т.к. являлись носителями «субъективизма» в историческом знании. Рекомендовалось обращаться к мемуарам, но осторожно, использовать их как иллюстративный материал к заранее составленным концептуальным заготовкам¹.

Провозглашенный в последнее время методологический плюрализм в исторической науке и особенно призыв к развитию социально-антропологического подхода в ней по-новому определяет место и значение мемуаров в иерархии исторических источников.

Можно утверждать, что сегодня накоплен содержательный биографический материал, который может быть использован для гуманизации монометодологических социально-экономических схем, бытовавших в истории Западной Сибири². При этом весьма важно «субъективное» в содержании мемуаров оценивать несколько иначе, чем прежде. Литература по данному вопросу ори-

ентирует сегодня исследователей на то, как важно в содержании воспоминаний видеть не только их гносеологические недостатки, но и важные познавательные, эвристические достоинства, поскольку порой размышления, обвинения и оправдания, исповеди мемуаристов представляют собой единственную возможность объективно воссоздать историческую реальность³.

Преимущество воспоминаний состоит в том, что они являются одним из тех редких видов источников, которые дают детальные и мотивированные описания жизнедеятельности отдельной личности.

И значимые социальные связи, и мотивы действий получают здесь убедительное освещение «с точки зрения деятеля». Чаще всего источником биографических данных становятся личные документы, — мемуары, записки, дневники, — либо материалы интервью и бесед.

Обычно основное внимание при такой источниковедческой технологии уделяется не жизнеописанию, включающему в себя все события «от первого крика до последнего вздоха», а конкретным аспектам или стадиям жизни — карьере, этапу в биографии, межличностным отношениям и т.п.

Такой подход к историческому исследованию называется «биографическим методом» или «историей жизни». Так же широко используется термин «история отдельного случая» («individual case history»), подчеркивающий избирательный, селективный характер жизнеописания⁴.

Так, изучение воспоминаний свидетельствует о большом профессиональном интересе и глубоком знании В.И.Муравленко истории региона, где ему предназначено было судьбой выполнять свой профессиональный долг.

Известно, что его помощница Галина Павловна Запорожец извлекла из фондов библиотеки Тюменского музея целый ряд редких старинных книг в «мраморных корочках» и предоставила их для изучения начальнику нового главка. По ночам, урывая время от сна, Виктор Иванович читал эти старые книги. Не просто восторженно, а со знанием дела он заявлял за два года до празднования 375-летия г. Сургута: «Представляю три и три четверти века! Возраст. Фактор истории. Его необходимо учесть нам — начина-

телям нового нефтяного периода в жизни Сургута. Надо, очень надо знать минувший день края, осваивать...»⁵.

Именно В.И.Муравленко одним из первых пророчески определил роль и место Сургута как центра освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Он убедительно заявлял: «Сургут — отличнейший плацдарм для наступления на нефтяную целину. Наша первая база в Приобье. Да будет Сургут. Сюда мы перебазировем объединение Тюменьнефтегаз, Трест буровых работ — поближе к производству, к нефтепромыслам. Кстати, тут же обоснуется и дирекция строительства нефтепровода Усть-Балык — Омск. Здесь же намечается строительство мощной электростанции. Она будет работать на попутном газе. Первая такая в нашей стране»⁶.

О масштабах социально-экономического значения, которое придавал Сургуту В.И.Муравленко, свидетельствуют его планы о том, чтобы «наш базовый город стал... кузницей кадров. Учебно-курсовой комбинат в Сургуте есть. Создадим еще профтехучилище, нефтяной техникум. В Тюмени в прошлом году открылся индустриальный институт. А в Сургуте мы организуем его филиал с дневным и вечерним отделениями...»⁷.

Рассуждая о размещении высших учебных заведений в Сургуте, В.И.Муравленко непримиримо высказывался против заявлений попечителя западносибирского учебного округа некоего Лавренева, который утверждал, что открытие Тюменского университета было ошибкой и со злорадством вопрошал: «Может быть жителям Сургута тоже полагается иметь университет? Так что же нужно открывать университет в этом месте?».

«А почему бы и нет! — с оптимизмом возражал своему незримому оппоненту Виктор Иванович, — Придет пора — будет университет и в городе Сургуте!..»⁸.

Следует отметить, что такая авторитетная позиция имела большое значение не только для критики архаичного мнения попечителя учебных заведений к. XIX века, но и для преодоления консервативной инерции части современных чиновников и обывателей г. Сургута, выступавших против создания в нем университета в к. 1980-х — первой половине 1990-х гг.

«Сургут станет «стольным градом нефтяного Приобья!»), — такой был лейтмотив выступлений В.И.Муравленко по всем вопросам перспектив его дальнейшего развития.

Под новейшей историей Сургута мы понимаем период становления и развития города в период геологоразведочных работ и промышленного освоения среднего Приобья во второй половине XX — начале XXI вв.

В этом периоде, на наш взгляд, можно выделить три этапа. За начальную точку отсчета первого из них следует принять постановление Исполкома сургутского районного совета от 25 апреля 1957 г., согласно которому райисполком, «рассмотрев ходатайство новосибирского треста «Запсибнефтегеология» об отводе земельного участка площадью 5 га (2 под строительство жилого комплекса, 3 — под промышленность) в черте поселка Черный мыс, разрешил строительство жилого поселка и промышленных объектов, а так же использование площадки для выгрузки техники и материалов между складами райрыбловпотребсоюза и территорией гидропорта площадью 2 га»⁹. Этот период продлился до конца 1970-х гг. и был связан с бурным темпом строительства, осуществляемого отдельными ведомствами и приведшего к возникновению на территории от Железнодорожной станции до Старого Сургута отдельных поселков Железнодорожников, Нефтяников, Энергетиков, Геологов.

Второй этап начался в конце 1970-х и продолжался до конца 1990-х. Он характеризуется созданием целостности застройки города в соответствии с Генеральным планом, разработанным в 1979 г. Сургутским филиалом Ленинградского зонального научно-исследовательского института по экспериментальному проектированию городов (ЛенЗНИИЭПом) и становлением городской инфраструктуры.

Третий этап начался в конце 1990-х и продолжается в настоящее время, когда получила дальнейшее развитие инфраструктура города с охватом территорий от аэропорта до Оби, с включением дачных и садовых массивов, начав широкое строительство уникальных зданий по индивидуальным проектам, формирование новых городских ансамблей, совершенствование сложившейся типовой застройки с помощью новых методов реконструкции зданий устаревших серий, внедрение новых строительных техно-

логий как на средства города, так и с привлечением иногородних и иностранных фирм на конкурсной основе.

Первый этап непосредственно связан с деятельностью геологоразведочной экспедиции Ф.К.Салманова. Известный краевед И.П. Захаров справедливо писал об этом: «по нашему мнению, именно сентябрь 1957 года (13 сентября 1957 г. — А.И.П.) и является для Сургута главным событием XX века. Тогда осенним днем в промокшем от частых дождей Сургуте высадилась первая группа геологов во главе с молодым специалистом Фарманом Салмановым»¹⁰.

Можно согласиться с такой высокой оценкой первого десанта выдающегося геологоразведчика. Его достоверную историческую оценку, а так же предшествующего ему «официального визита» Ф.К.Салманова в Сургут позволяют воссоздать воспоминания члена бюро сургутского районного комитета КПСС в 1960—1970-х гг., председателя горисполкома П.А.Мунарева, первого секретаря районной партийной организации в наиболее трудные 1960-е гг. В.В.Бахилова, яркого партийного работника тех лет В.П. Бирюкова, а так же непосредственного инициатора разработки сургутских недр Ф.К.Салманова¹¹.

Большой интерес представляют воспоминания Ф.К.Салманова о его первом приезде в Сургут в мае 1957 года, который по его собственному признанию «в нравственном отношении был самым важным»¹². Вопреки сложившейся в публицистической литературе мнению о благожелательном и оптимистичном отношении местного руководства к решению начать здесь нефтяные геологоразведочные работы, на основе воспоминаний Ф.К.Салманова можно утверждать, что оно не было столь идиллическим.

Автор мемуаров писал, что встреча со многими руководителями была теплой, но при упоминании о том, что В.П.Лагутин скоро вернется сюда искать сургутскую нефть первый секретарь районного партийного комитета Виктор Гаврилович Бахмат «взглянул на меня с недоверием», — вспоминал Фарман Курбанович¹³.

Настороженно встретил гостей и директор рыбокомбината Г.С.Максимов: «В Покуре два года бурили, бурили и ничего не найдя, смотались». Особенно недружелюбно был настроен пред-

седатель райисполкома, категорически выступивший против выбора первой площадки под базу будущей экспедиции, повторяя: «Геологи здесь пробудут недолго, и испортят площадку, а для расширения райцентра места и так мало»¹⁴.

Тем не менее основным итог «официального визита» был положительным. «Споры окончились тем, что мы выбрали другую площадку в конце Черного Мыса и получили разрешение местных властей на ее обустройство», — вспоминал Ф.К. Салманов¹⁵.

Критическое отношение руководства районного центра к геологам было вполне обоснованно. Хорошо запомнились неудачные попытки обнаружить нефть в этих местах в 1935 и 1951 гг.

Вместе с тем, сургутский райком партии и райисполком уделяли геологам самое пристальное внимание. Об этом мы находим содержательный материал в мемуарах Ф.К.Салманова¹⁶. Но помочь реально они могли лишь гужевым транспортом, рабочей силой и жильем.

Поэтому начинать строительство промплощадок, а фактически строительство города геологоразведчикам пришлось фактически с нуля. Надеясь на собственные силы.

Достоинством мемуаров является то, что он позволяет историю социальных изменений показать через рассказы о собственной человеческой жизни, в которых яркие «образы Я» порой являются убедительней любых статистических примеров. Так, В.В. Бахиллов воспроизводит яркую экзотическую деталь жизни сургутских первопроходцев! «Ездить было не на чем. Тогда Салманов купил в колхозе «Верный путь» выездного коня «Казбека», на котором по воспоминаниям самого лихого наездника, «проделывал до 200 километров»¹⁷.

Самое необходимое на первых порах для строительства было привезено из Кузбасса: дома, за самовольный вывоз которых Ф.К.Салманова едва не исключили из партии, автомобили и многое другое. Нефтяники планировали в недалеком будущем построить 10 тыс. м² жилья, общежитие, Клуб нефтяников на 135 — 150 мест, магазин, детский сад и другие культурно-бытовые помещения¹⁸.

В этих целях было сформировано несколько строительных бригад. Северная окраина поселка Черный мыс, где находилось поросшее лесом моховое болото, превратилась в обширную

строительную площадку, на которой бурными темпами возводились производственные объекты и дома. В первую очередь была смонтирована «электростанция» и установлена пилорама. Воспоминания позволяют нам представить и «первых героев» сургутского градостроения. Тогда это были плотники И.Г.Шевчук и С.В.Видру¹⁹.

Биографические материалы свидетельствуют, что к февралю 1958 г., т.е., через пять месяцев после высадки в Сургуте геолого-разведки в «городке нефтяников» уже было две улицы — Новая и Сосновая, где проживало 19 семей²⁰. Первый рубленый дом предоставили для жилья многодетной семье Е. Демина, супруга которого Мария Григорьевна работала заведующей материальным отделом²¹.

«К лету 1958 г. было выстроено здание конторы, гараж, механическая мастерская», — дополняет периодическую печать воспоминания мемуаристов²².

«Городок нефтяников» был построен. После открытия в Среднем Приобье нефти предстояло построить город. Однако в 1960-е гг. проблемы расселения прибывающей рабочей силы в Западно-Сибирский регион, ее эффективного использования, а по сути принципиальные вопросы градостроения на осваиваемой территории являлись предметом острой дискуссии. С самого начала спора о преимуществах «вахтового» и «стационарного» метода сторонником крупного капитального строительства в новых базовых городах являлся В.И.Муравленко. «Именно в городах», — подчеркивал он. Чтобы нефтяники, и не только нефтяники, имели надежный тыл, жили в условиях городской культуры, а не в бараках и вагончиках. Виктор Иванович неоднократно посещал балковые поселения Сургута «Таратыновку», «Чабанград», «народную улицу имени Доры Семеновны Охримчук», знал о быте рабочих не понаслышке, имел о нем реальное представление²³.

Излишне говорить, что освоение столь большого и сложного во всех отношениях региона возникали проблемы, решение которых многие специалисты и даже ведомства представляли по-разному. Одна из таких проблем, которую очень остро обсуждали нефтяники — заказчики и строители — подрядчики состояла в том, какими должны быть нефтяные города — деревянными или каменными. Сторонники деревянных городов (подрядчики) обос-

новывали свое предложение тем, что нефтяные города Среднего Приобья расположены в таежной зоне, где много леса, из которого на месте можно изготовить сборные жилые дома и другие здания и сооружения, кроме этого, говорили они, в этих районах нет ни камня, ни гравия, ни глины. Все это нужно будет завозить за несколько сот километров при отсутствии автомобильных дорог в очень короткий период речной навигации.

Нефтяники (заказчики) считали, что города надо строить из долговечных и нескораемых материалов; что нефтяники здесь будут жить и работать сотни лет и должны иметь комфортные и надежные жилые дома и всю социальную инфраструктуру. Этот спор стал на пути проектирования Сургута, Нефтеюганска, Урая. Строительство других городов было еще впереди.

Как вспоминает заместитель министра нефтяной промышленности СССР в 1965—1989 гг. Ш.С.Донгорян, по предложению заместителя председателя Совета министров М.Т.Ефремова была сформирована группа из 8 авторитетных руководителей ЗСНГК и командирована в Финляндию, где многие климатические и природные зоны, очень похожи на Среднеобские. В состав делегации входил В.И.Муравленко. Он имел возможность ознакомиться в натуре со строящимися городами и поселками, сравнить увиденное с нашими условиями и задачами. Вывод членов делегации был единым: в Западной Сибири нефтяные города в основном надо строить многоэтажными, из нескораемых материалов и конструкций. В.И.Муравленко был в этом уверен. Во многом поэтому по совету Госстроя СССР, еще до разрешения спора Ленинградскому зональному институту экспериментального проектирования было дано задание на выполнение проекта пятиэтажного крупнопанельного дома для Сургута²⁴.

Между тем, уже в июне 1965 г. на раскорчеванной в сосновом бору поляне в Сургуте был заложен фундамент первого крупнопанельного пятиэтажного шестидесятиквартирного жилого дома. Это был первый не только в Сургуте, но и на всем Тюменском Севере многоэтажный каменный дом. «Отличный почин сделали геофизики... где-то в архитектурно-проектных институтах еще дебатируют, какой тип жилого здания нужен Северу, а здесь уже строят. Народный почин. Надо его поддержать, продолжить», —

так отзывался о маленьком кусочке будущего Сургута В.И. Муравленко²⁵.

Уже в 1965 г. он ставил вопрос о едином централизованном бытовом обслуживании в Сургуте, начале капитального многоэтажного строительства в нем²⁶.

Строительство Сургута как «нового города» в середине 1960-х гг. начиналось с выбора его площадки и планового размещения на ней первоочередных промышленных объектов, жилья, дорог, инженерные сети, очистных сооружений. Нужно было сохранить для будущего города, его центра и капитальной застройки наиболее благоприятные и выразительные территории и зеленые массивы. Для того, чтобы сделать отвод земельного участка для строительства будущего Сургута, пришлось предварительно эскизно наметить первоочередное и перспективное зонирование с определением первоочередных промышленных, селитебных, коммунальных и иных территорий с тем, чтобы в дальнейшем при разработке Генеральных планов эти отводы можно было органически включить в градостроительные решения.

Большую роль в решении этих задач на начальном этапе проектирования Сургута сыграл институт «Башнефтепроект» («БашНиПинефть») под руководством М.П.Мазина, коллектив которого проделал большую работу по проектированию объектов первоочередного строительства в Сургуте²⁷.

После того, как Баш Ни Пи нефть разработал системы сооружений промышленного комплекса и первых рабочих поселков, во второй половине 1960-х гг. поселениями на вновь освоенных территориях занимались различные строительные институты. В частности, в Сургуте в основе возведения поселков «Строителей» и «Нефтяников» лежал план, разработанный институтом «Гипротюменьнефтегаз», поселок геологов строился на базе проекта института «Геологстройпроект». Для речников проектные работы выполнял институт «Сибгипроречтранс», для энергетиков — «Уралтеплоэнергострой», для железнодорожников и транспортных строителей — «Сибгипротранс», промышленные зоны проектировал «Проектный институт № 2» (ПИ-2).

Многие специалисты ПИ-2 проявили себя глубокой разработкой научных обоснований, ценными рекомендациями и высококвалифицированным исполнением функций главного проекти-

ровщика. Я.Дресс, Ю.Никола-Горский, В.Левин знали очень хорошо специфику Севера, посвятив этому региону значительную часть своей трудовой биографии²⁸.

Промышленные площадки и сооружения стали началом градостроительства в Сургуте и других рабочих поселках Западной Сибири. Особое место в нем занимает фигура главного архитектора Тюменской области, каковым в 1960—1976 гг. являлся Владимир Аввакумович Бешкильцев. По воспоминаниям главного архитектора проекта В.В.Прокопьевой, «Сургут своими первыми колышками, постановкой доминант в застройке города во многом обязан именно архитектору В.А.Бешкильцеву»²⁹.

Владимир Аввакумович мог выступить с искренним творческим несогласием в отношении решения любого проекта. Так, в Сургуте первоначально жилая зона проектировалась от железнодорожной станции и оставляла при этом «Старый Сургут» в стороне. В.А.Бешкильцев, родившийся в 1930 г. в Березово Ханты-Мансийского автономного округа, хорошо чувствовал природный ландшафт Среднего Приобья, его иногда не сразу заметные акценты. Понимая, что главной композиционной осью пространства, оказывающей влияние на планировочную структуру нового города, является река Обь, он настоял на том, чтобы в его структуру вошел «Старый Сургут»³⁰.

Научные достоинства мемуаров позволяют воссоздать сюжеты исторической реальности «нового города» и, оставшиеся «за кадром» источниковой базы официальных властвующих структур. Так, в своих воспоминаниях, В.А.Бешкильцев воспроизводит сценарий одного из заседаний Тюменского обкома КПСС, состоявшегося в 1969 г. На нем рассматривался Генеральный план развития г. Сургута, разработанный московским институтом «Гипрогор». Согласно этому плану, город удалялся от Оби на 7 км. заливной поймой, которая после весеннего паводка превращалась в болото. К растянувшемуся городу добавлялось еще более 10 км. новой застройки. При этом уничтожался большой массив хорошо-го леса, в котором Сургут и без того испытывал недостаток. Серьезные возражения вызывало и непомерное растягивание всех инженерных коммуникаций и их большая удаленность от восточной промышленной зоны, речного порта и будущей ГРЭС.

В.А.Бешкильцев вспоминал: «Многие выступали и рекомендовали проект генерального плана развития г. Сургута утвердить. В заключении Б.Е.Щербина предоставил последнее слово мне. Я встал и сказал, что материал от утверждения надо отложить, назвав лишь одну причину... Проектный институт предлагал бросить исторический Сургут и уйти с застройкой на Белый Яр — это в 20 км. от Сургута, уйти от реки Оби. Гробовое молчание продолжилось буквально пять минут». Было решено в корне переработать представленный генплан развития города³¹. Он был утвержден, по воспоминаниям П.А.Мунарева, только в 1970 году³².

В 1970 г. в истории градостроения Сургута произошло и другое важное событие: головной проектной организацией по жилищно-гражданскому строительству был утвержден Ленинградский зональный научно-исследовательский институт по экспериментальному проектированию городов Севера (ЛенЗНИИЭП), а в Сургуте был создан его филиал. Первым директором института был назначен Н.Е.Борисович, главным инженером — Н.М. Пукач. С ними приехали из Ленинграда архитекторы В.И.Лопаногов, В.В.Ванин, И.А.Гурганов, инженер Д.П.Дейч.

Сургут полностью являлся детищем института — его генерального проектировщика. Особенно большой вклад в деятельность Сургутского филиала ЛенЗНИИЭПа внес Семен Владимирович Белецкий. Трудовую деятельность он начал в 1959 г. техником-строителем. После службы в армии в 1962—1967 гг. учился в Львовском политехническом институте на факультете «промышленное и гражданское строительство». В Сургуте начал работать с 1966 г. в составе студенческого строительного отряда. После окончания института работал начальником производственного отдела СУ-9 треста «Сургутгазстрой». В августе 1971 г. он был избран заместителем председателя Сургутского горисполкома, а с сентября 1974 г. назначен директором Сургутского филиала ЛенЗНИИЭПа. С.В.Билецкий был одним из немногих специалистов, которые до тонкостей знали проблемы проектирования, реконструкции и строительства в Сургуте. Под его руководством активно и творчески трудились конструкторы Э.К.Чиженков, Л.А.Ванин, участница разработки почти половины жилых массивов Сургута архитектор В.Б.Блинова и другие³³.

В числе их сторонников был Г.М.Кукуевичкий, возглавлявший управление капитального строительства производственного объединения «Сургутнефтегаз». Созданный по его инициативе строительно-монтажный трест № 1 под руководством А.Ф.Мухи, внес неопределимый вклад в преодоление ведомственно — хуторской модели застройки города и формирование его современной инфраструктуры. Пик наиболее интенсивного строительства пришелся на 1989 г., когда было введено в строй 340 тыс. кв. м жилья, а также 1990-е гг., когда, не смотря на «строительный обвал», в Сургуте возвели 2/3 жилищного фонда всего Ханты-Мансийского автономного округа, вдвое опережая темпы его развития в стране³⁴.

Эти самые бурные годы градостроительства на территории Тюменской области пришлось на главного архитектора области Анатолия Николаевича Отрадного. Мемуары участников этой эпопеи свидетельствуют, что четверть века, с 1976 по 2001 гг., нес он бремя ответственности за состояние архитектурного уровня в условиях невероятных темпов строительства. Продолжая работу со многими институтами, привлеченными постановлениями правительства для выполнения строительных программ на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, А.Н.Отрадный проводил политику формирования своих кадров архитекторов. За время строительства в Сургуте его главными архитекторами являлись: А.А.Асеева (1967—1968 гг.), О.В.Шока (1969—1972 гг.), Б.М.Бейдер (1972—1974 гг.), В.И.Арзамасцев (1974—1976 гг.), Б.М.Абелис (1976—1979 гг.), А.П.Аболонин (1979—1986 гг.), В.Г.Труханов (1986—1989 гг.), В.И.Унжаков (1989—2000 гг.), М.А.Чуракаев (3 месяца в течение 2000 г.), М.О.Данилов (2000—2004 гг.), А.В.Усов (с 2004 г.). Именно они оказывали компетентное влияние на принятие решений по всем вопросам городского строительства, начиная с акта утверждения представленных проектов, до эксплуатации и реконструкции зданий. Главные архитекторы обеспечивали порядок застройки города в соответствии с генеральным планом, преодолевая стихийность в его развитии, обеспечивали профессиональное управление градостроительной территорией³⁵.

Таким образом, можно утверждать, что воспоминания является весьма эффективным историческим источником, позволяющим открыть многие интересные страницы новейшей истории Сургута. Важно при этом подчеркнуть, что идею его использования

подсказал сам В.И.Муравленко. Во время знакомства с автором содержательной книги о нем М.Юрасовой он говорил: «А не заняться ли нам с вами историей, нашей, сегодняшней? Рассказать, как рождается нефтяная Сибирь! Буровые мастера Геннадий Левин, Григорий Петров, Анатолий Шакшин... — они тоже исторические деятели. Они войдут в историю, должны войти. И делать это нужно сейчас, когда они сами могут рассказать о себе. Их рассказы — важнейшее свидетельство нашего времени...»³⁶.

Примечания

¹ См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 278.

² См.: Бахилев В.В. Дорога к нефти. Тюмень, 1975; Байбаков Н.К. Дело жизни. М., 1984; Бирюков В.П. Годы и люди земли Югорской. Тюмень, 2000; Великопольский С.Д. Мегионский марафон. Тюмень, 2004; Он же. Чудо XX века: Книга воспоминаний. Тюмень, 2001; Кувшинов А.С. Нефтяные горизонты: Воспоминания геолога. Тюмень, 2000; Салманов Ф.К. Сибирь — судьба моя. М., 1988; Он же. Жизнь как открытие. М., 2003; Салмин В.Д. Гордость Югры: книга о лидерах. Тюмень, 2000; Он же. Нас собрал Самотлор: Очерки, посвященные 70-летию Нижневартовского района. Сургут, 1998; Он же. Звезды Приобья: Очерки. Екатеринбург, 2003; Мунарев П.А. Так было, так начиналось. Сургут, 1997; Высота: Книга воспоминаний о Викторе Ивановиче Муравленко. Тюмень, 1997; В пламени жизни: Книга воспоминаний о Борисе Евдокимовиче Щербине. Тюмень, 1999; Семеркин В.И., Бобровник И.И. Воспоминания тюменских геофизиков. Екатеринбург, 2002, и др.

³ См.: Источниковедение новейшей истории... С. 278.

⁴ См.: Девятко И.Ф. Определение и истоки биографического метода в социологии // <http://www.encyc.mir-x.ru/slovo.asp?id=184720>.

⁵ Юрасова М., Юрасова Г. В.И.Муравленко. Свердловск, 1986. С. 100.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 122.

⁹ Архивный отдел Администрации города Сурута. Ф. 1. Оп.1. Д. 113.

¹⁰ Захаров И.П. Моя земля. Сургут, 1999. С. 24.

¹¹ См.: Бахилев В.В. Дорога к нефти; Мунарев П.А. Так было, так начиналось; Бирюков В.П. Годы и люди земли Югорской; Салманов Ф.К. Сибирь — судьба моя; Он же. Жизнь как открытие.

¹² Салманов Ф.К. Сибирь — судьба моя. С. 49.

- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 56.
- ¹⁵ Там же. С. 60.
- ¹⁶ Там же. С. 64.
- ¹⁷ Бахилев В.В. Дорога к нефти. С. 23.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ К победе коммунизма. 1958. 28 февраля.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Салманов Ф.К. Сибирь — судьба моя. С. 64.
- ²² К победе коммунизма. 1958. 28 февраля.
- ²³ См.: Юрасова М., Юрасова Г. В.И. Муравленко. С. 110—113.
- ²⁴ См.: Донторян Ш.С. Взгляды на градостроительство на Севере Западной Сибири // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. М., 2004. С. 190—191.
- ²⁵ Юрасова М., Юрасова Г. В.И. Муравленко. С. 124.
- ²⁶ Там же. С. 122, 123.
- ²⁷ История и перспективы... С. 156.
- ²⁸ Там же. С. 239.
- ²⁹ История и перспективы... С. 251.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 198—199.
- ³² Мунарев П.А. Так было... С. 73.
- ³³ Государственный архив общественно-политических организаций Тюменской области (далее — ГАОПОТО). Ф. 113. Оп. 31. Д. 7. Л. 78; <http://severn.ty/stsland.ru/fl17/html>; <http://www.galanarch.ru/news/20040609/>.
- ³⁴ ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 31. Д. 7. Л. 16; Город Сургут в цифрах (юбилейный статистический сборник). Сургут, 1995. С. 118; <http://severn.ty/stsland.ru/fl17/html>.
- ³⁵ См.: История и перспективы... С. 259—265.
- ³⁶ Юрасова М., Юрасова Г. В.И. Муравленко. С. 10—11.

Колева Г.Ю.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СИБИРЕВЕДЕНИИ

Современное историческое сибиреведение представлено отдельными научными центрами, наиболее крупными из которых, на наш взгляд, являются: институт истории и археологии Уральского отделения Академии наук, институт истории Сибирского

отделения Академии наук, Томский государственный университет.

При этом нельзя отрицать, что проблемами истории Сибири все активнее занимаются в Алтайском, Кемеровском, Красноярском, Омском, Тюменском государственном, Тюменском нефтегазовом, Нижневартовском государственном гуманитарном, Сургутском государственном университетах.

В историческом сибиреведении в прошедшие полтора десятилетия отмечались: смена кадров, приоритетов в изучаемой проблематике, методологических подходов. В советский период была осуществлена грандиозная работа по обобщению накопленных знаний по истории Сибири, воплощенных в пятитомном труде "История Сибири с древнейших времен", в которой рассмотрение истории Сибири было доведено до 1965 г. В работе было значительное внимание было уделено экономическому развитию региона: изменениям в географическом размещении промышленности, смещению основных индустриальных центров Сибири от Транссибирской магистрали и юга ее — на Север и Восток Сибири, неравномерности темпов развития промышленности в различных районах, транспортному освоению территории Сибири. Изучение социально-экономической истории являлось одним из приоритетных направлений в исследованиях по истории Сибири в советское время. Период 1960—1970-х гг. сибирской экономической истории нашел отражение в завершающем томе работы "История рабочего класса Сибири", вышедшем в 1986 г., глава первая которого посвящена индустриальному развитию Сибири в 1960—1970-е гг. и являлась продолжением такого исследования, как "История Сибири". В работе анализировалась экономическая стратегия государства по отношению к Сибири, где сосредотачивалось 3/4 всех минерально-сырьевых ресурсов (угля, нефти, газа). Освоение природных богатств Сибири рассматривалось как необходимое условие подъема экономики страны в целом. В 4 параграфе этой главы "Индустриальное освоение новых районов" отдельно рассмотрена проблема: создание алмазной промышленности в Якутии и нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири, что было первым научным освещением проблемы индустриального освоения нового обширного таежного района. Дальнейшее изучение получило транспортное освоение Сибири.

Указано, что к концу 1970-х гг. доля Сибири в промышленном производстве СССР выросла до 10%, тогда как в дореволюционной России — была только 1,5%.

В процессе изучения индустриального развития Сибири в трудах института истории СО АН СССР стало употребляться понятие "хозяйственное, промышленное освоение". Понятия "индустриальное развитие" и "промышленное освоение" выступали как близкие по содержанию, однако последнее в большей степени относилось к территориям, ранее не включенным в промышленное развитие. Прослеживались этапы индустриального развития. Как писал В.В. Алексеев: "Индустриальное освоение Сибири можно проследить на примере решения 4-х крупных программ национального значения: Урало-Кузнецкой в 1930-е гг., Ангаро-Енисейской — начала 1950-х гг., Западно-Сибирской — в 1960-е гг., Байкало-Амурской — 1970-е гг.". Каждая из программ отражала самостоятельный этап промышленного освоения Сибири. М.М.Ефимкин включал в понятие освоение перемещение населения из других природно-климатических зон и рост населения на Востоке, связывая процесс хозяйственного освоения с демографическим освоением, и выделял 4 периода в хозяйственном и демографическом освоении: переселенческое движение, связанное с введением Транссибирской магистрали; период индустриализации 1920—1940-х гг.; годы Великой Отечественной войны; последний период начинал отсчитывать с конца 1950-х гг. и соотносил с освоением целинных и залежных земель и бурным энергетическим освоением. Подчеркивал, что все программы промышленного развития Сибири содержали в себе военно-сырьевую направленность. Роль транспорта, в частности железнодорожного, в хозяйственном освоении Сибири подчеркивали В.А.Ламин, А.П.Деревянко. Применительно к периоду XX в. хозяйственное освоение понималось, прежде всего, как вовлечение территории с аграрно-индустриальным или аграрным характером производства в интенсивное "хозяйственное освоение" и превращение региона в промышленно-развитый район. Также чертами хозяйственного освоения названы: создание новых предприятий, городов и поселков.

С целью изучения богатого опыта индустриального освоения Сибири в широкомасштабную научную программу "Сибирь" СО АН СССР, родившуюся в конце 1970-х гг., составной частью во-

шла и подпрограмма "Гуманитарные аспекты развития Сибири в условиях промышленного освоения", одной из задач которой являлось обобщение исторического опыта хозяйственного и социально-культурного развития Сибири. Обобщение исторического опыта хозяйственного и социально-культурного развития Сибири понималось как выявление общих закономерностей и региональных особенностей хозяйственного и социально-культурного развития Сибири. В исторических исследованиях института истории СО АН проявилась черта преобладания социально-экономической тематики.

С начала 1990-х гг. на смену преобладанию социально-экономической проблематики пришло тематическое разнообразие при разобщенности научных центров, формирование их внутренней замкнутости. Институт истории СО РАН в 1990-е гг. сохранил интерес к социально-экономической проблематике. Одним из направлений исследований стала тема «Освоение новых территорий России в контексте европейской и мировой цивилизации», результатом работы над которой стала четырехтомная «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири» под ред. д.и.н. Д.Я.Резуна. При разработке аграрной тематики была сделана попытка исследовать историю крестьянства на уровне отдельных сел за длительный промежуток времени, что позволило проследить влияние кардинальных преобразований на жизнь отдельной семьи или отдельного крестьянина. В 2000-е гг. сложились новые направления научных исследований института истории СО РАН, среди них: «Роль государства в хозяйственном и социально-культурном освоении Азиатской России. XVII — начало XX вв.», «Модернизационные процессы и население Сибири в XX — начале XXI вв.», «Институты государственной власти и общества в Сибири: механизмы и результаты взаимодействия (1917—1945 гг.)». В работах сотрудников института истории Д.А.Ананьева, Е.В.Комлевой, А.И.Тимошенко, Д.Я.Резуна, Д.В.Раева рассматривались политические и социокультурные предпосылки индустриального и аграрного освоения региона в XX в., механизмы разработки экономической политики, закономерности перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, складывание урбанистического образа жизни, исследовались социально-экономические и демографические фак-

торы региональных процессов в Сибири, раскрывались кардинальные изменения в значении восточных регионов в формировании потенциала России, превращении Сибири в важнейший индустриально-аграрный район.

Традиции изучения социально-экономической истории Сибири, ее хозяйственного освоения в трудах представителей Томской научной школы вышли на одно из ведущих мест. Большое внимание процессам индустриального развития Сибири на всем промежутке ее существования уже в сложный постперестроечный период в условиях резкого уменьшения работ по социально-экономической проблематике уделено в работах томского историка В.П.Зиновьева. В Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета разрабатывалась тема "Хозяйственное (промышленное и транспортное) освоение Сибири". В ходе работы было опубликовано несколько тематических сборников статей. В центре внимания во многом оказались теоретические вопросы истории промышленного освоения Сибири, проблемы периодизации индустриального развития Сибири, особенности перехода от аграрного общества к индустриальному, этапы индустриализации Сибири, начавшейся с XVII в. В работах подчеркивалось, что к концу XX века Сибирь стала главной топливно-энергетической базой страны, основным поставщиком нефти и газа. В начале 2000-х гг. томскими историками были подготовлены труды обобщающего характера в виде коллективных монографий и индивидуальных научных исследований. В коллективной монографии «Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX — XX вв.», вышедшей в издательстве Томского государственного архитектурно-строительного университета под ред. Ю.В.Куперта (Томский гос. университет) при рассмотрении урбанизационных процессов в Сибири, раскрываются процессы, связанные с развитием отдельных городов, поселков, городских поселений Кузбасса, Челябинского буроугольного бассейна и т.д. Среди авторов монографии В.П.Бойко, К.В.Фадеев, В.П.Андреев, В.П.Зиновьев и др. В работе В.П.Зиновьева «Индустриальные кадры старой Сибири» проанализировано индустриальное развитие Сибири в XVIII — XX вв., особенности перехода от аграрного общества к индустриальному, экономическая политика государства в Сибири, появление и

развитие мануфактурного производства, формирование и состав индустриальных кадров Сибири. Индустриальному развитию Кузбасса посвящены работы В.П.Андреева, формированию купечества в Сибири — исследования В.П.Бойко, экономической истории города Томска — работы А.Н.Жеравиной и т.д.

Томская научная школа выступает в современных условиях открытой системой, готовой к широкому сотрудничеству и поддержке начинающих ученых из отдаленных от научных центров городов. Располагая солидной издательской базой («Вестник Томского государственного университета», «Вестник Томского государственного университета. История») Томская научная школа создавала возможности для публикации наработок по проблемам социально-экономического развития региона начинающим ученым. Так, только в № 2 (3) за 2008 г. в «Вестнике Томского государственного университета. История» в разделе «Проблемы отечественной истории» опубликованы работы: Е.В.Санкина «Динамика развития и районирование промыслового рыболовства в Западной Сибири в XIX — начале XX вв.»; В.А.Ильиной «О формах хозяйственного освоения территорий Северо-Востока в 1920—1930-е годы (на примере Акционерного Камчатского общества); В.Л.Некрасова, Е.А.Хромова «Партийные, региональные и ведомственные интересы в формировании политики освоения Западно-Сибирского нефтегазовой провинции (1961—1965 гг.)». При поддержке исторического факультета Томского государственного университета была подготовлена и в 2007 г. в диссертационном совете этого университета защищена Колевой Г.Ю. докторская диссертация «Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964—1989 гг.)».

По проблемам современного исторического сибиреведения в Алтайском университете получила распространение практика издания периодического сборника, представляющая наработки ведущих сибиреведов Барнаула, Бийска, Иркутска, Новосибирска, Тобольска, Томска, где рассматриваются актуальные проблемы современной исторической науки в Сибири: проблемы историографии, экономического освоения Сибири, развития городов Сибири, проблемы социальной истории.

Таким образом, на наш взгляд, в историческом сибиреведении, вопреки, тенденции сложившейся в российской исторической науке продолжено активное изучение социально-экономической проблематики.

В то же время нельзя не отметить, то, что Тюменская научная школа, возглавляемая институтом истории и политических наук Тюменского государственного университета, свои предпочтения в определенной тематике не обозначила. Представляя регион, где в последние четыре с лишним десятилетия происходят наиболее интенсивные экономические процессы, научное сообщество тюменских историков довольно настороженно относится к социально-экономической проблематике. Историки Тюменского государственного нефтегазового университета, вузов гг. Нижневартовска, Сургута, активно изучающую проблематику создания и развития ЗСНГК, энергетической политики страны, отдельных отраслей хозяйства, в большей степени ищут возможности для реализации в более восточных научных центрах, или же уральском научном центре. При преобладании мелкотемья в научной проблематике тюменского исторического сообщества, не прослеживается стремления к консолидации усилий.

РАЗДЕЛ II

Сибирь в XIX — XX вв.

Барабанищикова А.Ю.

ЮРОДСКАЯ ПАРАДИГМА В ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ СИБИРСКОГО ЧУДОТВОРЦА СИМЕОНА ВЕРХОТУРСКОГО

На протяжении нескольких столетий не прекращается поток посетителей и паломников в Николаевский храм Верхотурья. Особое внимание привлекает медная рака мощей Симеона, сооруженная в 1798 г. супругами Турчаниновыми. Недалеко от Верхотурья находится село Меркушино, также привлекающее к себе посетителей из разных уголков России. В селе расположена каменная гробница, из которой истекает источник чистой воды. Она не портится в сосудах от времени и дает исцеление от различных недугов, душевных и телесных.

Как и 300 лет назад, в начале XXI в. православные приезжают к мощам чудотворца Симеона Верхотурского, прекрасно зная этого святого подвижника. Совсем иначе обстояло дело 18 декабря 1694 г. Холодным декабрьским днем митрополит Тобольский Игнатий спрашивал у собравшегося возле храма народа: «Нет ли среди вас человека, который бы помнил, кто был погребен на этом месте?»¹. И лишь один семидесятилетний старец Афанасий сказал: «Никто не помнит имени погребенного здесь праведника, только хранилось среди нас предание, что у этой церкви первым был похоронен какой-то благочестивый и добродетельный муж»². Далее Афанасий рассказал легенду о жизни этого праведника, все, что он помнил с давних времен. Немногим позже митрополиту открылось во сне имя погребенного. Легендарно само появление Симеона: в 1692 году гроб с нетленными останками мужчины вышел из земли у Михайло-Архангельской церкви. По преданию, сразу же начались чудеса исцеления от мощей. В следующем году была установлена деревянная надгробница в виде сруба. В декабре 1695 г. мощи дважды освидетельствовались митрополитом Сибирским и Тобольским Игнатием (Римским-Корсаковым). Его

«Повесть известная и свидетельствованная о проявлении честных мощей и отчасти сказание о чудесах святого и праведного Симеона новаго сибирского чудотворца» является наиболее ранним и практически единственным источником сведений о жизни Симеона³. В «Повести» митрополит писал, что узнал о св. чудотворце от оброчного крестьянина Афанасия Тимофеева сына Чашегорова. Новым этапом в формировании житийной биографии св. Симеона связан с появлением «Выписки из имеющихся в Верхотурском Николаевском монастыре Пермской епархии записей и других документов о святом и праведном Симеоне Верхотурском чудотворце, которого нетленные мощи почивают в оном монастыре»⁴. Она была создана, вероятно, в 1846 г., когда мощи св. Симеона переложили из медной в серебряную раку. Именно «Выписка» легла в основу Жития св. Симеона Верхотурского, впервые опубликованного в 1856 г. Впоследствии оно многократно переиздавалось. Новыми в отношении жизни Симеона и «Выписке» по сравнению с «Повестью» митрополита Игнатия являются лишь два момента: продолжительность земного жития праведника и то, что помимо портного ремесла, он занимался ловлей рыбы. Но, как указывает неизвестный составитель «Выписки», эти сведения основаны на местных преданиях о святом. Впрочем, предания тоже могут служить источниками о жизни Симеона Верхотурского. С одной стороны, они являются исключительно устойчивыми. Предания (былички) о Симеоне, записанные в рукописной «Летописи Меркушинской церкви» еще в середине XIX в., в практически неизменном виде фиксировались участниками фольклорных экспедиций УрГУ и историко-этнографических экспедиций НИИ русской культуры УрГУ в Верхотурском районе в конце 1960-х — начале 1990-х гг.⁵. В этих преданиях с высокой точностью отразились реалии XVII столетия. Ограничимся лишь двумя примерами. Иконография образа св. Симеона Верхотурского, когда он изображался на берегу Туры с удочками, при этом иногда у заграждения (еза) на реке, сложилась, несомненно, на основе преданий и задолго до их записи. Этот ез существовал, судя по документам, примерно с 1620-х годов. А в 1991 г. один из информантов историко-этнографической экспедиции (А.Д. Дружинин из деревни Злыгостево), излагая предание о св. Симеоне, в конце беседы назвал его «вольношляющимся» и «Богу племянни-

ком»⁶, то есть, во-первых, «гулящим» (по терминологии XVII в.), во-вторых буквально повторив приглашения новых поселенцев в Сибирь: «нетяглых охочих людей: от отцов-детей, от братьев-братьев, от дядьев-племянников»⁷.

Учитывая, что со времени смерти Симеона до выхода гроба с мощами из земли и начала исцелений от них прошло, по наиболее распространенной версии, всего около 50 лет, можно предполагать, что людская память сохранила подлинное имя святого — Семен. Описанные в "Повести" митрополита Игнатия обстоятельства установления имени праведника тоже, вроде бы, подтверждают это предположение. Конечно, в соответствии с правилами агиографического жанра они представлены в виде чудесных видений во снах.

Что нам известно о жизни Симеона? Вот что сообщил Афанасий: «Человек той в сибирскую страну с Руси пришелец, дворянского рода рождением. Жительствоваша у нас в странничестве»⁸. Предполагается, что Симеон принадлежал к так называемым «гулящим людям», которых попадало в Сибирь немало. С.В. Бахрушин отмечал, что «гулящие» беспрепятственно могли передвигаться и выбирать себе занятия. Вероятно, Симеон пытался избавиться от социальных ограничений и строгой регламентации, поэтому и примкнул к гулящим людям. Определение «гулящий» не носит отрицательного характера, это промежуточное состояние вновь прибывшего человека на новое место проживания. Юридически «гулящих» людей рассматривали как вольных, незакрепощенных, оказавшихся за пределами своего сословия. Перед судом гулящий человек выступал как равноправная дееспособная сторона⁹. Гулящий чаще всего был одиноким, холостым человеком. В отличие от него крестьянина, поселившегося или готовящегося поселиться на пашню и привезшего с собой семью, называли «семейщиком». Гулящий мог быть «прописан» в данной местности многие годы, но не являться членом общины. Более того, он мог стать обладателем земельного участка на относительно продолжительный срок, но и это не превращало его в крестьянина. Не изменяла статуса гулящего и наличие собственного двора. Государственная власть свои отношения с гулящими людьми регулировала следующим образом: взималось два вида налога — явчу (от слова «являться») головщину и годовой оброк¹⁰.

К гулящим людям и принадлежал Симеон Верхотурский. Имея свободу передвижения (так как не имел семьи и не принадлежал ни к сельской, ни к городской общине), Симеон часто странствовал по окрестным селам и деревням. Любил он уединяться на берегах реки Туры, в десяти верстах от Меркушина, и удил рыбу. В зимнее время он шил шубы. По традиции, во время изготовления шубы портной жил в доме заказчика. Как сообщает Житие Симеона, часто праведник, не доделав работу исчезал, не взяв плату с хозяев, и шел наниматься к другим людям¹¹. Увидев недоконченную работу, хозяева принимались в сердцах ругать портного, иногда дело доходило до рукоприкладства. Только через некоторое время люди поняли, что Симеон таким образом избегает платы за свой труд. По воспоминаниям крестьян, Симеон был очень скромн и приветлив, очень любил посещать меркушинский храм во имя Архистратига Божия Михаила, со всеми он был добродушен, всем помогал и отличался чистотой не только телесной, но и душевной, был крайне воздержан. По преданию, самая смерть святого Симеона последовала от его чрезмерного воздержания и поста. По словам крестьянина Афанасия, Симеон был инициатором и активным участником постройки храма в Меркушино, за что, видимо, и удостоился почетного места погребения для мирянина.

Житийная легенда о жизни Симеона подкреплена действительными именами и историческими реалиями XVII в. Однако неизвестно, был ли погребенный возле храма в действительности Симеоном. По самым ранним сохранившимся дозорным книгам Верхотурского уезда (1624 г.), составленным М. Тюхиным, в деревне «Меркушовой»¹² было три двора посадских людей из Верхотурья, а в расположенной напротив на другом, правом берегу Туры «деревне на камени Меркуши Федотова» — еще четыре: три двора пашенных крестьян и двор живущего здесь верхотурского пушкаря. В пределах уезда это поселение по числу жителей, за исключением Верхотурья, уступало лишь вновь заселяемой пашенной Невьянской слободе. Концентрация в Меркушине и окрестностях населения, причем не только крестьянского (рядом — еще две деревни верхотурских посадских), была вызвана тем, что здесь находилась пристань, откуда отправлялись суда в Сибирь, и здесь же они строились. В 1624 и 1625 гг. «к полой воде под государев хлеб» жители Меркушиной и соседних деревень

получили в качестве подрядчиков деньги за постройку лодей, дощаников и струга¹³. Для строительства, снаряжения и обслуживания судов, так же как обслуживания сотен ежегодно отплывавших в Сибирь служилых, гулящих и промышленных людей требовалось немало и рабочей силы, и мастеров. Так что выбор св. Симеоном Верхотурским места, где он поселился, обусловлен вовсе не бегством от мирской суеты. Последний сюжет, кстати, попал в житийную легенду поздно, в XIX в., когда Меркушино утратило былое транспортное значение. В XVII столетии в этом бойком месте гулящий имел больше возможностей прокормиться. Совсем не случайно «книги, что взято государеву отроку з гулящих людей и с наемных ярыжек», зафиксировали непосредственно «в Меркушине деревне» сразу гулящих. Эти сведения относятся к лету 1626 г., когда суда в Сибирь давно уже ушли¹⁴. Следовательно, в книге отмечены гулящие, которые или задержались на время в Подгородной волости Верхотурского уезда, или, как мы увидим, фактически осели в Меркушине. В этой книге сбора оброка с гулящих и ярыжных в Подгородной волости за 1626 г. «в Меркушине деревне» записан некий Семейка (Семен) Пинежанин, заплативший 20-алтынный оброк! В августе 1624 г. в самом Верхотурье «взято з гулящево с Семейки Пеняженина пять алтын» (15 коп. — половина оброка за год, так как он недавно пришел?). А 5 сентября там же, в «книге сбора указного оброка с гулящих людей», на новый 1624—25 гг., куда записывались гулящие, бывшие в оброке и в предшествующем году, отмечено: «Взято з гулящих ярыжек Семейки Пинежанина, да с Пронки да Васки Макарьевых оброку тридцать алтын (по 30 коп. с человека), да с племянника их Ларки взято десять алтын»¹⁵. Отметим, что все они названы «гулящими ярыжками». Возможно, это артель портных. Этнографические данные и исследования по социально-экономической истории России XVII в. свидетельствуют о том, что осенью портные объединялись в группы и отправлялись по деревням искать заказы. Они имели учеников, каковым в данном случае мог выступать племянник Макарьевых. Похоже, что приведенные документы зафиксировали момент появления в Верхотурском уезде будущего праведника, если, конечно, он и есть Семейка Пинежанин. Итак, Семен пришел в Верхотурье в 1624 г. В 1624—1625 гг. он находился в уезде, а год спустя был отмечен как постоянно

обосновавшийся в Меркушине и платящий высокий оброк, выше даже, чем обычный сбор с «прохожего» промышленного человека. Для сравнения: такой же оброк в 20 алтын с человека платили в начале 1620-х гг. бобыли (жители, владевшие только дворами)¹⁶. Портному, к тому же специализирующемуся на шитье шуб, пребывание в Меркушине обеспечивало возможность получения заказов от многочисленного проезжего служилого, торгового, промышленного и гулящего люда, местных и окрестных крестьян, посадских, служилых и т.д. Таким образом, вероятность историчности появления Симеона в Меркушине и его профессиональная деятельность становятся весьма вероятными.

Неясным остается вопрос о соотношении подвига Симеона и феномена юродства. XVII в. в Европейской части России характеризуется большим количеством юродивых в классическом понимании этого феномена. В Сибири же христианская вера только утверждалась. Число христиан там было очень невелико, да и те, кто проповедовали Христову веру, были нетверды в ней. У тогдашних сибирских христиан еще не успели искорениться языческие понятия и обычаи. Внешне исповедуя Христа, они в то же время втайне придерживались своей прежней религии. Праведный Симеон нередко вступал с новообращенными христианами в религиозные собеседования и учил слушателей, как надо жить по Христову закону, дабы угодить Богу и спасти свою душу.¹⁷ Однако это противоречит юродскому поведению, характерному для средневековой Руси. Дело в том, что юродивый — человек «ни откуда», у него нет прошлого, нет семьи, нет дома, нет профессии. Если доверять воспоминаниям крестьян, перечисленных в «Повести» митрополита Игнатия, то Симеон своими манерами был похож на дворянина, а от любопытных и вовсе не скрывал своего дворянского происхождения, прямо говоря об этом. К тому же отсутствует малейший намек на «безумство», напротив, Симеон демонстрировал свою образованность: «Просиживая на речном берегу с удочкой, этот бродяга незаметно и ненавязчиво уподоблялся евангельским рыбакам — апостолам, великим «ловцам человеков». Он свел знакомство с местными вогулами, бывшими еще полуязычниками-полухристианами. Да и русские крестьяне — переселенные сюда «выкликанцы», часто оказывались невежественными в святой вере. А Симеон «любил поговорть о

духовном. Его слова были просты, но трогали сердце и западали в душу. Так тихо сеял он семена высокого благочестия».¹⁸

В целом, нам известны редкие случаи юродствования в Сибири, и то можно говорить лишь о «вырождающемся» подвиге, т.к. уж слишком сильно он отличался от «классического» юродства. Возможно, это было продиктовано социокультурной обстановкой в Сибири, где до царя было далеко (следовательно и обличать его не было надобности), к тому же в период распространения юродства в Сибири было очень опасно вообще кого-либо обличать из властьпредержащих. С XVIII столетия велено было арестовывать всех бродяг, кликуш, юродивых, подвергать допросам и, в зависимости от характера их деятельности, ссылать в отдаленные монастыри или заключать в тюрьму¹⁹.

В Сибири было сглажено социальное неравенство, известно, что там не было крепостного права. М.П. Головачев в очерках о Томске, Тюмени, Иркутске отмечал «большую однородность сибирского городского населения», отсутствие в ней «исторически привилегированных сословий», а также то, что в Сибири не было строгого разделения между занятиями городского и сельского населения²⁰. Таким образом, юродивые не отличаются социальной агрессивностью, «руганием». Скорее перед сибирскими блаженными стояла другая цель: не столько обличить, сколько привести людей к вере, так как Сибирь была во многом языческой. Можно выделить основную черту сибирских юродивых — это их миссионерская деятельность.

Феномену юродства пришлось адаптироваться к тем условиям, которые сложились в Сибири в XVII в. Поэтому нет оснований отрицать, что Симеон Верхотурский является юродивым. Говоря о своем дворянском происхождении, он, однако, не упоминал о родителях, таким образом, порывая со своим прошлым и своей семьей. Безумство также не обязательно: известны юродивые-монахи, например Михаил Клопский, который был, не только разумен, но и также поучал других людей. Нельзя не указать и на стиль жизни Симеона: он не имел своего дома, часто странствовал, работал не получая за это денег и т.д.

В его Житии достаточно большое внимание уделяется чудесам, произошедшим после приобретения мощей святого. Некоторые чудеса явно заимствованы из житий более раннего времени.

Интересен один случай, весьма напоминающий момент из жития Василия Блаженного. Так, одна женщина, усомнившись в святости мощей Симеона, пренебрежительно вышла из храма. Не успела она отойти на версту, как поднялся страшный вихрь. Осознав, что это кара за ее неверие, она с трудом вернулась к мощам святого и на коленях вымаливала прощение, после чего смогла снова видеть²¹. Подобный случай описан в Житии Василия Блаженного, но действие разворачивалось при жизни юродивого, когда несколько девушек также осудили Василия, отчего потеряли зрение. Видимо, при составлении жития автор опирался на предшествующие сообщения о чудесах юродивых. Несмотря на своеобразие, юродская парадигма следовательно, налицо и в жизни Симеона Верхотурского.

Примечания

- ¹ Жития Сибирских Святых. Новосибирск, 1999. — С. 19.
- ² Там же, С. 20.
- ³ Краткое житие святого праведного Симеона Верхотурского и всея Сибири чудотворца. http://www.ikz.ru/siberianway/snm/prv_simeon.html.
- ⁴ Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998.
- ⁵ <http://nature.eunnet.net/>
- ⁶ Очерки истории и культуры
- ⁷ Там же.
- ⁸ Жития Сибирских Святых. Новосибирск, 1999. — С. 15.
- ⁹ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. — 213.
- ¹⁰ Там же, С. 250.
- ¹¹ Жития Сибирских Святых. См. также: Краткое житие святого праведного Симеона Верхотурского и всея Сибири чудотворца. http://www.ikz.ru/siberianway/snm/prv_simeon.html.
- ¹² Очерки истории и культуры
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ <http://nature.eunnet.net/>
- ¹⁵ Очерки истории и культуры
- ¹⁶ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь. С. 124.
- ¹⁷ Краткое житие святого праведного Симеона Верхотурского и всея Сибири чудотворца. http://www.ikz.ru/siberianway/snm/prv_simeon.html.

¹⁸ Архиепископ Владимир. Слово о праведном Симеоне Верхотурском// Православная газета 1996 №18 (52)

¹⁹ Филарет Черниговский. История русской церкви. СПб, 1871. С. 249.

²⁰ Головачев П.М. Сибирь, люди, жизнь. М., 1902.

²¹ Жития Сибирских Святых. С. 29.

Цысь В.В., Цысь О.П.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ШКОЛАМИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Начало системе образовательных учреждений на территории края было положено в правление Александра I. Еще в январе 1803 г. им утверждаются «Предварительные правила народного просвещения», в соответствии с которыми народное образование должно было состоять из четырех ступеней: приходские училища, уездные училища, гимназии, университеты. Согласно принятому в 1804 г. Уставу учебных заведений, надзор за уездным училищем должен был осуществлять смотритель — чиновник не ниже 9 класса «Табели о рангах»¹.

Первым учебным заведением Севера Западной Сибири стало организованное 30 августа 1818 г. Березовское уездное училище. Заведывание училищем возлагалось на штатного смотрителя. Он же отвечал за состояние других образовательных учреждений. Такое же совмещение обязанностей было свойственно и следующему уровню управления образовательными учреждениями: директор Тобольской гимназии одновременно ведал и учебными заведениями на территории губернии. Он в свою очередь подчинялся Главному инспектору училищ Западной Сибири, находившемуся в г. Томске. Главный инспектор назначался Министерством народного просвещения (МНП) по договоренности с генерал-губернатором. Наиболее ранние сведения о его деятельности относятся к 1841 г.

В Сургуте 28 января 1835 г. открывается казачья школа, фактически работавшая по программе приходского училища, впоследствии существовавшая согласно высочайше утвержденному Положению о Тобольском пешем казачьем батальоне и конном

полку от 21 октября 1849 г. В административном и финансовом отношении она находилась в ведении Тобольского воинского начальника. Последний подчинялся начальнику штаба Западно-Сибирского военного округа. В «учебном отношении» казачьей школой заведовал штатный смотритель училищ Березовского и Сургутского округов.

В 1869 г. Тобольский пеший казачий батальон был упразднен. Возникли проблемы с содержанием и финансированием казачьей школы в Сургуте. После нескольких лет переписки было решено ее передать из военного ведомства в МНП. В начале 1877 г. департамент экономии Государственного совета своим «Мнением» положил: «Ассигнуемую по финансовым сметам Министерства Народного Просвещения сумму по 346 руб. в год, на содержание завода-Екатерининского приходского училища в Тобольской губернии, по закрытию сего училища 1 июля 1877 г., предоставить Министерству Народного Просвещения обратить с того же срока на содержание казачьего начального училища в г. Сургуте той же губернии»².

Заведывание церковными школами, появившимися в крае в середине 1840-х гг., осуществлялось приходскими священниками и благочинными, подчинявшимся, в свою очередь, Тобольскому епархиальному начальству. Просветительская деятельность являлась для духовенства своего рода дополнительной «нагрузкой» к основным обязанностям и не была четко регламентирована.

В 1870—80-е гг. в ряде населенных пунктов открываются школы Министерства государственных имуществ (МГИ) (Елизаровская, Реполовская, Шеркальская и др.). На практике это фактически означало, что содержаться они должны за счет местных земских сборов, т.е. самого населения. Обучение же в школах МГИ шло по программам Министерства народного просвещения.

Таким образом, первоначально на территории края существовали школы, подчиненные в организационном, финансовом отношении различным ведомствам. Учебное управление находилось в ведении штатного смотрителя Березовского уездного училища или благочинных. Контроль за деятельностью начальных учебных заведений в силу объективных причин мог носить эпизодический характер. Большинство школ функционировало при минимальной государственной поддержке, существуя зачастую за

счет энтузиазма педагогов, благотворителей, отдельных представителей местной интеллигенции.

Новый этап в развитии системы органов контроля и управления за учебными заведениями различного типа на территории Зауралья наступает в конце XIX в. Реорганизация первоначально коснулась верхнего звена государственных учреждений. Надзор за деятельностью школ МНП стало осуществлять Управление Западно-Сибирского учебного округа, созданное в 1885 г. и располагавшееся в Томске. В состав округа входили Тобольская, Томская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская (до 1899 г.) области. Во главе образовательных учреждений вместо Главного инспектора теперь стоял Попечитель, при котором действовал совет для рассмотрения учебных и административных вопросов.

Руководство учреждениями народного образования на местах, как и раньше, осуществлял штатный смотритель училищ Березовского и Сургутского округов. Он же являлся смотрителем Березовского уездного училища. Школы северной части Тобольского уезда, в том числе Самаровская, находились под надзором штатного смотрителя Тобольских училищ.

Однако принцип такого совмещения обязанностей, в конечном счете, был признан неудачным. Штатному смотрителю далеко не всегда удавалось уделять сельским учебным заведениям достаточно внимания. Поэтому, Высочайше одобренным мнением Государственного совета от 31 мая 1899 г., с 1 января 1900 г. в Тобольской губернии вводились должности трех инспекторов народных училищ. 6 декабря 1899 г. учреждается должность директора народных училищ Тобольской губернии. В начале 1900 г. в Тобольске состоялся съезд инспекторов, в работе которого приняли участие губернатор и вице-губернатор. Перед руководством учебных заведений была поставлена задача повысить качество подготовки педагогических кадров, упорядочить отчетность, ввести в школах единообразные учебники³. Таким образом, появляются государственные служащие, освобожденные от функций, связанных с руководством каким-либо конкретным учебным заведением, а сосредоточенные исключительно на вопросах общего контроля за деятельностью школ, оказания им финансовой, методической и иной помощи.

В начале XX в. структура управления начальным народным образованием со стороны МНП выглядела следующим образом: директор народных училищ; три инспектора, каждый из которых надзирал за учебными заведениями определенного района, включающего несколько уездов; губернский и восемь уездных училищных советов. В Березовском и Сургутском уездах по причине их малолюдности училищные советы созданы не были.

На основании высочайшего повеления от 23 февраля 1904 г. число инспекторских районов увеличили до пяти. Впоследствии количество районов было доведено до восьми, а с 1 июля 1913 г. до одиннадцати. Школы Тобольского, Березовского и Сургутского уездов находились в ведении инспектора первого района. С 1 января 1900 г. на протяжении многих лет эту должность занимал выпускник Омской учительской семинарии Елпидифор Федорович Соколов. В его обязанности входили налаживание сотрудничества с местными властями по вопросам организации школьного дела, «забота о подыскании соответствующих кандидатов на учительские места», выдача педагогам жалованья, снабжение школ учебными пособиями, ревизия школ, разбор различных спорных вопросов, жалоб, связанных со школами, представление учителей к наградам и др.

Церковные школы Севера Западной Сибири находились в ведении Тобольского епархиального училищного совета, учрежденного в ноябре 1884 г. В 1888 г. были утверждены правила, разрешающие создание уездных отделений совета, а также регламентирующие их деятельность. В 12 городах Тобольской епархии такие отделения были организованы, в том числе в Березове и Сургуте. Наблюдателями церковных школ назначались благочинные. Их задачи заключались в инспектировании заведующих школ и учителей, выполнении цензорских обязанностей по отношению к содержанию образования. Благочинный должен был способствовать материальному обеспечению школ: рассылать жалованье преподавателям, деньги на постройку школьных помещений, содействовать приобретению учебных пособий и др. Он же заведовал книжными складами, собирал сведения о числе необходимых каждой школе учебников, распределял их в пределах своего округа, председательствовал в комиссии по испытанию учеников на получении ими льготных свидетельств по воинской

повинности, выпускных экзаменов. Благочинный нередко вел переговоры с сельскими властями, обществами на предмет помощи школьному делу, составлял итоговый отчет о работе школ на территории благочиния. Наблюдатель церковных школ, должен был периодически проверять состояние школ, в том числе и министерских, на предмет качества преподавания Закона Божия.

С 1896 г. после утверждения «Положения об управлении церковными школами Ведомства Православного Исповедания» в уездные отделения епархиального училищного совета стали включать помимо духовных еще и светских лиц — крестьянских начальников, смотрителей начальных училищ, членов городского самоуправления. Однако председательствовал в совете обязательно священник или протоиерей.

К началу революции в крае существовали две параллельные системы управления народным образованием — Министерства народного просвещения и Св. Синода. При Временном правительстве произошло их слияние за счет подчинения церковных школ учреждениям МНП.

Таким образом, эволюция органов управления заключалась в ее постепенной централизации, усложнении, более четком определении функций и обязанностей, что позволило наладить снабжение школ учебными пособиями, уделить внимание повышению качества профессиональной подготовки учителей, обеспечить стабильное бюджетное финансирование большинства школ. Это также явилось одним из факторов, обусловившим значительный рост количества образовательных учреждений на территории Севера Западной Сибири. Так, если в 1885 г. в регионе насчитывалось 8 министерских школ, то к 1895 г. их число увеличилось до 10, к 1905 г. — до 18, к 1915 г. — до 27⁴. Рост сети школ, находившихся под управлением Св. Синода может быть представлен следующим образом: 1885 г. — 1, 1895 г. — 9, 1905 г. — 19, 1913 г. — 26⁵. Общее число школ в границах современного Ханты-Мансийского автономного округа-Югры достигло 47⁶. Был начат и в целом успешно осуществлялся переход к всеобщему начальному обучению. Достижения дореволюционной системы образования были использованы в дальнейшем уже новой, советской властью для решения широких просветительских и воспитательных задач.

Примечания

¹ См.: Устав учебных заведений, под ведомственных университетам // Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. Тюмень, 2001. С. 70—72.

² Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 334. Л. 32.

³ Циркуляры ... 1900. № 3.

⁴ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3176. Л. 132об—136, 147—148об.

⁵ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Тобольск, 1913.

⁶ Соответственно совершенно фантастическими являются данные о 172 школах, якобы существовавших в 1916 г. на территории Березовского и Сургутского уездов, приведенные на С. 324 учебника для старших классов «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней».

Валитов А.А.

РОЛЬ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX СТОЛЕТИЯ

К концу XIX века в России сложилась многоуровневая система образования. Существовали школы различного ведомственного подчинения: земские школы, школы министерства народного просвещения и внутренних дел, ведомства православного исповедания, железнодорожные, казачьи.

К 80-м годам XIX века дело народного образования в Тобольской губернии было сосредоточено в школах: министерства народного просвещения, министерства государственных имуществ и некоторых других ведомств. Самое большое число этих школ приходилось на министерство государственных имуществ в 1884 г. всего таких школ было 227. На их содержание ежегодно расходовалось 70 370 руб¹.

Социально-экономическое развитие России во второй половине XIX в. поставило вопрос о необходимости всеобщего начального образования. Вся политика реформирования образования этого периода была направлена на поиск его оптимального вари-

анта для народа, т.е. гарантирующего возможность модернизации страны при сохранении стабильности самодержавия.

Эта идея была притворена в жизнь обер-прокурором Священного Синода Н.П.Победоносцевым. 13 июня 1884 г. Александр III утвердил «Правила о церковно-приходских школах», которые предоставляли православному духовенству практически неограниченные полномочия в деле нравственного воздействия на подрастающее поколение.

В «Правилах» было отмечено: цель открытия школ, средства и пособия к их содержанию, порядок открытия и состав школ, преподаваемые предметы и порядок их преподавания, права и обязанности наставников, законоучителей, наблюдателей и попечителей, обязанности Епархиального Архиерея, цель учреждения Епархиальных училищных Советов и сфера их деятельности и, наконец, отношения Святейшего Синода в церковно-приходские школы².

Церковно-приходская школа (далее ЦПШ) должны была дать элементарные знания по счету, письму, чтению и обеспечить воспитание учащихся в духе веры в «Бога, Царя и Отечество», «в духе церковности и государственности».

Для Тобольской губернии учреждение церковно-приходских школ было особенно важным, т.к. уровень грамотности в этом регионе был очень низким. В конце XIX в. «этот большой край в культурном отношении был одним из наиболее отсталых в России, в том числе и по уровню грамотности»³.

Высшее управление ЦПШ было возложено на образованный в 1885 г. Училищный Совет при Святейшем Синоде. На уровне епархий о распространении народного образования заботились епархиальные Училищные Советы. Тобольская губерния находилась в ведении Тобольского епархиального Училищного Совета (далее ТЕУС), учрежденного в 1884 г. Совет действовал под непосредственным руководством Его Преосвященства, Преосвященнейшего Авраамия, Епископа Тобольского и Сибирского⁴. ТЕУС проводил меры по улучшению учебно-воспитательного процесса в ЦПШ епархии, а именно: осуществление надлежащего контроля над школами, улучшение педагогических кадров, решение вопросов о школьных помещениях, обеспечение школ учебной литературой, литературой для внеклассного чтения и другое⁵.

Епархиальные Училищные Советы имели в подчинении Уездные отделения. В Tobольской епархии было открыто 12 таких отделений, 10 из которых находились в Tobольской губернии в городах: Tobольске, Кургане, Ялуторовске, Туринске, Тюмени, Ишиме, Тюкалинске, Таре, Березове, Сургуте⁶. Их обязанности — ближайшее заведование церковными школами своего округа. Они занимались рассылкой денег по школам на жалование учителям, на постройку школьных помещений, заведованием книжными складами и непосредственным обеспечением школ необходимой литературой; назначением экзаменационных комиссий для испытаний учеников церковных школ; осмотром школ и составлением годовичного отчета о состоянии школ своего округа⁷.

Непосредственное наблюдение и попечение о школах было поручено окружным наблюдателям-благочинным, которые должны были посещать школы с целью осмотра два раза в год и предоставлять отчеты об их состоянии и количестве отделению Епархиального училищного Совета⁸.

Журналом от 30 ноября 1893 г. было решено учредить, кроме должности епархиального наблюдателя, особых окружных инспекторов над ЦПШ, по крайней мере, в восьми округах: Tobольском, Тюменском, Ялуторовском, Курганском, Ишимском, Тюкалинском, Тарском, Туринском⁹.

В помощь епархиальному наблюдателю учреждалась должность помощника наблюдателя, которую с 1894 г. занимал Безсонов, ранее учитель подготовительного класса Tobольского духовного училища и первый особый наблюдатель¹⁰.

Важную роль духовное ведомство сыграло в создании школ и улучшении учебно-воспитательного процесса.

Во-первых, ТЕУС контролировал и распределял по уездам средства, поступающие для учреждения и содержания школ. Источниками этих средств были:

1. Пособие от казны, отпускались по распоряжению Святейшего Синода.

2. По предложению Епархиального училищного Совета и с согласия епархиального начальства, духовенства Tobольской епархии на пособие школам бедных приходов отчисляла один процент со всех остаточных сумм церквей, что ежегодно предоставляло в распоряжение Совета около 7000 рублей¹¹. На первых порах ре-

шено было производить однопроцентный сбор в течение трех лет. До окончания сбора предлагалось оставлять капитал неприкосновенным, чтобы таким образом составить постоянный фонд, процент с которого использовать на пособие школам. Так, к первому сентября 1891 г. капитал составил 21600 рублей¹².

3. Кружечный сбор, установленный Святейшим Синодом от 25 апреля — 11 июня 1886 года за № 885¹³.

4. Тарелочный сбор, установленный тем же распоряжением Священного Синода.

Из данных источников по распоряжению епархиального училищного совета должно было поступать ежегодно около 15000 рублей¹⁴.

Кроме того с 1888/89 учебного года одним из главных источников содержания ЦПШ в Тобольской губернии становится денежное пособие, ассигнуемое из земских губернских сборов. Так, до 1890 г. размер этого пособия составлял 10 000 руб., с 1890 по 1894 гг. — 14 200 руб. ежегодно, в 1894/95 учебном году было добавлено еще 7 675 руб. на содержание школ и 3000 руб. на инспекцию¹⁵.

Так же средства поступали от обществ, церквей, монастырей, церковно-приходского попечительства, священнослужителей и родителей учащихся. Их в период с 1884—1885 учебного года по 1894 год поступило до 6 000 рублей¹⁶.

Таким образом, ежегодно в Епархиальный училищный Совет на содержание церковных школ епархии поступало свыше означенных сумм до 30 000—35 000 руб.

В целях лучшей организации учебного дела Епархиальным училищным Советом ежегодно разрабатывались или дополнялись инструкции учителям и «заведывающим» церковно-приходскими школами. Они определяли обязанности преподавательского состава и полномочия наблюдателей за педагогической деятельностью последних.

Заботой епархиального начальства было и обеспечение школ учебной литературой. Епархиальный училищный Совет делал заказ на книги, основываясь на требованиях, поступающих от уездных отделений, и производил уплату денег за них. Епархиальное начальство заботилось об устройстве книжных складов в уездных отделениях. Так, в конце 1899 г. они были устроены в

шести уездных отделениях, пять из которых находилось в Тобольской губернии: Тобольском, Тюменском, Ялуторовском, Курганском, Туринском¹⁷. Книжные склады устраивались для снабжения церковных школ учебниками, наглядными и учебными пособиями, руководствами для учителей и письменными принадлежностями¹⁸.

Епархиальное начальство предпринимало меры к обеспечению церковных школ для внеклассного чтения. Для этого устанавливались следующие средства: из земского губернского сбора ежегодно по 1000 руб., единовременный взнос из сумм приходского попечительства в размере 25 руб., добровольный сбор денег и хлеба при содействии членов попечительства, а так же пожертвования книгами¹⁹.

Духовенством, ратовавшим за устройство, развитие и обеспечение ЦПШ, в 1885/86 учебном году был организован духовный концерт в пользу ЦПШ Тобольской епархии²⁰. Средства, полученные с этого концерта пошли на закупку в складе при ТЕУС учебников, которые были разосланы в самые бедные школы.

К ведению епархиального начальства относились и вопросы, касаемые помещений для ЦПШ и улучшения условий обучения. Так, например, наиболее важным вопросом заседания совета от 20 октября 1886 г. был отнесен и вопрос о помещениях: «Было постановлено: для наиболее правильной и прочной постановки дела ЦПШ в Тобольской епархии, Совет признает неотложным озаботиться выведением их из сторожек через постепенное устройство отдельных более или менее удобных помещений для школ вблизи церквей, от которых таковые пользовались бы прислужкой и отоплением»²¹.

Епархиальное начальство предпринимало меры по улучшению педагогических кадров для ЦПШ и способствовало обмену опытом между учителями и повышению уровню преподаванию. Для этого организовывались учительские курсы. Инспектором и руководителем краткосрочных педагогических курсов, действующих в церковных школах Тобольской епархии, несколько раз был Г.Я.Маляревский.

Кроме того, Его Преосвященство Авраамий, епископ Тобольский Сибирский решил обратить внимание общества и духовенства на элементарное образование в губернии личным примером.

По его распоряжению в Тобольском архиерейском доме ранней осенью 1885 г. приступили к устройству помещения для начальной церковно-приходской школы, а к концу октября этого же года оно уже было готово²².

Школа при архиерейском доме предназначалась для жителей нагорной части Тобольска. Жители города, желающие отдать своих детей для обучения в эту школу, должны были привести их туда первого ноября, желающих оказалось много, но принято было лишь 50 человек — так как помещение могло вместить в себя только это количество. Учащиеся, принятые в школу, относились к следующим сословиям: 18 человек — дети военнослужащих, 12 — крестьянские дети, 11 детей чиновников и 9 — мещан²³. Школа при Тобольском архиерейском доме была смешанной, в ней обучалось 39 мальчиков и 11 девочек, возраст которых был от 6 до 13 лет²⁴. Почти все дети были православного вероисповедания и лишь один мальчик — католик²⁵.

Епископ Тобольский Сибирский Агафангел, осуществлявший общее руководство ЦППШ в 1893/94 учебном году, следил за развитием и состоянием школ не только по отчетам Епархиального училищного Совета, донесениям наблюдателей и заведующих школами, но и сам совершал поездки «для обозрения церквей и приходов епархии». При посещении школ он старался лучше познакомиться с учащимися и учителями, лично проверяя познания учеников и педагогическую опытность учителей²⁶.

Особую роль в учреждении церковно-приходских школ сыграли священники. Нередко они на собственные средства открывали и содержали их. Одними из первых были иерей Андрей Желницкий и иерей Николай Поникаровский. о. Андрей Желницкий написал методические пособия для школы на собственные деньги (60 руб.), а так же «известил совет, что нужды школы он надеется на будущее время покрывать своими средствами»²⁷. Священник Троицкой церкви г. Кургана Василий Румянцев ходатайствовал об открытии церковно-приходской школы в д. Малой Чаусовой Троицкого прихода, заявляя, что такие расходы, как «устройство школьного дома, приобретение классной мебели, учебных пособий» и прочее, он частично возьмет на себя, а частично из сумм пожертвований прихожан²⁸.

Стараниями священников А.Я.Кайдалова, И.Ф.Добромыслова, М.А.Надежницкого и на их средства открыты ЦПШ в селе Липовская Байкаловской волости Тобольского уезда (1901), школ грамоты в д. Юшковой Тюменского уезда (1898), ЦПШ Преображенского прихода Тобольского округа²⁹.

Наряду с приходским духовенством деятельное участие в школьном образовании в духе православной церкви принимали и монастыри Тобольской епархии. В 1886/87 учебном году в Абакском мужском, Свято-Знаменском мужском, Иоанно-Введенском женском монастыре, Свято-Троицком Тюменском мужском и Туринском женском монастырях были устроены и содержались на монастырские средства школы для обучения детей разных сословий и вероисповеданий³⁰.

Итак, в системе образования Российской империи в конце XIX века появилась особая подсистема — церковные школы и училища. Особое место в этой подсистеме стали занимать церковно-приходские школы, которые давали элементарное начальное образование. Для организации и руководства этими школами была создана сложная система управления, включающая несколько звеньев. Была разработана система взаимоподчинения этих звеньев и распределены обязанности. Академическое духовное образование и богатый педагогический опыт П.Д. Головина и Г.Я.Маляревского гарантировали высокую степень профессионализма в руководстве губернским духовным образованием.

Епархиальное начальство должно было решать вопросы, касающиеся духовно-нравственного воспитания и обучения детей, а так же заботиться о материальной стороне организации церковно-приходских школ. Духовенство выступало не только инициатором открытия церковно-приходских школ, но нередко делало это на собственные средства.

Через десятилетие с начала повсеместного открытия церковно-приходских школ (1884), просветительская деятельность духовенства Тобольской епархии удостоилась высочайшего одобрения. В Высочайшем рескрипте, данном на имя Преосвященного Гермогена от председателя училищного Совета при Святейшем Синоде отмечалось: «Ныне истекает 10 лет, с тех пор как утвержденным мною положением призвано приходское духовенство к обновлению от начала принадлежавшей ему просветительской

деятельности и первоначальная школа народного просвещения в духе веры православной вновь соединена церковью и приходом. Десятилетний опыт свидетельствует о возрастающем успехе своего дела: приходская школа, привлекая к себе сочувствие народа своею церковностью и распространяя в возрастающем поколении, вместе с грамотностью, правила веры, любовь к церкви и церковному служению и пению, успела и в недостатке средств, при ревностном содействии духовенства и с помощью жертв общественных, упрочить свою деятельность, проявляя ее в самых отдаленных краях России»³¹.

Примечания

1. Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии. Тобольск, 1894. с. 4.
2. Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ ... с. 5.
3. Новиков В.Г. Образование в Тюменской области // Налоги. Инвестиции. Капитал: Информационно-аналитический журнал. 2000. — № 5,6. с. 78.
4. Головин П. Церковно-приходские школы Тобольской епархии в 1886/87 учебных годах. Тобольск, 1887. с. 2.
5. Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии. Тобольск, 1894. с. 4.
6. Тобольские епархиальные ведомости (далее ТЕВ). 1891 — № 6. с. 106.
7. Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии. Тобольск, 1894.с. 3.
8. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г.Тобольске (далее ГУТО ГА в г.Тобольске Ф. 61, Оп. 1, Д. 18. Л. 5.
9. Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии. Тобольск, 1894. с. 1—16.
10. Головин П.Д. Десятилетие... с. 1—15.
11. Головин П.Д. Десятилетие... с. 4.
12. Там же
13. ТЕВ. 1891. — № 8. с. 155.
14. Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии. Тобольск, 1894, с. 6.
15. Там же.
16. Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии. Тобольск, 1894. с. 4.

17. ТЕВ. 1900. — № 15.
18. Там же.
19. Там же.
20. ГУТО ГА в г.Тобольске Ф. 61, Оп. 1, Д. 3. Л. 158.
21. Головин П.Д. Церковно-приходские школы Тобольской епархии в 1886/87 учебном году. Тобольск, 1887. с. 1—2.
22. Антипатр. Школа при Тобольском архиерейском доме. Тобольск, 1886, С. 1—2.
23. Антипатр. Школа при Тобольском архиерейском доме. Тобольск, 1886, С. 4
24. Там же.
25. Там же.
26. Отчеты Тобольского Епархиального училищного Совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1893/94 учебный год, Тобольск, 1895. с. 10.
27. ГУТО ГА в г.Тобольске Ф. 61, Оп. 1, Д. 3. Л. 99.
28. ГУТО ГА в г.Тобольске Ф. 61, Оп. 1, Д. 3. Л. 99.
29. Половинкин Н.С, Чернышев А.В. Роль Тобольской епархии в системе образования и просвещения в крае в XVIII — начале XX вв. // Религия и церковь в Сибири: сборник научных статей и документальных материалов. Вып. 2, Тюмень, 1991; ГУТО ГА в г.Тобольске Ф. 61, Оп. 1, Д. 4, Л. 5.
30. Головин П. Церковно-приходские школы Тобольской епархии в 1886/87 учебном году. Тобольск, 1888.С. 2.
31. Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии, Тобольск, 1894. с. 1—2.

Бурнашева А.В.

ПЕРВЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ САДОВО-ПАРКОВЫЙ ПАМЯТНИК В СИБИРИ «САД ЕРМАКА»

Парки мира — величайшее историко-культурное богатство человечества. Каждый сад хранит слепок души архитектора, или садового мастера, создавшего его. Вернее, многих мастеров, так как сад никогда не становится законченным произведением искусства. Он живет, развивается, чутко отзывается на изменение прихотливой моды, на смену стилей и эпох. Наконец, сад — живой свидетель истории.

Парк — это озелененная предназначенная для отдыха территория, на которой элементы ландшафта, сооружения и устройство организуются в объемно-пространственную систему в соответствии с законами композиции.

Паркам, во всех теоретических разработках по градостроительству, с древнейших времен отводилось в комплексе города видное место. Целью данной статьи является изучение мемориального садово-паркового комплекса «Сада Ермака».

Над темой теоретических основ парков и садов с точки зрения архитектурно-пространственной организации, исторической значимости, экологической проблематики работали такие исследователи как: Ю.Г.Алонов, Е.А.Брагин, М.И.Будыка, А.П.Вергунов, Л.Б.Лунц, В.А.Горохов, Ю.Б.Хромов, Е.В.Петрушина и другие. В исследовании так же использовались материалы ГУ ТО «Государственного архива Тобольска».

История создания парков, садов и развития ландшафтного искусства насчитывает тысячелетия и уходит своими корнями в древние времена Египта, Вавилона, Ассирии и Китая. Имеется целый ряд описаний парков и садов в трактатах древних историков, философов, а так же в произведениях писателей. Садово-парковое искусство многим обязано археологам, обнаружившим интересные материалы о садах и парках древних времен.

В последние годы вопросами учета и изучения памятников садово-паркового искусства занимаются различные международные организации. В рамках ООН существует Комитет по историческим садам (ИКОМОС), создана Международная федерация ландшафтных архитекторов (ИФЛА). Эта организация проводит совещания по охране не только отдельных памятников, но и целых исторических ландшафтов, где разрабатываются положения и даются определения. Так, историческим ландшафтом считается «след события или цепи событий исторического значения. Историческим ландшафтом может быть также зрительно воспринимаемое выражение определенного периода в развитии цивилизации или определенного образа жизни.

Садово-парковое искусство развивалось с древних времен. Египет считается одной из первых стран, где возникло искусство создание садов и парков. Нил был житницей страны, но куда Нил не доносил своих вод во время разливов возводили искусствен-

ную оросительную систему, устраивая террасные сады. Вавилон был громадным городом, по площади равный многим крупным столицам современного мира, а дворец владыки Вавилона стоял на берегу Евфрата, и его лучшим украшением были «висячие сады». В парках Китая часто создавали искусственный рельеф. Деревья и кустарники высаживали группами или даже целыми рощами. На средневековой архитектуре Испании и, конечно, на садово-парковой искусстве сказалось арабское (мавританское) влияние. Заимствовав опыт у римлян в гидротехнике, мавры, рационально использовали таяние снегов в нагорных хребтах, за несколько столетий превратили скалистую и безводную Испанию в цветущий край. Тому свидетельство создание прекрасных ансамблей в Гранаде, Толедо, Кордове в XI — XIII веках.

На территории России еще в глубокой древности существовали сады. В V веке до н. э. греческий историк Геродот упоминает о садах, расположенных в нижнем течении Днепра. Летописец Нестор (1055—1115) описывает яблоневый сад Киево-Печерского монастыря, основанного Ярославом Мудрым в 1051 году. В Москве в XIV веке уже были культурные сады (Бутов сад, Терехов сад, Чичагов сад). В этот период в Москве существовал Аптекарский сад, он занимал часть территории нынешнего Александровского сада.

Появление регулярных парков в России относятся к времени правления Петра — это Петергоф, Летний Сад. Побывав во Франции, Голландии и Германии, Петр I увлекся созданием садов и парков. В начале и середине XVIII века были созданы регулярные садово-парковые ансамбли в Стрельне, Царском Селе, Ораниенбауме. В конце XVIII — начале XIX века создаются так называемые пейзажные парки. В Павловске, Гатчине, Царицыно. Многие русские вельможи строили дворцовые ансамбли в своих усадьбах. Среди них следует отметить дворцово-парковых ансамбли: Кусково, Архангельское, Останкино. В XIX веке появляется идея города-сада, в центре которого располагаются общественные сооружения окруженные парком. Но этой идее не суждено было сбыться, она оказалась утопической. Хотя XIX век оказался плодотворным по количеству и разнообразию садово-парковых сооружений.

Первая половина XIX в. в истории России — это время определения национальных интересов и национальных идеологий. Культурная самоидентификация нации получает воплощение в системе идей, символов и характерных образов. Противоборство с Наполеоном и Отечественная война 1812 г. объединила в патриотическом порыве власть и общество, совместив в сердцах идеи империи и свободы. Образ свободной личности стал связываться с героическим подвигом во славу Отчизны. Военная тематика, отражающая подвиг российских воинов, становится особенно популярна в 20—40 гг. XIX в. Так, в первые годы своего правления император Николай I издал распоряжение о строительстве в Тобольске памятника легендарному атаману Ермаку. Это распоряжение было новшеством для своего времени. Ведь традиционным для России было сооружение храма в честь того или иного исторического события. В первой половине XIX в. на смену храма-памятника приходит мемориал, посвященный историческому лицу, проявившему себя в укреплении российской государственности.

Впервые в провинции сооружался памятник атаману Ермаку — герою сибирской истории. Долгое время решался вопрос о месте расположения памятника. Предлагалось установить его на Плац-парадной площади или на Панином бугре. Городские власти пришли к выводу, что памятник должен быть помещен в природное или садово-парковое окружение. Поэтому место расположения на Панином бугре казалось очень эффективным, так как отсюда он был бы виден всему городу. Но Панин бугор оставался необитаемым, возникали сложности с его благоустройством. В результате, памятник Ермаку расположили на одном из живописных холмов, гряда которых тянется вдоль излучины Иртыша, формируя границу подгорного и нагорного Тобольска. Холм носит древнее тюркское название мыс Чукман. Этот высокий, почти треугольный в плане мыс отделен от кремля Никольским взвозом — главной дорогой, связывающей нижний город с верхним. Русское население на территории Чукманского мыса начало селиться с момента развития Тобольска. Здесь располагались жилые дома, которые решено было убрать в начале 1800-х гг., в связи с предполагаемым строительством духовной семинарии. При преосвященном Антонии решено было перенести семинарию из подгорной части горо-

да на мыс Чукманский, где и начато было строительство нового корпуса. Однако реализация этого проекта приостанавливалась из-за того, что город не мог выкупить все частные дома, расположенные на мысе, и оставшиеся несколько домов мешали задуманному строительству. Тем ни менее, для фундамента будущего семинарского здания начали выкапывать котлован. Однако, владыку Антония перевели в другую епархию, и задуманное строительство было прекращено. Возглавивший тобольскую кафедру епископ Амвросий (Келембет) не счел нужным продолжать строительство нового здания семинарии на Чукманском мысу, поскольку посчитал место для учебного духовного заведения неудобным и уже возведенные постройки разобрали. Остатки жилых частных строений так и простояли вплоть до начала 30-х гг. XIX в.

В первой половине XIX в., когда поступило распоряжение императора Николаем I о строительстве памятника атаману Ермаку, в связи с этим встал вопрос необходимости выкупа места на Чукманском мысу, его ограждения и разведения сада для общественных гуляний.

Деньги в сумме 2000 рублей, из собранных на сооружение памятника, решено было перевести Архиерейскому дому на основании представленных документов. Но епископ Евгений уведомил Его Высокопревосходительство генерал-губернатора, что хотя место на Чукманском мысу и принадлежит Архиерейскому дому, но никаких документов это подтверждающих у епархии нет. Поэтому генерал-губернатор предложил уступить Архиерейскому дому место на Чукманском мысу «для постройки памятника Ермаку, принять его в Гражданское ведомство и совершить на законном основании крепость с платяжем пошлин в казну. Во исполнение сего предписать Полицейской управе совместно с представителем Губернского Правления и архитектором Титовым дать полное заключение по данному месту, оформить документы и сообщить о количестве денег следующих в казну как пошлинных». Инженер Шмидт спроектировал площадку неправильной формы, разрезав ее перпендикулярными аллеями, на пересечении которых был установлен монумент.

Материал для памятника использовали из карьера на Горнощичком заводе, находящемся под Екатеринбургом, куда в январе

1830г. было направлено предписание губернатора о том, чтобы «находящийся там вчерне обработанный мраморный обелиск, доделать по эскизному рисунку академика архитектуры А.П.Брюллова и доставлен в Тобольск». Работы по обработке обелиска затянулись на несколько лет. В результате был создан монумент из плоского основания, цоколя и обелиска. Все сооружение имело высоту 16 м. На гранях обелиска вырезаны плоским рельефом пальмовые ветви, а на кубическом объеме основания обелиска венки с датами прихода в Сибирь Ермака (1581), его гибели (1584). На двух других гранях было начертано: «Покорителю Сибири Ермаку» и «Воздвигнут в 1838». В 1844 г. была составлена опись предметов, из которых состоит памятник.

В декабре 1835 г. высеченные части мраморного памятника были доставлены в Тобольск для монтировки. Для транспортировки было использовано 400 лошадей, запряженных в десятки саней. Когда обелиск привезли, то выяснилось, что в городе нет специалиста, который бы смог собрать детали памятника в цельный монумент. Местные власти обратились в столицу за инженерной помощью. Из Санкт-Петербурга в 1837 г. специально прибыл капитан корпуса инженеров путей сообщения Биркин для работы в губернской строительной комиссии. Он занялся установкой монумента. Биркин заказал в Екатеринбурге «разные чугунные снаряды» необходимые для поднятия камней. Памятник Ермаку был установлен 23 августа 1838 г. Площадка вокруг обелиска была устлана гранитными плитами и ограждена цепями, прикрепленными к вкопанным в землю чугунным пушкам.

В 1836 г. на основании договора тобольская губернская комиссия поручила крестьянам Рымареву и Иванову сделать фундамент под памятник Ермаку. «На торгах эти крестьяне предложили самую выгодную цену с прибавлением собственных материалов: железа, свинца, снасти и прочее». По контракту работы должны быть начаты с 1 мая. За десять дней должна быть вынута земля, а с 10 по 1 июля должна быть произведена кладка фундамента под пьедестал.

После установки памятника, площадь украсили чугунными на кирпичном фундаменте столбиками, на которые были навешаны железные цепи. Памятник окружал цветник, пересеченный в разных направлениях дорожками, посыпанными щебнем. Вдоль

цветника были поставлены диваны или скамейки, окрашенные зеленой краской. Цветник окружен кирпичным цоколем со столбами. Столбы оштукатурены и покрыты листовым железом. Между столбами установлена чугунная решетка, состоящая из звеньев.

Полностью благоустройство этой территории было окончено только в 1849 г. Сооружение памятника проходило при содействии и финансовой поддержке знаменитых уральских промышленников Демидовых и Яковлевых. В 1857 г. на территории мыса по инициативе губернатора В.А.Арцимовича, к разбитому цветнику добавились оранжерея и теплица. В теплице выращивались георгины, китайские розы, олеандры и гортензии, кактусы и левкои, а так же яблони, кипарисы, лимонные, ананасовые и персиковые насаждения, большое разнообразие овощей. В летние дни в саду играл духовой оркестр. Он располагался при памятнике в специальной беседке для танцев.

В 1864 г. первый тобольский фотограф П.С.Паутов сделал фотографии Тобольска. На них есть и сад Ермака. На одной из фотографий сада Ермака хорошо видна беседка для оркестра и площадка для танцев в правой части фотографии. В 1880 гг. фотографом Ляхмайером был сделан снимок памятника Ермака, где видна металлическая изгородь и каменными столбами. Не сохранившимися к нашему времени. Интересна и другая, также утраченная деталь памятника: на его основании установлена скульптура, возможно чугунное литье, изображающая трех воинов.

В царское время памятник Ермака, сам сад выглядел более чем солидно. Данное место постепенно становилось местом общественных гуляний, развлечений, местом досуга и отдыха горожан и гостей города. Тобольские власти заботились не только о сохранении внешнего вида, но и об укреплении склонов холма во избежание их обрушения. Это подтверждает фото 1903 г., сделанное М.Уссаковским, где можно увидеть, как первоначально облицовывали склоны холма под памятником.

После революции на территории сада были произведены захоронения погибших во время крестьянского восстания 1921 г. На месте захоронения была поставлена стела, возможно деревянная, стоящая на цилиндрическом кирпичном основании. В 1967 г. на

месте погребения был установлен монумент, в виде плоской архитектурно-пластической формы.

Сад Ермака попадает в число наиболее важных градообразующих объектов. Место его расположения выбрано обдуманно и символично. Хотя на период установки памятника нагорная часть Тобольска была мало населена, но, несмотря на это, было понятно, что Тобольский кремль одна из главных достопримечательностей города, и со временем, все исторически значимые объекты будут закрепляться за ним. Кремль представляет собой образ государственности, его силы и духовной мощи, тогда как, памятник Ермаку, олицетворяет военную силу, свободу, волю и целеустремленность российского народа. Исследуя историческое прошлое Сада Ермака, мы не только восстанавливаем, цепочку событий связанных с развитием данного природно-культурного комплекса, но и воспитываем патриотические чувства, прививаем культуру отношений между человеком и природой.

Крестьянников Е.А.

СУДЕБНЫЕ СЛЕДОВАТЕЛИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

В ходе преобразования западносибирской системы правосудия 1885 г. учреждался институт судебных следователей (в Тобольской губернии — 13 чиновников, в Томской — 9), составивших вместе с сотрудниками полиции следственный аппарат¹, которому, в условиях действия, по характеристике министра юстиции Д.Н.Набокова, «временных и переходных» судоустройства и судопроизводства², отводилась важная роль по борьбе с преступностью, пустившей глубокие корни в сибирской жизни.

После преобразования обнаружилось, что «укрепленная» судебными следователями «следственная часть» не справлялась с нагрузками. В Томской губернии в 1886 г. накопилось 6707 неоконченных следствий. Эту цифру томский губернатор характеризовал как «громадную»³. В Тобольской губернии в том же году было зафиксировано 6465 нерешенных дел⁴. В дальнейшем в Томской губернии положение исправилось: в 1892 г. около 4700 неоконченных расследований находилось в производстве⁵. Но в

Тобольской губернии волокита достигла огромных размеров. Обер-прокурор Сената П.М.Бутовский, проводивший ревизию западносибирской судебной системы, обнаружил не менее 18000 незавершенных следствий⁶.

Проволочки сопутствовали деятельности судебных следователей. В Тобольской губернии к 1 сентября 1886 г. у них в производстве находилось 180 неоконченных следствий, к 1 сентября 1887 г. — 438⁷, а в 1892 г. — около 1400⁸. В среднем по 108 незавершенных расследований приходилось на одного чиновника. При самых благоприятных условиях и напряжении всех сил такие сотрудники в Европейской России успевали рассмотреть 140 дел в год⁹. Без малого год был необходим следователям Тобольской губернии, чтобы расследовать только залежавшиеся дела.

Одной из причин волокиты стала малочисленность следователей. «Совершенно не удовлетворяющим потребностям населения» считали их количество представители местного административного и судебного ведомств¹⁰. Негативно сказывалось отсутствие четкого определения круга занятий: при подготовке реформы 1885 г. предполагалось возложить на судебных следователей расследование наиболее важных преступлений. В своей инструкции тобольский губернский прокурор К.Б.Газенвинкель называл этих чиновников «как бы следователями по особо важным делам»¹¹. Однако на практике они зачастую рассматривали незначительные уголовные дела, а полицейские чиновники расследовали значимые преступления. Так, в Тобольской губернии в 1887 г. чины полиции провели 75% следствий по делам, подсудным губернским судам, а 25% от всего количества рассмотренных судебными следователями дел подлежали разбирательству в окружных судах¹².

Вообще, регламентация деятельности института судебных следователей отличалась противоречивостью, указывающей на отсутствие определенной позиции у судебных чиновников относительно места этого учреждения в системе правосудия и его возможностей. Тобольский губернский суд 9 апреля 1886 г. распорядился впредь не приглашать судебных следователей для пополнения присутствий окружных судов, так как их число ограничено и «они всегда должны быть заняты исключительно производством следствий»¹³. 23 июня 1890 г. тот же суд, запретив пополнять состав окружных судов чинами полиции, предписал

включать в число членов суда судебных следователей¹⁴. Министр юстиции, не обращая внимания на чрезмерность объема следовательской работы, 19 марта 1888 г. рекомендовал передавать на рассмотрение судебных следователей «возможно большее число» дел¹⁵.

Административные и судебные чиновники, считая дальнейшее сохранение у полиции обязанностей проведения досудебных следствий неприемлемым, выступали за передачу этих функций судебным следователям. Председатель Тобольского губернского суда З.Н.Герашеневский и тобольский губернский прокурор К.Б.Газенвинкель, сразу после реформы 1885 г. заявив о том, что полицейское следствие «гибельно» отражается на отправлении правосудия, предложили изъять расследование преступлений из компетенции чинов полиции¹⁶. Настаивали на этом тобольский и томский губернаторы. Последний предлагал осуществить данную меру, невзирая на то, что следственный аппарат Томской губернии, как показали результаты ревизии 1892 г., находился в состоянии, по словам П.М.Бутовского, «неизмеримо лучшем, чем в Тобольской губернии»¹⁷. В целом, состояние досудебного следствия Западной Сибири признавалось неудовлетворительным. «Дальнейшее оставление следственной части в тех условиях, в которых она находится в настоящее время, — признавал П.М.Бутовский, — должно быть приравнено к отказу от правосудия»¹⁸.

Карательная машина, каковой правительственные чиновники намеривались сделать сибирский суд, установив институт судебных следователей, давала серьезные сбои. Должной уголовной репрессии она не обеспечивала. По информации Министерства юстиции, незначительные преступления и проступки в Сибири по-прежнему не преследовались¹⁹, но и самые дерзкие преступления, по словам министра юстиции Н.В.Муравьева, оставались «весьма часто безнаказанными и не расследованными»²⁰. «Суд не служит угрозой для преступников и защитником для обиженных и угнетенных»²¹, — говорилось в одной из министерских аналитических записок о репрессивном потенциале сибирской системы правосудия.

Авторитарный режим не мог допустить неуважения к власти и пренебрежительного отношения к ее учреждениям со стороны населения. В духе патернализма самодержавие требовало, чтобы

подданные чувствовали отеческое попечение с его стороны и ощущали повседневную правительственную заботу о своей безопасности. К концу XIX в. правящие круги уже не смели игнорировать интересы интенсивно развивавшейся Сибири. Край постепенно включался в число регионов, которым уделялось повышенное правительственное внимание. Усиление борьбы с преступностью и ужесточение наказаний злоумышленников — те вопросы, какие царизму предстояло решить незамедлительно.

В 1897 г. в Сибири вводились Судебные уставы 1864 г. Следственный аппарат составили мировые судьи, выполнявшие следственные обязанности наряду с судейскими и нотариальными, и судебные следователи, в задачи которых входило расследование важнейших преступлений. В Тобольской губернии учреждалось 7 должностей следователей, в Томской — 6²². Сразу после преобразования обнаружился недостаток их числа, о чем и сообщали председатели обоих (Тобольского и Томского) окружных судов Западной Сибири²³. В 1900 г. устанавливалась дополнительно одна должность судебного следователя в Томской губернии²⁴. Эта мера штатного характера стала единственной за все время действия уставов Александра II.

Тем не менее, на рубеже XIX — XX вв. у следователей не наблюдалось накапливания дел²⁵, хотя количество возбуждаемых ими следствий неуклонно возрастало. Так, в Тобольской губернии в 1900 г. на рассмотрение каждого из них поступало в среднем по 40 дел, в 1901 — 64, в 1910 — 129²⁶. Однако и в конце первого десятилетия XX в. с перегрузками следователи не сталкивались. В 1909 г., по сведениям Министерства юстиции, в округе Омской судебной палаты, большую часть которого составляли Томская и Тобольская губернии, они расследовали меньше дел, чем их коллеги из других российских регионов²⁷.

Относительное благополучие деятельности судебных следователей обеспечивалось мировыми судьями. Следственные дела распределялись таким образом, что основная нагрузка по их ведению была взвалена на мировые учреждения. Судья по статистическим данным, число начатых предварительных следствий в Западной Сибири постоянно увеличивалось, наблюдалось их накапливание²⁸. Однако это не обременяло следователей, а, значит, большой прирост дел добавлял работы мировым судьям.

Условия деятельности судебных следователей по некоторым показателям выглядели намного лучше, чем ситуация, в которой действовали мировые судьи. Так, в Тобольской губернии в 1905 г. каждый из следователей произвел в среднем в 3 раза меньше выездов для производства следственных дел, нежели мировые судьи, потратив на разъезды в 2 раза меньше времени²⁹. Некоторым из них работа явно не доставляла хлопот. О том, как следователь Барнаула «вообще не обременен делами» докладывали в 1908 г. мировые судьи Барнаульского уезда в Томский окружной суд³⁰. В участке Змеиногорского уезда заводилось настолько мало предварительных производств, что, по мнению судебного начальства Томской губернии, отпадала необходимость держать там следователя³¹. В 1910 г. в 4 из 7 следственных участков Тобольской губернии возникало дел значительно меньше нормы, в остальных — немного ее превышало³².

Между тем институт судебных следователей не избежал общих проблем, свойственных деятельности сибирской юстиции. Сказывалась скудность финансирования. Например, следователи 1 и 2 участка Томской губернии в представлении от 12 сентября 1908 г. указывали, что их фактические расходы на оплату жилья более чем в 2 раза превышали сумму отпускаемых на эти нужды средств³³. Для учреждения была характерна высокая текучесть кадров. В Томской губернии к 1909 г. лишь 2 следователя проработали в должности более трех лет³⁴.

Последствием бурного экономического развития края стало появление преступлений особого рода, борьба с которыми требовала людей со специальными навыками. Идею учреждения следователей для проведения следствий по делам особых категорий вынашивали чиновники Томского окружного суда. На общем собрании 4 апреля 1909 г. они решили ходатайствовать перед министром юстиции об установлении в судебном округе должности следователя «по железнодорожным делам». В Министерстве юстиции инициатива сибирских чиновников не нашла поддержки. Специализация судебных следователей на расследование определенной категории дел не была реализована³⁵.

Учреждение судебных следователей, в отличие от других судебных институтов сибирского региона, после реформы 1897 г. не претерпело каких-либо значительных преобразований. Этого не

потребовалось, поскольку его устройство и принципы функционирования более соответствовали Судебным уставам, а возникавшие на практике проблемы не носили системного характера, являясь следствием неразрешенности касающихся всей западно-сибирской юстиции вопросов.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 5. № 2770.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^л. Л. 1 об., 46.

³ Там же. Оп. 87. Д. 9921^с. Л. 5 об.

⁴ Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГУТО ГАТ). Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 97.

⁵ Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 25.

⁶ Библиотека РГИА. Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведенной в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П.М.Бутовским. С. 1.

⁷ ГУТО ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 97.

⁸ Библиотека РГИА. Отчет о ревизии... С. 1.

⁹ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 158.

¹⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^с. Л. 10.

¹¹ Газенвинкель К.Б. Об условиях производства формальных следствий по закону 25 февраля 1885 г. Тобольск, 1889. С. 2.

¹² ГУТО ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 98.

¹³ Государственный архив Тюменской области. Ф. И-65. Оп. 1. Д. 435. Л. 2—3.

¹⁴ Там же. Ф. И-40. Оп. 2. Д. 386. Л. 25—26.

¹⁵ ГУТО ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 102—102 об.

¹⁶ Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 6 об.

¹⁷ Библиотека РГИА. Отчет о ревизии... С. 22.

¹⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 19.

¹⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^с. Л. 9.

²⁰ Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895—1896 гг. СПб., 1896. С. 490.

²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 5.

²² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 16. Отд. 2-е. № 12932.

²³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 25 об, 81 об.

²⁴ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 20. Отд. 2-е. № 17973.

²⁵ Государственный архив Омской области (далее — ГАОО). Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 11—14, 17—20.

²⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

²⁷ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1909 г. СПб., 1910. С. 39—40.

²⁸ См.: Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1902 г. СПб., 1903. Вып. 18. Ч. 2. С. 38—39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1903 г. СПб., 1904. Вып. 19. Ч. 2. С. 38—39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 21. Ч. 2. С. 38—39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1906 г. СПб., 1907. Вып. 22. Ч. 2. С. 38—39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1907 г. СПб., 1909. Вып. 23. Ч. 2. С. 38—39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. СПб., 1910. Вып. 24. Ч. 2. С. 40—41; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. СПб., 1911. Вып. 25. С. 206—207; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. СПб., 1912. Вып. 26. С. 206—207.

²⁹ ГУТО ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 147—148.

³⁰ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 63. Л. 64.

³¹ Там же. Д. 120. Л. 1—1 об.

³² См.: ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

³³ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

³⁴ Там же. Оп. 2. Д. 443. Л. 137—142.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 63. Л. 54—54 об.

Ищенко О.В.

СОСТАВ СТУДЕНТОВ СИБИРСКИХ ВУЗОВ В НАЧАЛЕ XX В.

К началу XX в. российская система образования явно столкнулась с проблемой несоответствия существующих правил формирования контингента обучающихся в учебных заведениях и тех модернизационных задач, которые остро стояли перед страной. Попытки властей сохранить сословный характер образования

вступали в противоречие с процессом формирования в России гражданского общества, что не могло не затронуть и вузы отдаленной окраины империи.

Университеты занимали первую строчку в иерархии высших учебных заведений России, поэтому право поступления сюда предоставлялось преимущественно выпускникам гимназий, в числе которых, по замыслу властей, должны были преобладать представители дворянства. Но в связи с недостаточным количеством в Сибири средних общеобразовательных заведений, выпускники местных гимназий не могли заполнить в Томском университете все вакансии для поступавших. Из Европейской России выпускники гимназий ехали в Сибирь неохотно, так как предпочитали получить высшее образование в университетах центральной части страны. В результате в Томский университет было разрешено принимать выпускников духовных семинарий, реальных училищ, кадетских корпусов, ряда коммерческих училищ и некоторых других средних учебных заведений¹.

В первый год открытия сибирского университета сюда было подано 236 заявлений, но зачислено после вступительных испытаний всего 72 человека (из них 30 закончили гимназии, 40 — духовные семинарии, 2 были переведены из университетов Европейской России). Только 37 человек из числа студентов были уроженцами Сибири, остальные получили образование в центральных районах империи. Таким образом, Томский университет способствовал привлечению за Урал выпускников средних учебных заведений других регионов империи, и как отмечал автор очерков к 25-летию юбилею университета М.Ф.Попов: «Не нужно упускать из виду, что Томский университет с самого основания служит средством для переселения... образованных людей в Сибирь, так как из поступающих к нам в довольно большом числе воспитанников духовных семинарий из Европейской России более половины навсегда оседают в Сибири»².

В опубликованных в 1908 г. к 20-летию со дня открытия университета в Томске данных о составе студентов указывалось, что всего за истекший период в нем обучалось 3758 человек: 954 из них — это выпускники гимназий, 1955 — духовных семинарий, 815 — бывшие студенты других вузов, 27 — выпускники реальных училищ, 4 — учительских семинарий, 2 человека окончили

кадетский корпус и 1 — коммерческое училище³. Таким образом, очевидно преобладание в составе студентов Томского университета выпускников духовных семинарий, которые, в основном, приезжали в Сибирь для получения высшего светского образования из Европейской России, поскольку там в университеты их, как правило, не допускали. Это подтверждается, в частности, и материалами отчета, подготовленного в 1913 г. к 25-летию открытия Томского университета, где отмечалось: «Особенно велик у нас процент студентов из духовного сословия... Семинаристы поступают к нам, главным образом, из Европейской России. 25-летний опыт показывает, что это вполне хорошая, даже лучшая часть в составе нашего студенчества»⁴.

С расширением сети средних общеобразовательных заведений в крае среди поступавших на первый курс университета становится все больше абитуриентов, получивших образование в гимназиях Сибири. Так, за период 1908—1910 гг. в Томский университет поступило 660 человек, из них: выпускников гимназий — 411, духовных семинарий — 166, реальных училищ — 78⁵. Преобладание в числе первокурсников выпускников гимназий, в конечном счете, определило и их преобладание в общем составе студентов университета. В результате с 1909 г. по 1917 г. удельный вес выпускников духовных семинарий сократился здесь с 49,6% до 27,3%, а доля выпускников гимназий увеличилась за этот же период с 44,8% до 65,7%⁶. Это привело и к естественному возрастанию удельного веса выпускников сибирских средних учебных заведений в составе студентов Томского университета. Например, в 1911 г. доля выпускников учебных заведений Восточной и Западной Сибири в их числе составляла 59%, выпускников учебных заведений Европейской России — 41%, а в 1914 г. — 68,3% и 31,7% соответственно⁷. Тенденция к сокращению доли уроженцев центральной части страны усилилась в годы первой мировой войны, когда по распоряжению Министерства народного просвещения в Томский университет был разрешен прием только выпускников учебных заведений Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока⁸.

В то же время количественный состав студентов Томского университета в начале XX в. не имел ярко выраженной тенденции к увеличению. Так, в 1904 г. здесь обучалось 665 студентов, в

1906 г. — 716, 1908 г. — 998, 1910 г. — 1110, 1912 г. — 962, 1914 г. — 902, 1916 г. — 947⁹.

Значительно изменился в начале XX в. и сословный состав российского студенчества. Нужда в квалифицированных кадрах и увеличение количества высших учебных заведений вовлекали в образовательную сферу представителей непривилегированных сословий, хотя в университетах этот процесс шел медленнее, чем в институтах. По подсчетам историка А.Е.Иванова, за период 1908—1916 гг. удельный вес детей дворян, чиновников и офицеров среди студентов всех университетов России сократился с 41,2% до 34%, доля детей духовенства тоже уменьшилась с 12,7% до 10%, несколько увеличилась доля мещан (с 23,6% до 25%) и довольно значительно возрос удельный вес детей крестьян (с 8,1% до 13%)¹⁰. То есть в целом по стране заметно постоянное усиление разночинского слоя в среде студенчества. Но и на этом фоне Томский университет имел свою специфику.

Изначально состав студентов Томского университета был более демократичным в силу сложившихся правил приема, которые допускали поступление сюда выпускников не только гимназий, но и других средних учебных заведений, таких как духовные семинарии или реальные училища, где значительную часть обучавшихся составляли дети мещан, крестьян или небогатых сельских священников. Если сравнить состав студентов Московского, Петербургского и Томского университетов в начале 1900-х годов, то в Московском университете очевидно преобладание детей дворян и чиновников (44,9%), мещан (18,8%), почетных граждан и купцов (16,9%). В Петербургском университете больше всего обучалось сыновей дворян и чиновников (60,9%), почетных граждан и купцов (14,3%), мещан (12,2%), а доля детей лиц духовного звания здесь, как и в Московском университете, составляла около 5%. В Томском университете изначально преобладали именно представители духовенства (44,4%), гораздо меньше было детей дворян и чиновников (18,9%), но высок удельный вес мещан (17,9%)¹¹.

В последующие годы соотношение представителей отдельных сословий в составе студентов университета начинает меняться. За период с 1 января 1908 г. по 1 января 1917 г. удельный вес детей дворян и чиновников в основной массе студентов немного увеличился (с 20,5% до 23,4%), так же как почетных граждан и купцов (с

7% до 8,3%). Довольно заметно возросла доля детей крестьян (с 6,6% до 12,8%) и мещан (с 18,1% до 26%). При этом заметно уменьшился удельный вес сыновей лиц духовного сословия (с 43,6% до 22,6%)¹². Таким образом, к 1917 г. среди студентов Томского университета более 60% составляли выходцы из разных чинов.

Но фактор сословной принадлежности в начале XX в. уже не имел абсолютного значения. В ряде исследований отмечается, что большинство детей крестьян и мещан в университете только номинально относились к этому сословию, а фактически их родители были мелкими чиновниками. Дети мелких и средних чиновников была и основная масса сыновей личных дворян¹³. В силу этого состав студентов Томского университета может быть определен в значительной степени как разночинский.

Подобные характеристики вполне могут быть отнесены и к составу обучавшихся во втором сибирском вузе — Томском технологическом институте, который открылся первоначально в составе только двух отделений — механического и химического. В августе 1900 г. на первый курс Томского технологического института было зачислено 203 человека, в том числе на механическое отделение поступило 145 человек и на химическое — 58.

Всего в составе первых студентов преобладали выпускники реальных училищ (99 человек) и гимназий (64). Далее следовали выпускники промышленных училищ (15), духовных семинарий (8), кадетских корпусов (8), коммерческих училищ (5), других учебных заведений (4). Из них 107 человек получили образование в Европейской России, а 96 в азиатской части страны¹⁴.

Как и Томский университет, Томский технологический институт имел расширенную базу для комплектования. Согласно правилам приема, в институт допускались выпускники гимназий, реальных, коммерческих, среднетехнических училищ с дипломом I степени, кадетских корпусов, духовных семинарий и ряда других учебных заведений¹⁵. Поэтому значительную часть студентов Томского технологического института составляли выпускники реальных училищ Европейской России, где была большая конкуренция за места в высших учебных заведениях. Однако уроженцам Сибири при поступлении предоставлялось право льготного зачисления вне конкурса.

Сходным моментом являлось также и то, что количественный состав студентов Томского технологического института, как и Томского университета, не был стабильным. Так, в 1904 г. здесь обучалось 812 человек, в 1906 г. — 1912, в 1908 г. — 1513, в 1910 г. — 1474, в 1912 г. — 1112, в 1914 г. — 1184, в 1916 г. — 1143¹⁶.

В то же время сословный состав студентов высших технических учебных заведений России заметно отличался по сравнению с университетами. По данным исследователя А.Е. Иванова, среди студентов Петербургского, Томского, Харьковского технологических институтов, Рижского политехнического института и Московского высшего технического училища в 1906—1916 гг. не только не наблюдалось преобладания доли детей дворян, чиновников и офицеров, но в течение указанного периода она даже сократилась с 28,8% до 21,6%. Уменьшился в эти годы и удельный вес сыновей почетных граждан и купцов (с 19,7% до 14,5%). Параллельно увеличилась доля детей мещан (с 33% до 38,9%) и крестьян (с 14,8% до 22,2%). В числе студентов были и представители духовенства, но их удельный вес оставался незначительным (около 2% на протяжении указанного периода)¹⁷. Следовательно, по сравнению с университетами, в технических вузах страны было меньше детей дворянства и духовенства, но больше сыновей крестьян и мещан. Сословный состав студентов Томского технологического института в целом соответствовал составу обучавшихся в технических вузах Европейской России, но имел при этом некоторые особенности.

Так, например, в 1909/1910 учебном году среди студентов Петербургского технологического института доля детей дворян и чиновников составляла 36,7%, духовенства — 2,6%, почетных граждан и купцов — 13,5%, мещан — 28,2%, крестьян — 12,2%¹⁸. В это же время в Томском технологическом институте был ниже удельный вес сыновей дворян и чиновников (29,5%), почетных граждан и купцов (10,1%), но больше доля детей мещан (35,8%), крестьян (15%) и духовенства (4,1%)¹⁹. То есть состав студентов томского института был более демократичным. К 1 января 1914 г. доля детей дворян и чиновников среди всех обучавшихся в Томском технологическом институте сократилась до 23,3%, а удельный вес сыновей крестьян увеличился до 22,5%²⁰. Это свидетель-

ствуем о дальнейшем увеличении в составе студентов института доли разночинцев. По мнению историка М.И. Матвеева, большинство студентов Томского технологического института составляли выходцы из мещан, зажиточных крестьян, казаков и духовенства, но на самом деле родители многих были мелкими и средними чиновниками²¹.

Кроме того, необходимо учитывать, что в начале XX в. даже наиболее опекаемое самодержавием сословие дворян разрушалось под влиянием капитализма. Историк В.Р.Лейкина-Свирская отмечала в этой связи: «Сословная принадлежность к дворянству покрывала пеструю массу людей, различных по социальному положению, в том числе деклассированных дворян — фактических разночинцев»²². Вывод исследователя подтверждается и на примере студентов Томского технологического института. В частности, отец студента-технолога Н.М. Голубова, потомственный дворянин М.М. Голубов, ходатайствовал в 1910 г. о выделении его сыну стипендии, так как «никакого имущества и средств» он не имел²³.

Вообще в Томском технологическом институте, как отмечала периодическая печать, «большинство учащихся (около 60%) принадлежит к малоимущим классам: технологический институт — это институт демократии»²⁴.

Наличие в Томске двух государственных вузов не могло обеспечить доступ к высшему образованию женщин, поскольку разрешенный в годы первой российской революции допуск в университеты и институты женщин, окончивших средние учебные заведения, в 1908 г. вновь был отменен. Отсутствие возможности получения женщинами высшего образования привело к открытию в октябре 1910 г. в Томске общественных Сибирских высших женских курсов, которые являлись единственным подобным учебным заведением за Уралом. Первоначально курсы действовали в составе одного (естественного) отделения физико-математического факультета, затем к нему добавилось второе отделение — математическое.

В 1910 г. на курсы было принято 80 слушательниц, в 1913 г. здесь обучалось уже 257 человек, а в 1916 г. — 440²⁵. Среди поступивших на Сибирские высшие женские курсы в 1910 г. преобладали уроженки Сибири, а приезжих из городов Европейской России было только 13²⁶.

Согласно правилам приема, на Сибирские высшие женские курсы допускались выпускницы других высших учебных заведений, женских гимназий ведомства Министерства народного просвещения, женских Мариинских гимназий, епархиальных училищ и женских институтов²⁷. По мнению исследователя А.П.Толочко, высокая плата за обучение (125 рублей в год) затрудняла доступ на курсы девушкам из малообеспеченных семей, поэтому большинство слушательниц вышли из семей чиновников, купцов и дворян²⁸. Но состав томских курсисток был неоднородным. Так, например, среди поступивших на Сибирские высшие женские курсы в 1910 г. 80-ти слушательниц, дочерей и жен почетных граждан, купцов, мещан было 30 человек, что составляло 37,5% от общего количества курсисток, девушек из духовного сословия — 15 (18,8%), дочерей и жен писарей, канцелярских служащих, крестьян — 12 (15%), дворян, помещиков, чиновников — 11 (13,8%), преподавателей, врачей, инженеров — 9 (11,2%), девушек из семей военных — 3 (3,7%)²⁹. Приведенные данные показывают, что и состав слушательниц Сибирских курсов, так же как студентов Томского университета и Томского технологического института в значительной степени может быть определен как разночинский.

Таким образом, очевидно, что в начале XX вв. несмотря на сохранившиеся сословные ограничения в плане доступа к образованию, высшая школа Сибири все больше демократизировалась, причем удельный вес разночинцев среди студентов неуклонно увеличивался. Эта тенденция развивалась в русле общероссийского процесса формирования буржуазного бессословного общества, но проявлялась в Сибири ярче, чем в центральной части страны в силу более демократичного состава населения края. В свою очередь, социальное происхождение вузовской молодежи в Сибири во многом обусловило настроения, взгляды и политические симпатии, господствовавшие в этой среде.

Примечания

¹ См.: Правила для студентов и вольнослушателей Императорского Томского университета. Томск, 1909. С. 3—6.

² Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888—1913). Томск, 1913. С. 5.

³ Сибирская жизнь. 1908. 22 июля.

⁴ Попов М.Ф. Краткий исторический очерк... С. 13—14.

⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 494. Л. 35.

⁶ Подсчет произведен по: Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1908 г. Томск, 1909. С. 28; Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1916 г. Томск, 1917. С. 30.

⁷ Подсчет произведен по: Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1910 г. Томск, 1911. С. 27—28; Сибирский студент. 1914. № 2. Стб. 77.

⁸ Сибирская жизнь. 1916. 19 июля; 29 июля.

⁹ Подсчет автора.

¹⁰ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 268.

¹¹ Томский университет (1880—1980). Томск, 1980. С. 78; Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 29.

¹² Подсчет произведен по: Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1908 г. Томск, 1909. С. 30; Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1916 г. С. 30.

¹³ См. напр.: Матвеев М.И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966. С. 22.

¹⁴ Историческая записка об учреждении и открытии Томского технологического института императора Николая II. Томск, 1902. С. 19.

¹⁵ Сибирская жизнь. 1907. 5 июня.

¹⁶ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. Томск, 1909. С. 6—7, 33; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. Томск, 1916. С. 8, 42; Матвеев М.И. Студенты Сибири... С. 22—23, 26.

¹⁷ Иванов А.Е. Высшая школа России ... С. 272.

¹⁸ К характеристике современного студенчества. Вып. 1. СПб., 1910. С. 21.

¹⁹ Подсчет произведен по: Отчет о состоянии и деятельности Томского технологического института имени Николая II за 1909 г. Томск, 1910. Прил. XI.

²⁰ Подсчет произведен по: Отчет о состоянии и деятельности Томского технологического института имени Николая II за 1913 г. Томск, 1915. С. 115.

²¹ Матвеев М.И. Указ. соч. С. 26.

²² Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 60.

²³ ГАТО. Ф. 194. Оп. 3. Д. 227. Л. 10.

²⁴ Омский телеграф. 1910. 12 окт.

²⁵ Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов за осенний семестр 1910/1911 гг. Томск, 1911. С. 7; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. С. 62; Матвеев М.И. Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов (1900—1917 гг.) // Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия. Тамбов, 1981. С. 30.

²⁶ Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов... С. 8.

²⁷ Омский вестник. 1912. 21 июня.

²⁸ Толочко А.П. К истории Сибирских высших женских курсов в Томске (1910—1920 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII — XX вв.). Омск, 1996. С. 96.

²⁹ Подсчет произведен по: Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов... С. 8.

Мальцева Е.С.

ТОБОЛЬСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ (1902—1917 гг.)

В конце XIX — начале XX вв. наблюдается численный рост древлехранилищ по всей стране. Не стал исключением и город Тобольск, где по инициативе Тобольского епархиального Братства св. Димитрия Солунского и епископа Тобольского и Сибирского Антония IV (Каржавина) 26 октября 1902 г. было открыто церковное древлехранилище. До этого древлехранилища появились при высших духовных учебных заведениях в Москве — при Московской Духовной Академии, Санкт-Петербурге — при Петербургской, а так же в Вологде, Туле, Рязани и ряде других городов.

Основным направлением деятельности церковного древлехранилища в период его становления стало собирание и формирование коллекции (кресты, иконы, церковная утварь, рукописные книги и т.д.).

В дореволюционной литературе деятельность древлехранилища не была предметом специальных исследований. В свет вышли

лишь некоторые публикации посвящённые тем или иным личностям, которые в свою очередь являлись членами древлехранилища или архивной комиссии. В советский период, в силу идеологических обстоятельств, деятельность древлехранилища вообще не была предметом исследований. Лишь 80—90-е гг. XX в. являются тем периодом, когда начинают появляться публикации А.Чернышева, в которых рассматривается деятельность сотрудников древлехранилища и архивной комиссии. Посвящают свои труды этой теме С.Р.Дубинский «Тобольское церковное древлехранилище»¹ [1], Е.Н.Коновалова, Н.С.Половинкин «Издательская деятельность Тобольского Епархиального Братства второй половины XIX — нач. XX вв.»², Г.Ш.Мавлютова, Н.С.Половинкин «Тобольское церковное Братство св. Димитрия Солунского (кон. XIX — нач. XX вв.)»³.

В 1899 г. Тобольское епархиальное Братство св. Димитрия Солунского, поставившее перед собой задачу о сохранении вещественных памятников церковной старины, имеющих в церквях Тобольской епархии или у частных лиц, обратилось ко всем священнослужителям епархии с просьбой доставить в Совет Братства сведения о таковых памятниках по особо составленной для этой цели программе. Когда требуемые сведения были получены и приведены в систему, Совет Братства обратился в Тобольскую духовную консисторию с особым ходатайством сделать циркулярное распоряжение о тщательном сохранении вещественных памятников церковной старины, находящихся в пределах Тобольской епархии, строго запретив такие исправлять, видоизменять, а тем более продавать или же совсем уничтожать без ведома и согласия епархиального начальства.

8 сентября 1900 г. епископ Тобольский и Сибирский Антоний IV (Каржавин), предложил приступить к устройству в г.Тобольске древлехранилища. Он же предложил и сам способ приобретения для предполагаемого древлехранилища церковной старины. Так как Братством уже были собраны сведения о памятниках церковной старины, имеющих при церковных приходах, то предлагалось сделать основательный между ними выбор тех, которые «более замечательны в церковно-археологическом отношении» и, после этого, просить духовную консисторию о передаче их в собственность древлехранилищу.

Было принято решение об открытии древлехранилища при Братстве Дм. Солунского на положении прочих учреждений Братства. Святейший Синод указом от 13 ноября 1901 г. определил: «учредить при Тобольском Братстве святого великомученика Дмитрия Солунского церковное древлехранилище и утвердить его Устав».

Согласно Устава покровителем древлехранилища состоял епархиальный преосвященный. Кроме этого древлехранилище имело почётных и действительных членов, которые, однако, не пользовались правами членов Братства и не имели права участвовать в управлении делами древлехранилища. Почётными лицами являлись лица, оказавшие особые услуги древлехранилищу или сделавшие единовременные пожертвования в размере не менее 50 рублей. Действительными членами считались лица, уплачивающие ежегодно не менее 1 рубля или внёсшие единовременно не менее 25 рублей⁴.

Заведование делами древлехранилища возлагалось на председателя, казначея и секретаря Тобольского епархиального Братства. Была введена должность хранителя и помощника древлехранилища, которые избирались Советом Братства, и утверждались епархиальным преосвященным. Они должны были иметь священнослужителями, поскольку в древлехранилище поступали предметы, освященные и употребляемые при богослужении (потиры, евангелия, напрестольные кресты и прочее), которых люди не имеющие сана касаться не имели права.

Журнальным постановлением Совета Братства от 26 апреля 1901 г. решено было просить причт кафедрального собора уступить для древлехранилища нижний этаж каменного здания соборной ризницы, занятой консисторским архивом.

Уступленное администрацией собора под древлехранилище это помещение на отпущенные Братством средства было отремонтировано и приспособлено для нового учреждения. В сентябре 1902 г. работы по отделке помещения для церковного древлехранилища были окончены, и началась новая работа по приведению в порядок предметов церковной старины и их экспозиции в помещении кафедральной ризницы.

По уставу Тобольского церковного древлехранилища, предметы для его фондов приобретались на средства самого древлехра-

нилища, которые собирались из ежегодных членских взносов и пожертвований. Но из-за скудности собственных средств древлехранилища, деньги на приобретение предметов старины выделялись непосредственно из фонда епархиального Братства⁵.

В первый год своего существования, благодаря поддержке приходов, Тобольское Братское древлехранилище по количеству собранных памятников церковной старины оказалась в ряду лучших и богатых древлехранилищ России. Уже к открытию древлехранилища в его фонды поступило 294 вещественных и 634 письменных предмета, имеющих ту или иную историческую ценность.

К 1917 г. в заказниках Тобольского церковного древлехранилища имелось 2228 экспонатов, некоторые из которых признавались специалистами уникальными⁶.

Церковное древлехранилище просуществовало в Тобольске около 15 лет. За годы существования в нём была собрана богатейшая коллекция различных предметов церковной старины, которые тем самым были спасены от разрушения и уничтожения, если бы они хранились в прежних условиях. В годы советской власти эти предметы вошли в состав фондов Тобольского краеведческого музея, составив значительную часть его коллекции.

Примечания

¹ Дубинский С.Р. Тобольское церковное древлехранилище // Религия и церковь в Сибири. — Тюмень. 1990.

² Коновалова Е.Н. Половинкин Н.С. Издательская деятельность Тобольского епархиального Братства во втор. пол. XIX — нач. XX вв. // Религия и церковь в Сибири: сб. ст. и докум. материалов. — Тюмень. 1995. Вып. 8.

³ Мавмотова Г.Ш. Половинкин Н.С. Тобольское церковное Братство св. Димитрия Солунского (кон. XIX — нач. XX) // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (г.Тобольск. 25—27 ноября 1997 г.). — Тобольск. 1997.

⁴ Устав Тобольского епархиального Братства // Тобольские епархиальные ведомости (далее ТЕВ), 1890. №23—24. С. 508.

⁵ Тобольское церковное древлехранилище // ТЕВ. 1904. №5. С. 77—84.

⁶ Тобольское церковное древлехранилище // ТЕВ. 1918. №1. С. 103.

Иванова Л.В.,

к.и.н., заместитель директора ГУК ТО
«Музейный комплекс» по научной работе

РУССКОЕ ЗОЛОТНОЕ ШИТЬЕ ЗАУРАЛЬЯ XIX — XX вв. В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ

Существует множество способов декорирования текстиля: вышивка, узорное ткачество, вязание, плетение, набойка, лоскут. Одним из удивительных женских ремесел Среднего Зауралья было золотное шитье. В Ялуторовском уезде уже в XVII — XVIII вв. женщины надевали в праздники вышитые золотом или расшитые позументами «цепцы», а девушки носили головной убор, называвшийся «лентой». Он имел вид короны «шириною вершка в три» (18 см), покрыт был шелковой тканью с вышивкой золотом или из «галунов», с бисерными, а у богатых — «жемчужными поднизьями»¹. [Лента²]. В деревне Решетниковой Троицкой волости Тюменского уезда в конце XVIII в. женщины шили на пальцах цветными шелковыми, золотыми и серебряными нитями женские головные уборы³. И.П.Фальк, в начале XIX в. отмечая трудолюбие тюменских крестьянок, в числе их занятий называл вышивание на продажу золотом и серебром⁴. Золотное шитье — традиционное рукоделие старообрядок Зауралья, которое применялось ими при изготовлении поясов и гайтанов (лент для ношения крестов), лестовок (четок), бумажников и кисетов. [Лестовка⁵]. Мастерицы изготавливали и расшивали головные уборы в виде шапочек из парчи, бархата и шелка на твердой основе. Кокошники с вышитыми золотом верхушками носили в конце XIX в. замужние женщины Усть-Ницынской слободы Тюменского уезда⁶.

В 1920—1923 гг. известный исследователь народного художественного творчества Иван Иванович Овешков, путешествуя по Ялуторовскому уезду, Исетской и Шатровской волостям Тобольской губернии, посетил окрестные деревни Гилёвку, Войновку, Каменку, где в конце XIX — начале XX вв. процветали многие традиционные промыслы и ремесла. Целью экспедиции была организация в Тюмени и Тобольске художественно-промышленных школ с коврово-ткацким, вышивальным и др. отделениями. Кроме того, в планы Овешкова входило создание музея художественной

промышленности и народного творчества, издание печатных трудов по вопросам прикладного творчества, проведение конкурсов по местным художественным промыслам, чтение популярных лекций по прикладному искусству⁷. Во время экспедиций исследователь собирал предметы старины и народного искусства, которые в последствии составили основу Кустарного отдела Губернского музея в Тюмени. Среди вещей были: старообрядческий сафран с позументами, шитые золотом кокошники, пояса гарусные, образцы кружева, тканые скатерти, традиционные тюменские ковры, деревянные ковши, чаши, игрушки, резные и расписные прялки, иконы, бураки с кистевой росписью, глиняная посуда и свистульки. Лучшие экспонаты в 1923 г. были вывезены в Москву и показаны на Всероссийской кустарной выставке, однако, согласно Книгам Поступления ТОКМ, они так и не были возвращены в Тюмень.

Формирование коллекции русского золотного шитья в фондах ГУК ТО «Музейный комплекс» (с 23.05.2008 г. — правопреемник ТОКМ и ТОМИИ) началось в 1920-е гг., когда в него поступили «кокошники» конца XIX в., украшенные золотым и серебряным шитьем. Возможно, они являются частью вышеперечисленной коллекции И.И. Овешкова. В узорах «кокошников» преобладают растительные мотивы. Подобные предметы есть и в коллекции ТГИАМЗ. Эти типы женских головных уборов, с аналогичными техникой изготовления, сюжетами вышивки, конструктивным построением, наиболее часто встречались вплоть до начала XX в. в Архангельской губернии⁸, что может говорить об их общих исторических и этнографических истоках. Известно, что старожильческие районы Тобольской губернии были заселены переселенцами из северорусских губерний. Относительная патриархальность в бытовом укладе крестьян-старообрядцев Зауралья сохранила традицию в женском художественном творчестве и костюме вплоть до начала XX в.

В настоящее время музейные коллекции золотного шитья представляют большой интерес как для специалистов-ученых, так и для широкой публики⁹. Талант и мастерство вышивальщиц в использовании волоченого (в виде тонкой проволоочки), пряденого золота и серебра, круглой и квадратной канители (проволочки, скрученной в виде плотной спирали, полый внутри), бити (тонкой

полоски металла) еще в X веке сформировали на Руси этот удивительный вид народного искусства.

Один из музейных предметов, предлагаемых в данном сообщении к научному анализу, — старообрядческий кокошник (праздничный женский головной убор). Датируется второй половиной XIX в. Бытовал в Ялуторовском уезде, Тобольской губернии. Поступил в фонды ТОКМ в 1925 г. Сдатчик неизвестен (предположительно Овешков И.И.). [Кокошник¹⁰]. Фоном для вышивки является коричневый бархат. Орнаментирован золотным шитьем «по карте», для большей выпуклости узора под нити подложена береста. Шитье выполнено серебряной пряженной нитью «вприкреп», т.е. металлическая нить плотными рядами проходит по бархату только с лицевой стороны, к основе пришита нитью прикрепа (шелком в тон серебра). В вышивке использован литой шов, дополнительно по контуру декорирован нитью, уложенной петельками, а также крашенной разноцветной фольгой. Для сохранения формы изделия бархат укреплен на рогожную основу. Композиция вышивки одночастная — в центре единичное антропоморфное изображение. Руки фигуры опущены вниз. Женский пол фигуры определяется по расширенной книзу «юбке» в виде треугольника со скругленными краями. Внутри «юбки» антропоморфное изображение повторяется в уменьшенном виде. Вся фигура пронизана растительными мотивами, напоминает чудесное дерево с многочисленными побегами-отростками. Изображение древа-женщины довольно условное, но оно тесно связано с идеей плодородия. Волнистая линия, проходящая под женской фигурой, указывает на связь персонажа с водной стихией, которая в данном случае буквально совпадает с лоном и чревом фигуры, выделенным крупным растительным орнаментом. Таким образом, женщина олицетворяет и земное, и водное начала. В славянской мифологии это — Богиня Мать Сыра Земля. В верхнем ярусе, строго по центру, над фигурой богини, изображено солнце. Следовательно, порождающее начало имеет связь с солнечной природой, а само божество соотносится со всеми сферами мира. В целом, рисунок отличается четкостью и плавностью. Орнаментальная композиция симметрична относительно вертикальной оси. Женская фигура и богатое по разработке стилизованное солнце являются основными мотивами вышивки. Рассматриваемый кокошник

относится к уникальным музейным предметам, в виду особо ценной семантической информации, которую он на себе содержит.

Как видно из анализа, народное орнаментальное золотное шитье при кажущейся свободе выражения¹¹ несет следы древнейшей культуры, а элементы, из которого оно складывалось, оказываются достаточно устойчивыми и мало изменяющимися во времени. Истоки его можно найти в древности, когда вышитые изображения были органичным элементом заклинательной магии и несли функцию оберега от злых сил. [Шамшура¹²].

В XIX — начале XX вв. своим искусным мастерством золотного шитья славились монахини Туринского Николаевского и Ивановского Иоанно-Введенского монастырей Тобольской епархии. И. Завалишин писал об этом: «Туринский женский монастырь известен своими золотошвейными работами, расхившимися далеко по Сибири и Приуралью. В нем воспитывались дочери купцов, мещан и чиновников»¹³. Монахини Туринского Николаевского монастыря занимались прядением ниток, ткачеством и окраской тканей, плели кружева, вышивали золотом, шелками, шерстью церковные принадлежности: покрыва, воздухи, пелены и плащаницы по бархату. Свои изделия они продавали на ярмарке в Ирбите, находившемся от Туринска в 60 верстах¹⁴. Рукоделие было значимой статьей доходов женских монастырей. В «Хронологическую опись древлехранилища Тобольского епархиального братства святого великомученика Дмитрия Солунского, для записи вещественных и письменных предметов древности с 1902 г.» внесены несколько видов изделий золотного шитья: «Кокошник, вышитый серебром, два покрывца темно-зеленого бархата, вышитых рыбьей чешуей (пайетками), и такой же воздух из Кармакской церкви. Два покрывца, шитые по малиновому бархату рыбьей чешуей из Богородице-Рождественской градо Тобольской церкви»¹⁵. Таким образом, эта опись дает общее представление о том, какого рода предметы вышивались при монастырях. [Покровец¹⁶].

Монахини шили, вышивали золотом и серебром архиерейские и церковные облачения, иконы. [Епитрахиль¹⁷]. Большинство из этих изделий изготовлено с ориентацией на красоту парчовых тканей восточного производства, создающих впечатление богатства Церкви. В качестве дополнения к вышивке облачений мастерицы использовали разноцветный бисер, стразы, натуральные

камни, стеклянные бусы. Так фелонь из коллекции музея, сшитая из темно-красного (багряного) бархата, декорирована не только золотной и серебряной нитью, но и бисером. [Фелонь¹⁸]. Фелонь входит в малое и полное священническое облачения, содержит основную христианскую символику. Багряный цвет облачений используется в церкви в период рождественского поста. На оборотной стороне анализируемого предмета (спина) между оплечьем, с возвышающимся задним верхним краем (как внешний образ духовного понятия «ярмо Христово», которое несет на себе каждый священник) и плечевой полосой пришита выполненная золотным шитьем высокого настила многофигурная композиция. Композиция заключена в квадрат — христианский символ космоса, и восьмиконечную лучистую звезду — символ Царства Небесного. По периметру квадрата пришиты пайетки. В основу композиции положен Библейский сюжет, состоящий из расположенных в холмистом ландшафте 5 фигур: 3-х сидящих ангелов, стоящих Иосифа и Девы Марии. Нимбы вокруг голов оформлены уложенной мелкими петельками золотной нитью. С помощью разнообразных способов прикрепа золотной нити вышивка воспроизводит фактуру тканей пяти изображенных фигур, перья крыльев ангелов, поверхность земли. Между фигурами Иосифа и Девы Марии зеленым бисером двух оттенков вышиты 2 изогнутые ветви ливанского кедра. Центральная верхняя часть композиции также отмечена зеленой ветвью.

Необходимые материалы для производства трудоемких в изготовлении и дорогостоящих золотных вышивок монастыри закупали в Ирбите. Иаонно-Введенский монастырь сотрудничал с торговым домом «И.Ивлев и Л.Виноградов» и магазином фабриканта Ионова в Москве. Один из заказов монастыря был таким: «Покорнейше прошу Торговый дом выслать без замедления 8-ми золотникового золота — 10 книжек, 9-ти золотникового золота — 20 книжек, 10-ти золотникового золота — 20 книжек, 11-ти золотникового золота — 5 книжек, 2 флакона жидкого золота — фурор по 35 коп., 2 флакона жидкого серебра по 35 коп., 1 пакет мыльного песку — 18 коп.»¹⁹. Монастырем велась активная переписка с заказчиками по продаже вышитой продукции, рукоделий и живописных икон²⁰. Монастырские работы продавались на Ирбитской ярмарке и в населенных пунктах, куда для сбора пожерт-

вований отправлялись монахини и послушницы²¹. В 1891 г. по итогам пребывания Его Высочества Наследника Цесаревича Николая в Сибирском листке было отмечено: «Высокому путешественнику была представлена игуменья женского Иоанно-Введенского монастыря Миропия, поднесшая Его Высочеству образ Почаевской Божией Матери, шитый золотом в мастерской монастыря, подушку, шитую шелками...»²². В 1903 г. высокого уровня исполнения работы мастериц Иоанно-Введенского монастыря были выставлены на Первой Всероссийской выставке монастырских работ в г. Москве по классу 3: «Работы золототканые и вышивальные». Среди работ имелись воздушы, вышитые шелками и подушка, вышитая бисером²³.

В собрании ГУК ТО «Музейный комплекс» имеется выдающееся произведение золотошвей Иоанно-Введенского монастыря, отличающееся особой выразительностью, — икона «Чесная глава святого Иоанна Предтечи». [Икона²⁴]. Иконнография предмета традиционна по построению, выразительный эффект в ней достигается за счет различных технических приемов вышивки по высокому настилу и использованных материалов. В верхнем правом углу средника композиции вышит христианский символ божества — треугольник (Троица, «всевидящее око»), из которого сквозь грозные облака в сторону головы святого исходят солнечные лучи. Отсеченная голова с густыми волосами и бородой размещена горизонтально, повернута налево, символизирует мученическую кончину и Божественный дар предвидения. Блюдо, на котором лежит голова, размещено на поверхности, покрытой тяжелой тканью (золотное шитье имитирует структуру и складки парчи), все это — параллель жертвенной чаши таинства Евхаристии (причащения). Кайма икона украшена золотным шитьем орнаментом стилизованно-растительного характера, изображение которого не несет символический смысл. Рассматриваемая икона относится нами к уникальным музейным предметам в виду изысканной техники исполнения декора.

В другом предмете из коллекции нашего музея — вышитой иконе «Всех скорбящих Радость» (с грошиками) — золотная нить выступает как дополнение к деталям композиции, выполненной в старинной технике лицевого шитья, аппликации шелком. [Икона²⁵]. Эта икона Божией Матери очень любима народом, была в

каждом домашнем иконостасе, обители, церкви. Богородица предстает на ней как величайшая покровительница, о чем говорят слова тропаря на празднование в честь этой иконы: «Помощнице еси обидимым, надеющихся надеяние, убогих заступница, печальных утешение, алчущих кормительница, нагих одеяние, больных исцеление, грешных спасение, христиан всех поможение и заступление»²⁶. История чудотворности иконы такова: в 1888 г. в деревянной часовне Санкт-Петербурга ее список пережил пожар, при этом сохранился с 12 медными монетами-«грошиками», прикипевшими к ее поверхности из разбитой кружки для подаваний, в последствии от иконы происходили исцеления от недугов, спасение от бедности, обретение сил и обычной земной радости.

Средневековое лицевое шитье в храмовых тканях всегда воспроизводило Библейские сюжеты, поэтому каймы изделий часто украшались тропарями, литургическими надписями, орнаментами²⁷. Икона, хранящаяся в фондах ГУК ТО «Музейный комплекс», так же состоит из традиционных для лицевого шитья составных частей: средника со святым христианским образом и каймы с геометрической орнаментикой, дополненной S-образными фигурами, украшенными бусинами, пайетками, стразами. На среднике вышиты «убогие люди» в ногах Богоматери, а она — окружена ангелами, призванными помогать униженным и оскорбленным. Орнаментальное изображение каймы по всему периметру содержит многочисленные ряды ромбов — раннеземледельческого культового знака плодородия, животворящей силы, утратившего свой древний языческий смысл и ставшего «добрым», охранительным знаком уже к XIV в.²⁸. Однако, знаки каймы нельзя рассматривать отдельно от изображения средника. Если на памятнике христианского искусства мы обнаружили древний культовый знак, то ему требуется дать совокупное языческое и христианское толкование. Исходя из этого, изображенные ромбы прочитываются нами как засеянное словом Божьим поле, которое даст ростки в вечную жизнь. А Дева Мария в данном контексте значения (икона), изображенная на среднике, стараниями мастерицы-вышивальщицы сочетает в себе образ не только Богородицы, но и Великой Матери всего сущего на земле, подательницы благоденствия (Богиня Мать Сыра Земля).

Музейная коллекция православного храмового текстиля, декорированного золотным шитьем, была сформирована в 1930-х гг.

из церковного имущества бывшей Благовещенской церкви г.Тюмени, экспонировалась в залах антирелигиозного музея, располагавшегося в здании этого храма (взорван в 1932 г.)²⁹. Согласно описи имущества Градо-Благовещенской церкви за 1929 г., произведенной Комиссией по приемке церковного имущества отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по просвещению, возможно установить перечень культовых тканей, содержащих золотное шитье: «Престолы и жертвенники, шелковые парчовые одеяния с полным комплектов воздухов и платков на сосуды (покрывцы), плащаница на бархате новейшей работы, пять шелковых занавес к царским врагам, 16 полных облачений — комплектов риз и стихарей. Кроме того, в сундуках кладовых на паперти хранятся 18 комплектов риз со стихарями, воздухов 2 дюжины, 5 верхних престольных одеяний, старая XVIII века плащаница на шелку...»³⁰. Впоследствии эта коллекция культовых тканей была передана в Окружной музей города Тюмени (с 1945 г. ТОКМ). В настоящее время она включает 343 предмета (облачения священнослужителей: фелони, епитрахили, ризы, поручи, митры; предметы церковной утвари: покрыва, воздухи, аналойники).

Таким образом, золотное шитье практиковалось в Тобольской губернии вплоть до начала XX века в крестьянских старообрядческих семьях и в мастерских при монастырях. Если первые изготавливали элементы русского традиционного костюма, содержащие архаический антропоморфный и травный орнамент, то вторые — ткани культового назначения, изображали христианскую символику и Библейские сюжеты, обусловленные каноническими и иконографическими рамками. Начало кардинальных социально-экономических преобразований в 1918—1929 гг. стало временем массового закрытия храмов, утраты влияния русской православной Церкви, национальных религиозных традиций на художественные производства, а также изменения в сторону унификации традиционного русского костюмного комплекса. В этот период в России и в Зауралье исчезли многие виды народного декоративного творчества, в т.ч. совершенно угасли монастырское и крестьянское золотное шитье.

Использование музейной коллекции в историческом исследовании позволило автору проиллюстрировать традиции Заура-

ля — как одного из центров русского золотошвейного искусства России, произвести анализ орнаментальных композиций бытового и храмового текстиля, выполненных в технике золотного шитья, обнаружить в них присутствие древних культовых знаков. Осуществленная паспортизация, корректировка атрибуции некоторых предметов (уточнение названия, датировки, мест производства, бытования, условий поступления), полное описание музейных предметов, дают возможность ввести эти шедевры народного искусства в широкий научный оборот.

Сокращения

ГУК ТО «Музейный комплекс» — Государственное учреждение культуры Тюменской области «Музейный комплекс».

ГУТО «ГА в г.Тобольске» — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске».

ГУТО ГАТО — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области».

ТГИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

ТОКМ КП ОФ — Тюменский областной краеведческий музей им. И.Я.Словцова, Книга Поступлений основного фонда.

ТОМИИ — Тюменский областной музей изобразительных искусств.

Приложение

<p>1.</p> 	<p>Лента. Русский девичий головной убор (старообрядцы). ТОКМ КП ОФ № 11466/7. Вторая половина XIX в. Автор неизвестен. Среднее Зауралье. Поступил в ТОКМ от Столяровой М.П. в 1996 г. Ткань бархатная, шелковая, хлопчатобумажная; шитье золотное. 6,5 × 146 (см). <i>Описание:</i> Праздничный девичий головной убор из малинового бархата, с открытым верхом и красными широкими лентами. Имеет форму короны. Узор стилизованно растительный, выполнен «вприкреп» литым швом.</p>
--	--

	<p><i>Сохранность:</i> потертости, пятна, выцветание. Общее загрязнение.</p> <p><i>Выставки:</i> «Мир русской женщины» Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, г.Ноябрьск. «Сказка ложь, да в ней намек...», ТОКМ, г.Тюмень.</p> <p><i>Публикации:</i> Творчество народов Тюменской области. — Москва, 1999.</p>
<p style="text-align: center;">2.</p> 	<p>Кокосник. Русский женский головной убор (старообрядцы). ТОКМ КП ОФ № 1740/3. Вторая половина XIX в. Автор неизвестен. Шатровская волость, Ялуторовский уезд, Тобольская губерния. Ткань бархатная, хлопчатобумажная; шитье золотное. 27 × 19 (см).</p> <p>Поступила в фонды ТОКМ в 1925 г. <i>Описание:</i> Шамшура орнаментирована золотным шитьем по всей поверхности антропоморфно-растительным орнаментом. Фоном для вышивки является коричневый бархат. С изнаночной стороны предмет на льняной ткани.</p> <p><i>Сохранность:</i> очелье не сохранилось, потертости, загрязнения, сечение ткани. Затылье укреплено реставрационной сеткой.</p> <p><i>Выставки:</i> «Реставрация: до и после», ТОКМ, г. Тюмень; «Мир женщины» Муниципальное учреждение культуры «Ишимский городской Историко-краеведческий музей». Тюменская обл., г. Ишим.</p> <p><i>Публикации:</i> Творчество народов Тюменской области. — Москва, 1999.</p>
<p style="text-align: center;">3.</p>	<p>Шамшура. Русский женский головной убор (старообрядцы). ТОКМ КП ОФ № 1740/1. Вторая половина XIX в. Автор неизвестен Среднее Зауралье. Из старых поступлений ТОКМ. Ткань шёлковая, хлопчатобумажная, нити золотные, блёстки; шитьё золотное. 12 × 20,5 × 17 (см)</p> <p><i>Описание:</i> Очелье из бело-голубой хлопчатобумажной ткани. На затылье по шелковому</p>

фону золотными нитями в технике настила выполнен растительный орнамент: цветы и листья. В центре композиции стилизованное солнце. Использовано несколько способов прикрепа золотных нитей, которые создают при этом разнообразные геометрические фигуры швов: литой шов, «городок» (зигзаг), «косой ряд».

Сохранность: утраты ткани, потертости, пятна, реставрация — утраты и сечения сдублированы на тонированную газовую ткань и укреплены газовой нитью швом «реставрационная сетка». Реставрация: Михайлова И.В. ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря. Общая очистка, укрепление разрывов и сечений, устранение деформации. 2000

Выставки: «Земля Тюменская» Государственный Исторический музей, г. Москва; «На великом сибирском пути», ТОКМ, г. Тюмень.

4.

Лестовка. Предмет старообрядческого культа.

ТОКМ ДВХ-1150.

Вторая половина XIX в.

Автор неизвестен.

Среднее Зауралье.

Из старых поступлений ТОКМ.

Ткань бархатная, нити золотные, кожа; шитье золотное, шитье ручное.

6 × 35 (см).

Описание: Лестовка — распространенный в обиходе старообрядцев тип четок. Употреблялась для облегчения подсчета молитв и поклонов. Представляет из себя кожаную ленту, сшитую в виде петли. На ленте имеется 150 ступеней-бобочков, эта дает основание идентифицировать предмет как «богородичную лестовку», имеющую позднее происхождение и сделанную по образу католического розария. В месте соединения концов ленты пришиты два окантованных треугольных «лапостка» из бархата малинового цвета. Лапостки имеют три вырезанных конца на нижних краях, украшены золотной вышивкой стилизованным растительным орнаментом.

Сохранность: загрязнения, потертости.

	<p><i>Публикации:</i> Творчество народов Тюменской области. — Москва, 1999.</p>
<p style="text-align: center;">5.</p> 	<p>Покровец малый «воздух». Предмет православного культа. ТОКМ КП ОФ 1402 Конец XIX — начало XX вв. Автор неизвестен. Тобольская губерния. Из старых поступлений ТОКМ (Поступил в 1932 г. из антирелигиозного музея г.Тюмени). Ткань бархатная, шелковая, хлопчатобумажная, золотая и серебряная нить, блески, золотая бахрома; шитье золотное. 53 × 53 (см). <i>Описание:</i> На покровце в форме креста, на лопастях по темно-синему фону вышиты способом «в прикреп по настилу» золотыми и серебряными нитями символы православной веры и страданий Христовых: 1) крест, виноградная лоза, инструменты, 2) крест, цветок, кувшин, розги, копыя, 3) крест, виноградная лоза, лестница и терновый венок, 4) крест, цветок, плетка и крылья ангела. Подкладка из розового шелка, по периметру пришта бахрома из золотных нитей. Покровец использовался священнослужителями в церковном таинстве Евхаристии (причащения) во время литургии. <i>Сохранность:</i> металлические нити окислены, на подкладке пятна, заломы на трех крестах, следы реставрации — разрывы на подкладке укреплены газовой тканью и нитями швом «реставрационная сетка», утраты на бархате замастикованы. Реставрация: Речкалова Ю.А. ТОКМ. Демонтаж, общая очистка, мастиковка утрат, дублирование разрывов и сечений, укрепление иглой. 2004. <i>Выставки:</i> «Земля Тюменская» Государственный Исторический музей, г. Москва; «Реставрация: до и после», ТОКМ, г. Тюмень. <i>Публикации:</i> Творчество народов Тюменской области. — Москва, 1999.</p>
<p style="text-align: center;">6.</p>	<p>Покровец малый «воздух». Предмет православного культа. ТОКМ КП ОФ 1402/1. Конец XIX — начало XX вв.</p>

Автор неизвестен.
Тобольская губерния.
Из старых поступлений ТОКМ (Поступил в 1932 г. из антирелигиозного музея г. Тюмени).

Ткань бархатная, шелковая, хлопчатобумажная, золотая и серебряная нить, блестки, золотая бахрома; шитье золотное, ручное, вышивка настилом гарусными нитями.

52 × 50 (см).

Описание: Выполнен в форме креста. Лицевая сторона из белого бархата. На поверхности гарусными нитями в красно-фиолетово-бордовой гамме вышит орнамент: пышные цветы с листьями. В технике вышивки по настилу золотными нитями вышиты высокие четырехконечные кресты. В центре золотными нитями вышит четырехконечный крест, заключенный в квадрат. По периметру покровца пришта бахрома из золотных нитей. Подкладка из розовой хлопчатобумажной ткани. Покровец использовался священнослужителями в церковном таинстве Евхаристии (причащения) во время литургии.

Сохранность: на бахроме обширные пятна окислов, на подкладке пятна, бархат загрязнен, пятна ржавчины, следы реставрации — сечения на подкладке укреплены газовыми нитями швом "реставрационная сетка". Реставрация: Речкалова Ю.А.ТОКМ. Демонтаж, общая очистка, выведение пятен, укрепление сечений, монтаж.

Выставки: «Земля Тюменская» Государственный Исторический музей, г. Москва.

7.

Епитрахиль. Предмет православного культового одеяния.

ТОКМ ОФ-1413/1

Вторая половина XIX в.

Автор неизвестен.

Тобольская губерния.

Из старых поступлений ТОКМ (Поступила в 1932 г. из антирелигиозного музея г. Тюмени).

Ткань бархатная, миткаль, нити золотные, нити серебряные, бумага; шитье золотное.

162 × 41 (см).

Описание: Епитрахиль — одежда, плотно обхватывающая шею сзади, а спереди —

	<p>свободно спускающаяся через грудь книзу. Епитрахиль входит в малое и полное священническое облачения. Выкроена в виде прямоугольной полосы темно-красного (багряного) бархата. В верхней части раздвигается, концы соединены кольцом, образуя вырез горловины. Поверхность епитрахили орнаментирована вышивкой золотными нитями «вприкреп» литым и др. швами. По центру друг под другом вышиты 3 знамения креста, 3 пары венков из цветов и листьев, перевязанных у основания, и ликов ангелов внутри венков. Лики олицетворяют таинства (священнодействия) Церкви, выполнены на бумаге типографским способом. По всему периметру епитрахили вышита полоса из выющихся побегов. К нижнему краю пришита бахрома из золотных нитей. Подклад из розового миткала.</p> <p><i>Сохранность:</i> бархат потерт, местами выцвел. На бахроме в центре нити окислены. Следы от воска. Утрачены четыре лика, подкладка отсутствует. На ликах утраты красочного слоя. На горловине отверстие. Реставрация — разрывы и сечения на бархате укреплены газовой тканью и нитями швом «реставрационная сетка».</p> <p><i>Выставки:</i> «Земля Тюменская» Государственный Исторический музей, г. Москва; «Реставрация: до и после», ТОКМ, г. Тюмень.</p> <p><i>Публикации:</i> Творчество народов Тюменской области. — Москва, 1999.</p>
<p style="text-align: center;">8.</p> 	<p>Фелонь. Предмет православного культового одеяния.</p> <p>ТОКМ ДВХ-2424.</p> <p>Вторая половина XIX в.</p> <p>Автор неизвестен.</p> <p>Тобольская губерния.</p> <p>Из старых поступлений ТОКМ (Поступила в 1932 г. из антирелигиозного музея г. Тюмени).</p> <p>Ткань бархатная, миткаль, нити золотные, серебряные, бумага, бисер; шитьё золотное. 145 × 150 (см).</p> <p><i>Описание:</i> Фелонь сшита из темно-красного (багряного) бархата. Имеет колоколообразную форму, без рукавов, с вырезом для голо-</p>

вы. Передний подол выкроен полукругом и namного короче заднего. Оплечье твердое и высокое. По всему полю вышивка золотными и серебряными нитями «вприкреп» по настилу. В вышивке использованы швы «клопчик» (шахматный рисунок), «косой ряд», «горюдок» (зигзаг), «ягодка» (ромбы), литой шов. Грудь и плечье пересекает полоса золотного шитья растительного орнамента. На спине над плечевой полосой пришита многофигурная композиция, заключенная в квадрат, и восьмиконечную лучистую звезду. По периметру квадрата пришиты пайетки. Лики, кисти рук и ступни фигур отпечатаны типографским способом и закреплены на ткань. Под плечевой полосой фелони вышиты четырехконечная звезда и квадрат, по всей ткани вышиты мелкие букеты цветов. По вороту и краям фелони закреплена ажурная тесьма из золотных нитей. Подклад предмета из розового миткаля.

Сохранность: многочисленные разрывы бархата спереди и на боках, разрыв у горловины спереди, 1 пуговица, разрывы тесьмы на горловине, мелкие отверстия внизу подклада, бархат потерт, местами выцвел. Тесьма из золотных нитей сильно деформирована. Общее сильное загрязнение, деформация. Бытовая реставрация — утраты бархата подшиты красной тканью, разрывы грубо зашиты. На спине серебряные нити отстают. Реставрация: разрывы и сечения укреплены газовой тканью и нитями швом «реставрационная сетка».

Выставки: «Реставрация: до и после», ТОКМ, г. Тюмень; «Земля Тюменская» Государственный Исторический музей, г. Москва.

9.

Чесная глава святого Иоанна Предтечи.
Икона.

ТОКМ КП ОФ № 1335.

Вторая половина XIX в.

Автор неизвестен.

Иоанно-Введенский монастырь, Тобольская губерния.

Из старых поступлений ТОКМ (Поступила в 1932 г. из антирелигиозного музея г. Тюмени).

Ткань льняная, золотные, серебряные, шел-

ковые, хлопчатобумажные нити, блестки, металлическая фольга, бить, канитель, бумага, дерево, металл; шитье золотное, вышивка «гладь».

33,3 × 27,3 × 2,5 (см).

Описание: Иконографический сюжет «Голова Иоанна Крестителя на блюде» выполнен в технике золотного шитья «вприкреп», использованы литой шов, «городок» (зигзаг), «косой ряд». Сюжет вышивки заключен в кайму, украшенную стразами, пайетками, золотным шитьем.

Сохранность: Утраты блесток, канители; обрывы и отставания нитей, биты; на ткани по краям разрывы; потертости; на фольге темные пятна, следы деформации. На металле пятна ржавчины. Золотные нити потемнели, на ткани следы ржавчины от гвоздей. Общее загрязнение.

Выставки: «Земля Тюменская» Государственный Исторический музей, г. Москва; «Сибирские реликвии в Московском Кремле» Федеральное государственное учреждение государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», г. Москва.

Публикации: Творчество народов Тюменской области. — Москва, 1999; Тюмень. Областной краеведческий музей / Сост. Исламова Д., Могилат Н.А., Симоненко Т.Г. // Сокровища России: Альманах. Вып. 9. — Санкт-Петербург. 1997.

10.

Всех скорбящих Радость (с грошиками).

Икона в деревянной резной раме.

ТОКМ КП ОФ № 1329.

Конец XIX — начало XX вв.

Автор неизвестен.

Россия.

Из старых поступлений ТОКМ (Поступила в 1941 г.).

Дерево, ткань, нити золотные, серебряные, хлопчатобумажные, бисер круглый заглушенный, круглый прозрачный цветной, рубленный заглушенный, стразы, пайетки, металл, гипс; шитьё ручное, аппликация, шитьё золотное, шитье лицевое, вышивка бисером, чеканка, столярная работа.

Икона: 38 × 43,5 × 0,7 (см);

рама: 49 × 45,5 × 3 (см).

Описание: Произведение состоит из основного изображения — средника и декорированной каймы. На бежевом шелковом фоне, по центру иконы представлена стоящая в рост, на черном подножии Богоматерь в бело-сине-оранжевых одеждах. За ее спиной видны чудесные растения на высоких стеблях. По сторонам от Богоматери — 2 группы скорбящих и жаждущих исцеления людей. Справа от Богоматери просматриваются 5 фигур людей и 2 ангела, слева — 3 фигуры людей и 2 ангела. Верхние ангелы указуют на Богоматерь. Лица фигур вышиты шелком, одежда — шелком, серебряными и золотными нитями, разными типами швов. Над фигурой Богородицы в серебристом облаке — Господь. Голова Богородицы наклонена влево. Слева и справа над Богородицей церковно-славянскими буквами вышита надпись: НАГИМ ОДЕЯНИЕ БОЛЬНЫМ ИСЦЕЛЕНИЕ. К иконе пришиты аверсом и реверсом 11 монет — «грошиков»: ½ копейки 1895, 1900, 1905 гг. По традициям лицевого шитья вся композиция заключена в кайму из шелка, украшенную стразами, пайетками, золотным шитьем.

Сохранность: Общее сильное загрязнение. Икона — на тыльной стороне доски вертикальная трещина. Легкая деформация ткани. На ткани на полях многочисленные сечения, потертости. Края аппликаций частично махрятся. Местами обрывы серебряных и золотных нитей. Металлические нити и монеты окислились. Мушинные засиды. Рама — многочисленные утраты, сколы и расслоение гипса. На резной поверхности мелкие трещины. В нижней части и на торце пятна воска. Одна монета утрачена (?).

¹ Архив Географического общества СССР, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 41, 41 об. // Цит. по: Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. — Новосибирск, 1989. С. 132.

² ТОКМ КП ОФ № 11466/7.

³ Швецова М. Поляки Змеиногорского округа. Западно-Сибирское отделение русского географического общества. Омск. 1899.

⁴ Фальк И.П. Записки, путешествия. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 5—6. — СПб., 1822—1824. С. 348.

- ⁵ ТОКМ ДВХ-1150.
- ⁶ Зобнин Ф. В Усть-Ницынской слободе Тюменского уезда Тобольской губернии. Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 143.
- ⁷ Сезёва Н.И. Неизвестные страницы художественной жизни Тюмени 1920-х годов. И.И.Овешков (1877—1942) — художник, педагог, общественный деятель // Сборник научных трудов Тюменского областного музея изобразительных искусств. — Тюмень, 2002 С. 57.
- ⁸ Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. — М.: Наука, 1978. С. 62.
- ⁹ Золотая нить России (шитьё, парча, костном, драгоценности XVI — XX веков). Выставка из собрания Государственного Исторического музея. — М., 1993.
- ¹⁰ ТОКМ КП ОФ № 1740.
- ¹¹ Маясова Н.А., Вишневская И.И. Русское художественное шитьё XIV — начала XVIII веков // Каталог выставки. — М., 1989. С. 83.
- ¹² ТОКМ КП ОФ № 1740/1.
- ¹³ Завалишин И. Описание Западной Сибири. — М.: Тип. Грачёва и Ко, т. 1—2. 862—1865. С. 229.
- ¹⁴ Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. — Тюмень, 1998. С. 446.
- ¹⁵ ГУТО «ГА в г. Тобольске» Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. Л. 8—15.
- ¹⁶ ТОКМ КП ОФ 1402.
- ¹⁷ ТОКМ КП ОФ 1413/1.
- ¹⁸ ТОКМ ДВХ-2424.
- ¹⁹ ГУТО «ГА в г. Тобольске» Ф. 197. Оп. 1. Д. 96. Л. 29—32.
- ²⁰ Там же. Л. 26—29.
- ²¹ Щербич С.Н. История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVIII — начале XX вв. Опыт социокультурного исследования. Автореферат диссертации... канд. ист. наук. Тюменский гос. ун-т. — Тюмень. 2001. С. 26.
- ²² Крылов А. Пребывание Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича в Тобольске // Сибирский листок 1890—1894 (из фондов ТГИАМЗ). Составитель В.Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень, 2003. С. 138.
- ²³ ГУТО «ГА в г. Тобольске» Ф. 197. Оп. 1. Д. 103. Л. 2—4.
- ²⁴ ТОКМ КП ОФ № 1335.
- ²⁵ ТОКМ КП ОФ № 1329.
- ²⁶ Молитвослов. — М., 2006. С. 442.
- ²⁷ Казарина В. Культурные знаки в народной вышивке // Народное творчество. 2007. № 4. С. 9—12.

²⁸ Стасов В.В. Русский народный вышитый орнамент // Шитье, ткани, кружево. — СПб., 1972, вып. 1.

²⁹ ГУТО ГАТО Ф. 5. Оп. 1. Д. 299. Л. 18.

³⁰ Никифорова Л.И. Формирование коллекции культовых тканей золотного шитья в фондах ТОКМ // Сборник тезисов научно-практической конференции «Словцовские чтения». — Тюмень, 1993. С. 30—31.

Кружинов В.М., Сокова З.Н.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Многие современные исследователи Тюменского края в процессе своей работы в той или иной степени прикасались к решению актуальной научной и политической проблемы — истории возникновения региональной многопартийности¹. Нельзя сказать, что эта тема не интересовала предшествовавшие поколения историков². Однако чуть ли не до конца 1980-х гг. их внимание фокусировалось на организациях большевистской партии и лишь эпизодически на ее оппонентах. Ярким примером такой апологетики можно считать изданные в уже далёком 1965 г. «Очерки истории партийной организации Тюменской области», в которых (сегодня это трудно представить) мы не встретим даже упоминания о кадетях, октябристах, Союзе русского народа и многих других партиях, имевших в Тюменском регионе свои структуры.

Разумеется, это не означает, что суждения и выводы исследователей той поры безнадежно устарели. Достаточно, например, отметить, что, несмотря на появление новых публикаций, никто из современных авторов так и не смог поколебать вывод предшественников о неразрывной связи процесса возникновения организаций политических партий в Тобольской губернии (как, впрочем, и в других регионах) с ходом капиталистической эволюции и нарастающей дифференциацией общественных настроений.

Исследователями 1960—1980-х гг. было установлено, что партии как политические объединения должны обладать определёнными внутренними признаками, которые отличают их от политических движений или протопартий. Обязательными элементами

любой партии считались наличие программы, устава, центрального руководящего органа, местных партийных организаций и средств мобилизации сторонников. Именно на этих сторонах проблемы в первую очередь и фокусировалось внимание историков.

Однако в ходе подготовки новейших научных исследований стало очевидно, что выработанные предшественниками критерии партии далеко не полны и даже расходятся с ее трактовкой в современном российском законодательстве, фиксирующем внимание на количественной информации о политическом объединении: общая численность членов должна превышать 50 тыс. человек, а половина региональных организаций должна насчитывать не менее 500 членов³.

В этих условиях перед историками встала задача создания новой системы оценочных характеристик, позволяющих анализировать партийную систему России или ее отдельных регионов с учетом определённых количественных показателей.

Как известно, первые подсчеты численности партий в России были осуществлены в 1970-е гг. Их общее итоговое количество с конца XIX в. до 1921 г. тогда определялось в 90—100 партий⁴. В последнее десятилетие этот список существенно расширился. По расчетам московского историка В.В.Кривенького, с 1882 г., когда в Польше появилась первая в Российской империи партия, до 1925 г. общая численность партий в стране составила 334—337 единиц, причём 259 из них (т.е. 77%) существовали до Февральской революции 1917 года⁵. Близкая цифра — около 300 партий, действовавших с конца XIX в. до 1925 г., фигурирует в последних обобщающих изданиях по истории российской многопартийности⁶.

Совершенно иная картина вырисовывается, когда речь заходит о региональных организациях политических партий, банк данных которых просто отсутствует. Такое положение даёт повод некоторым авторам оперировать количественными категориями «на глазок», высказывая буквально фантастические предположения о масштабах деятельности и численности организаций политических партий, существовавших в прошлом на территории современной Тюменской области. Так, по заявлению тюменского историка И.Л.Грошева, здесь «в 1905—1914 гг. действовали организации *всех* политических партий от проправительственных до революционно-демократически настроенных»⁷. Аналогичную картину

дореволюционной многопартийности в Тюменском крае предлагает другой тюменский историк А.Э.Волков, по словам которого, до 1914 г. «свою деятельность в нашем регионе пытались развернуть *почти все* политические партии»⁸.

Между тем, не составляет труда рассчитать (разумеется, при условии соответствующей подготовки), что при столь несурзных масштабах партийного строительства через различные партийные структуры Тобольской губернии к началу Первой мировой войны должны были «пройти» не менее 20—30 тыс. человек, т.е. половина численности всего трудоспособного городского населения края.

Кроме того, продолжает И.Л.Грошев, «под влияние партий сразу же попадали» профсоюзы, культурно-просветительские общества и другие общественные организации⁹. С учётом этого дополнения получается, что до 1914 г. активной политической деятельностью в Тобольской губернии занимались чуть ли не все жители Тюмени, Тобольска или Ишима, хотя, по расчётам специалистов, даже в 1917 г., когда российская многопартийность достигла своего пика, во всех партиях страны состояли всего около 1,2—1,5% населения России, а в 1905—1907 гг. — около 0,5 процента¹⁰.

Какими же в действительности являлись масштабы региональной многопартийности в дореволюционный период? К сожалению, ни в прошлом, ни в настоящем никто из исследователей не проводил таких расчётов. Однако общую картину составить можно. По предварительной оценке, до февраля 1917 г. в Тобольской губернии действовали (часто с перерывами) организации 12 политических партий и около 15 непартийных политических групп и кружков. Наиболее крупными и долговременными из партийных образований являлись группы социал-демократов и эсеров в Тюмени, Тобольске и Кургане, а также Тобольское отделение Союза русского народа. Кроме них, эпизодически проявляли себя кадетские и октябристские группы, близкая к октябристам организация Партии центра, отделение Союза Михаила Архангела и некоторые другие. Из непартийных политических объединений наибольшей активностью характеризовались леволиберальные Союз гражданской свободы в Тобольске и Семейно-педагогический (родительский) кружок в Тюмени, существовавшие в 1905—1906 годы. Однако ни на одном из отрезков дореволюционной истории общая численность всех политических орга-

низаций Тобольской губернии не превышала 300—400 человек, составляя, таким образом, не более 0,03—0,04% численности населения края.

Очевидно, что в этих условиях (даже без учета воздействия политического режима, преследовавшего любые проявления свободомыслия и тормозившего процесс партогенеза) партийные структуры региона, как правило, «варились в собственном соку», и говорить об их влиянии на общественные настроения можно только с известной долей условности.

Еще в 1920-е гг. было высказано предположение, что возникновение основ многопартийности в Тобольской губернии было непосредственно связано с образованием группы РСДРП в Тюмени. Последующие исследователи без возражений принимали данный тезис, удачно вписывавшийся в господствовавшее тогда представление об особой роли социал-демократии в политической истории страны, хотя полной ясности и тем более единства в определении времени и обстоятельств образования группы у них не было. Так, П.И.Рощевский в книге «Октябрь в Зауралье» относил это событие к концу 1904 — началу 1905 г.¹¹, в справочнике-путеводителе «Тюмень» — к началу 1905 г.¹², а во втором, исправленном издании этого же справочника — к 1904 г.¹³, дав, таким образом, три разных ответа на один и тот же вопрос.

С началом 1905 г. связывают образование социал-демократической группы в Тюмени Ц.Г.Гринберг, А.Б.Гамбаров, А.И.Шубина, Л.П.Рощевская и другие исследователи¹⁴. По мнению Д.И.Копылова (и поддержавшего его В.Ф.Ретунского), «разрозненные социал-демократические группы», существовавшие в городе на протяжении 1905 г., сложились в «единую организацию» (ее Д.И.Копылов и называет «Тюменской группой РСДРП») лишь в январе 1906 года¹⁵.

Рассмотрим эти версии, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении документы и материалы.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что все авторы, относящие образование социал-демократической группы в Тюмени к 1904 или началу 1905 г., по существу, игнорируют ссылки на исторические источники и чрезвычайно лаконичны. В их работах почти не говорится о практической деятельности группы, ее составе и обстоятельствах образования. Лишь из краткого замеча-

ния А.Б. Гамбарова можно заключить, что Тюменская социал-демократическая группа возникла «с помощью Екатеринбургского комитета РСДРП» и «в период подготовки к III съезду РСДРП [т.е. весной 1905 г. — Авт.] входила в число групп, объединяемых Средне-Уральским комитетом РСДРП»¹⁶.

Однако и А.Б. Гамбаров не приводит документальных материалов, подтверждающих эти заявления. Нет их и в сборнике документов «Революционное движение в Тобольской губернии (1905—1914)» (Тюмень, 1961), одним из редакторов и составителей которого был сам А.Б.Гамбаров.

Все это вынуждает с осторожностью относиться к тезису о возникновении социал-демократической группы в Тюмени в 1904 или в начале 1905 и подтолкнуло нас провести дополнительный анализ исторических источников. Обратимся к его результатам.

Во-первых, мы не располагаем архивными документами, свидетельствующими о существовании группы РСДРП в Тюмени как в 1904, так и в начале 1905 года. Встретить такие материалы не довелось и другим исследователям или архивным работникам, с которыми нам приходилось обсуждать данную проблему.

Во-вторых, о существовании Тюменской группы РСДРП в 1904 или в начале 1905 гг. ничего не говорится в воспоминаниях активных участников революционных выступлений в городе, которые, как никто другой, могли быть осведомлены в этом вопросе. Они или опускают этот сюжет, или, напротив, прямо указывают на отсутствие такой организации в то время. Так, по словам А.М.Баторгина (рабочий-водник, активный тюменский социал-демократ), даже в конце сентября 1905 г. «определенной партийной группы в Тюмени не было, и она сорганизовалась позднее»¹⁷.

В-третьих, нам не известен ни один документ, который, хотя бы косвенно, подтверждал вхождение тюменских социал-демократов в 1904 — начале 1905 гг. в число организаций, «объединяемых Средне-Уральским комитетом РСДРП». Тюменская социал-демократическая группа не значится ни в одном из указателей социал-демократических групп, действовавших в России и на Урале в 1904 — начале 1905 гг.¹⁸, а Средне-Уральский комитет РСДРП, о котором упоминает А.Б.Гамбаров, в то время просто не существовал.

Таким образом, версия о существовании социал-демократической группы в Тюмени в 1904 или начале 1905 г. не только находится в противоречии со всей совокупностью документального материала, но и вызывает сомнения с точки зрения достоверности тех немногочисленных деталей, которые при ее изложении сообщаются. Все это вместе взятое вынуждает нас отклонить ее и отнести интересующее нас событие к более позднему времени.

С другой стороны, нельзя согласиться с тезисом Д.И.Копылова о «разрозненных социал-демократических группах» (время их образования автор не указывает), будто бы имевшихся в городе на протяжении 1905 года. Причем в данном случае не ясен не столько вопрос о времени и обстоятельствах их возникновения, сколько сомнителен сам факт их существования, не подтверждающийся источниками.

Вероятно, Д.И.Копылов ошибочно принимает за «разрозненные социал-демократические группы» кружки оппозиционной режиму части городской интеллигенции, служащих, учащейся молодежи, рабочих, которые, действительно, имелись в то время в Тюмени. Члены этих кружков изучали нелегальную литературу, обсуждали острые вопросы русской жизни, участвовали в антиправительственных демонстрациях. Однако, участвуя в демократическом движении, они оставались беспартийными, в чем убеждает, последующую эволюцию их политических взглядов, характер изучаемой в кружках литературы и иные свидетельства.

Единственной группой, социал-демократический характер которой подтверждается документами, являлась группа, сведения о которой содержатся в воспоминаниях А.М.Баторгина. По его словам, членами этой группы являлись чиновник поземельно-устроительного отряда Г.Я.Назаров, ветеринар Л.С.Сумцов, домашняя учительница М.М.Захарченко¹⁹.

А.М.Баторгин не называет точной даты возникновения группы. Однако из содержащихся в его воспоминаниях сведений можно предположить, что это произошло в октябре 1905 года. С одной стороны, об этом свидетельствует уже приводимое нами замечание А.М.Баторгина об отсутствии в Тюмени социал-демократической группы в конце сентября 1905 г., а с другой — его же указание на то, что в октябре 1905 г. «была установлена

связь с Екатеринбургским комитетом РСДРП *образовавшейся* уже Тюменской группой РСДРП»²⁰.

В пользу такого предположения свидетельствуют и некоторые другие источники. Так, в статье «Заботы дня (отголоски)», опубликованной 1 ноября 1905 г. в тюменской «Сибирской торговой газете», рассказывалось о практической деятельности «организации рабочей партии» в Тюмени, которая, как подчеркивал автор, «уже образовалась». Из содержания корреспонденции можно заключить, что это событие произошло во второй половине октября 1905 г., т.е. вскоре после «высочайшего манифеста», объявившего в России недолгие «дни свободы». Отметим также что, стаж пребывания в большевистской партии одного из руководителей этой группы Г.Я.Назарова также исчислялся с октября 1905 года.

В конце октября—ноябре 1905 г. вместе с местными либералами тюменские социал-демократы участвовали в организации Клуба союза рабочих г. Тюмени — первого в Сибири рабочего клуба, некоторые члены которого (А.М.Баторгин, Т.В.Жданов, П.Я.Заливин, Я.В.Силин и др.) вскоре влились в состав группы.

В то же время следует иметь в виду, что осенью 1905 г. Тюменская группа РСДРП только начинала свою работу в рабочей среде. Поэтому среди одних категорий городских рабочих (водники) ее влияние было относительно устойчивым, среди других (железнодорожники, деревообделочники и др.) — не прослеживается, а выступления последних (в том числе продолжительная забастовка тюменских железнодорожников 8—23 декабря 1905 г.) проходили помимо социал-демократов. По-видимому, это обстоятельство и привело Д.И.Копылова к выводу об отсутствии социал-демократической организации в Тюмени в конце 1905 года.

Определенное влияние на содержание сделанных Д.И.Копыловым выводов оказал и круг использованных им источников, среди которых не оказалось, например, материалов периодической печати, воспоминаний А.М.Баторгина (после трагической гибели их автора во время «большого террора» они долгое время были недоступны исследователям), содержащих важные сведения по истории возникновения Тюменской группы РСДРП.

Не может служить аргументом в пользу позиции Д.И.Копылова и ее совпадение со сведениями, приводимыми в воспоминаниях еще одного тюменского социал-демократ тех лет М.Т.Мишина²¹.

Последнее связано не только с тем, что воспоминания М.Т.Мишина были написаны спустя 30 лет после описанных в них событий (и спустя 10 лет после публикации воспоминаний А.М.Баторгина), что само по себе уже немаловажно, сколько с тем, что сам М.Т.Мишин отсутствовал в Тюмени летом—осенью (до конца ноября) 1905 г. и не мог знать многих деталей, связанных с образованием Тюменской группы РСДРП или же был знаком с ними понаслышке. Поэтому в той части его воспоминаний, которая относится к периоду лета—осени 1905 г., содержится немало фактических неточностей и ошибок. Вполне возможно, что такую ошибку М.Т.Мишин допускает, датируя образование Тюменской группы РСДРП январем 1906 года.

Характерной чертой генезиса многопартийности в Тобольской губернии начала XX в., как и в России в целом, было ее становление в условиях фактического запрета на деятельность любых независимых от власти политических организаций. В такой обстановке возникновение и развитие партийных структур, как правило, протекало нелегально (исключением являлись, пожалуй, лишь организации консервативных партий) и в первую очередь охватывало ту часть политического спектра, которая отличалась безусловной оппозиционностью к власти. Как следствие, наиболее ярким выражением зарождавшейся многопартийности в регионе стала ведущая роль организаций социалистических партий, на примере одной из которых мы и попытались раскрыть некоторые существенные аспекты проблемы.

Примечания

¹ Кружинов В.М. Революционеры и реформаторы // Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994; Язынин А.Е. Правые монархисты в Тобольской губернии//Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформаций общества: опыт уходящего столетия. Ч. I. Омск, 2000; Волков А.Э. Деятельность революционных политических партий в Тобольской губернии в 1907—1914 годах//Словцовские чтения — 2002. Тюмень, 2002; Калинина А.В. Газетные публикации о Тобольском союзе гражданской свободы // Тюменский исторический сборник. Вып. V. Тюмень, 2002; она же. Источники по истории политических партий и организаций в Тобольской губернии (1905—февраль 1917 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006 и др.

² Гамбаров А. Революционное движение на территории Тюменской области в 1905—1914 годах // Революционное движение в Тобольской губернии (1905—1914): Сб. док. материалов. Тюмень, 1961; Копылов Д.И. Социал-демократические организации Тобольской губернии в 1905—1907 гг. // Уч. записки ТГПИ. Сб. 28. Вып. 5. Тюмень, 1966; он же. Борьба тюменских большевиков за восстановление нелегальной организации в годы нового революционного подъема // Из истории партийных организаций Западной Сибири. Омск, 1969; Кружинов В.М. О времени образования группы РСДРП в Тюмени // Революция 1905—1907 годов на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983 и др.

³ Для сравнения: перед Февральской революцией 1917 г. в России этим критериям соответствовала только одна партия — Союз русского народа.

⁴ Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 300—309; он же. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий в России. 1917—1922 гг. Ч. I. М., 1977. С. 8, 15, 16.

⁵ Кривенький В.В. Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформаций общества: опыт уходящего столетия. Ч. I. С. 12.

⁶ Политические партии России: История и современность. М., 2000. С. 9.

⁷ Грошев И.Л. Общественно-политическая жизнь Сибири начала XX века // Словцовские чтения — 2002. Тюмень, 2002. С. 77.

⁸ Волков А.Э. Деятельность революционных политических партий в Тобольской губернии в 1907—1914 годах // Там же. С. 78.

⁹ Грошев И.Л. Указ. соч. С. 78.

¹⁰ Политические партии России: История и современность. С. 10.

¹¹ Рощевский П.И. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959. С. 13—14.

¹² Он же. Ворота в Сибирь. Тюмень. Справочник-путеводитель. Свердловск, 1970. С. 17.

¹³ Он же. Ворота в Сибирь. Тюмень. Путеводитель-справочник. Изд. 2-е, испр. Свердловск, 1974. С. 13.

¹⁴ Гринберг Ц.Г. Революционное движение в Тобольской губернии (май—декабрь 1905 года). Тюмень, 1961. С. 15; Гамбаров А.Б. Социал-демократическая большевистская организация Тобольской губернии в 1905—1917 годы // Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965. С. 10; Шубина А.И. Тюмень // Советская ис-

торическая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. С. 622; Рощевская Л.П. Памятники и памятные места Тюменской области. Свердловск, 1980. С. 78 и др.

¹⁵ Копылов Д.И. Социал-демократические организации Тобольской губернии в 1905—1907 гг.//Ученые записки Тюменского государственного педагогического института. Сб. 28. Вып. 5. Тюмень, 1966. С. 164, 167; Ретунский В.Ф. Революционные выступления рабочих Тобольской губернии в 1905 г.//Революция 1905—1907 годов на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983. С. 33.

¹⁶ Гамбаров А.Б. Указ. соч. С. 10.

¹⁷ Баторгин А.М. Воспоминания о рабочем движении в г. Тюмени с 1905 по 1910 гг.//Красные вехи (Тюмень). 1924. № 21. С. 25.

¹⁸ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966. С. 5—53. Карта; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. Свердловск, 1971. С. 71 и др.

¹⁹ Баторгин А.М. Указ. соч. С. 27. По-видимому, А.М. Баторгин назвал лишь некоторых членов Тюменской группы РСДРП. Не исключено, что, кроме указанных им лиц, в группу входили еще несколько человек: В.Е. Назарова (жена Г.Я. Назарова), Заведующая одной из городских библиотек П.Я. Чеснокова и некоторые другие.

²⁰ Баторгин А.М. Указ. соч. С. 25, 27.

²¹ Мишин М.Т. Тюменская организация РСДРП в 1905—1917 гг.//Каторга и ссылка. 1934. № 4.

Курьшев И.В.

ПРЕСТУПНОСТЬ И БАНДИТИЗМ В ИШИМСКОМ УЕЗДЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Преступность, подобно зеркалу, отражает отрицательные черты социокультурного, бытового уклада жизни населения, характеризует состояние морально-правовой и нравственной деградации общества. Бурные социальные потрясения в России первой четверти XX в. (революция, мировая и гражданская войны) привели к невиданному ранее падению нравов и ожесточению общества, алкоголизации населения и всплеску преступности.

Сотни уголовных преступников, освобожденных из тюрем революционной стихией в марте 1917 г., солдаты-фронтовики, озлобленные тяготами мировой войны, беженцы, лишённые жилья и пропитания, деморализовавшиеся повстанцы, дезертиры, — все эти социальные группировки представляли собой благодатную

почву для появления различных форм преступности и бандитизма. В свою очередь, резкое ухудшение социально-экономического, материально-бытового состояния населения и его моральная деградация обусловили возрастание преступлений против личности, порядка управления, в том числе убийства и вооруженные грабежи имущества.

Весьма высокий уровень преступности, в особенности в начале 1921 г., в разгар повстанческого движения, был характерен для Ишимского уезда, однако признаки ухудшения криминогенной ситуации можно обнаружить здесь и ранее, скажем хулиганство, вооруженные грабежи и конокрадство во время первой российской революции, столыпинской аграрной реформы, первой мировой войны. В частности, «Тобольские епархиальные ведомости» в марте 1916 г. сообщали о жестокой мести священнику села Налобино Владимиру Донову. Этот священнослужитель на законном основании отказался венчать дочь крестьянина Г. Меркулова с отпущенным на побывку солдатом, не имевшим разрешения на брак. Раздраженный отказом Григорий Меркулов выхватил из рукава кинжал и нанес В.Донову две тяжелые раны в челюсть и спину¹.

1920—1922 годы, с их взрывом крестьянского недовольства продовольственной политикой Советской власти, повстанческим движением, всплеском уголовного и политического бандитизма, массовыми эпидемиями тифа и холеры, небывалым голодом, были особенно драматичным периодом для Приишимья.

В докладе секретного отдела ВЧК о повстанческом движении от 11 декабря 1920 г. следующим образом характеризовались происхождение и социально-классовая структура бандитизма: « В эпохе социального переустройства, когда один класс низвергается другим, когда хозяйственная жизнь временами деградирует, естественны явления бандитизма, хулиганства, повстанческие движения и пр. Вполне естественно и исторически неизбежно, что и в настоящий переходный период волны жестокой освободительной и всеочищающей гражданской войны образуют на поверхности Советской России накипь в виде бандитизма. Голод, продовольственные неурядицы, промышленная разруха, безтоварье, близость фронтов, дезертирство, подлая работа наших врагов, — вот почва, на которой бандитизм пустил свои корни»².

В качестве основных социальных группировок, составных элементов бандитизма определялись такие: 1) уголовно-разбойничий элемент; 2) белогвардейские офицеры, старочиновнополицейский элемент; 3) дезертиры (зеленоармейцы); 4) феодальная и родовая, патриархальная плутократия инородческих наций; 5) кулачество, казачество, сибирские чалдоны и вообще зажиточные крестьяне.

Заметим, что развитие преступности и бандитизма в первой половине 1920-х гг. в значительной мере предопределяли слабость региональных властных структур и политического режима, несогласованность, а нередко и разнонаправленность действий государственных учреждений еще не окрепшей Советской власти, а так же всевозможные злоупотребления ее представителей на местах. Так, в информационной сводке секретного отдела ВЧК по Тюменской губернии за 1—15 августа 1920 г. отмечалось, что основные причины недовольства Советской властью связаны с выполнением продрозверсток, трудовой и гужевой повинностей, причем, недовольство властью усугубляется несогласованностью действий советских органов, которые отличаются противоречивым характером. В связи с этим, например, бюро народных судей Ишимского уезда в декабре 1920 г. обращало внимание уездного ревкома на то, что «тормозом в работе по укреплению законности на основании декретов Советской республики часто являлись некоторые работники административной власти, не отвечающие своему назначению, которые забывали или не знали, что проводится централизация власти»³.

Более того, в Ишимском уезде довольно-таки остро проявились не только несогласованность и противоречия, но и неприкрытая, разгорающаяся вражда между отдельными ветвями власти (исполнительной — уездным ревкомом и судебной — народными судьями и следователями). В частности, на уездном съезде народных судей, следователей и членов коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон, проходившем 15—16 июля 1920 г., отмечалось, что народный суд 4 участка не мог развернуть полноценной деятельности в силу давления ревкома и народного судьи 1 участка. Это обстоятельство, в свою очередь, имело болезненные последствия при вынесении судебных приговоров.

Народный следователь 1 участка П.Ф.Герчес докладывал съезду, что с конца 1919 г. работал в качестве председателя уголовно-следственной комиссии при уездном революционном комитете, затем — народного следователя 1 участка. При исполнении обязанностей следователя постоянно испытывал давление ревкома, которое еще более усилилось после того, как стал вести следствие по делу о расстреле Чрезвычайной Комиссией нескольких лиц, содержащихся в доме лишения свободы, а затем, после расстрела, брошенных в реку Ишим; происходило нарушение законности со стороны власти. Причем, если следователь не подчинялся распоряжениям уездных властей относительно судопроизводства, то в отношении его применялись репрессивные меры. В частности, уездный ревком и его председатель Грюнберг всячески тормозили следствие в отношении продработника М.Лауриса, утверждая, что в данном случае с ним сводятся личные счеты. Позже, после того, как в Ишимском уезде вспыхнуло крестьянское восстание и в судебное разбирательство вынуждены были вмешаться центральные инстанции, Сибирское бюро ЦК РКП (б) и реввоен трибунал республики, по приговору судебной сессии Сибреввоен трибунала 1 марта 1921 г. он был расстрелян Ишимским политбюро (ЧК)⁴.

Вообще, наиболее напряженные отношения у местных судебно-следственных органов сложились именно с сотрудниками про довольственных органов, подталкивавшими своими преступными, незаконными действиями крестьян к открытому вооруженному протесту против Советской власти. В протоколе частного совещания народных судей и следователей Ишимского уезда от 18 марта 1921 г. подчеркивалось, что борьба с продработниками была особенно трудной, поскольку, пользуясь лозунгом про довольственной диктатуры, они совершали неопишуемые беззакония, а когда представители судебных органов на местах пытались пресечь их преступления, то сами оказывались арестованными⁵.

Народный судья 12 участка Сергеев еще ранее, например, указывал на то, что между судом и продработниками установились враждебные отношения, поскольку те самовольно, административным путем подвергают крестьян арестам. П.Ф.Герчес отмечал, что в Ишимском уезде со стороны отдельных должностных лиц,

например, гражданина Лауриса, совершаются произвол, насилия, должностные преступления⁶.

В прениях по этому же вопросу на съезде народных судей 5—6 сентября 1920 г. приводились многочисленные факты нарушений законности при осуществлении продразверстки, в том числе конфискации продуктов, скота по личному усмотрению сотрудников продовольственного комитета. В качестве примера приводился эпизод, когда один из продовольственных комиссаров Соколовского участка, войдя в дом и увидев крестьян, спокойно хлебавших молоко, только за это отправил их на принудительные работы⁷.

Начальник продовольственного отряда в деревне Смолянке Ситниковской волости под угрозой расстрела принуждал выдать хлеб граждан А.К.Борисова и Н.Ф.Бакустина, причем, с целью запугать стрелял в них из револьвера. Более того, одним из продработников был арестован член Ситниковской ячейки РКП (б), член волземотдела Косолапов, у которого реквизировали не только хлеб, но и имущество. Факты незаконной конфискации одежды, обуви, в которых в то время испытывался хронический недостаток (брюк, пимов и т.д.), производились сотрудником упродкома Гурминым в деревне Николаевке, селе Калмацком. За попытку противодействия Гурмину народный судья 12 участка Сергеев чуть было не поплатился арестом.

При выполнении заданий Тюменского губпродкома его сотрудники не останавливались перед применением самых крайних, репрессивных мер, причем, как раз в тех волостях, которые и без разверстки находились в очень тяжелом положении. При этом проявлялась преступная халатность в хранении политых кровью и потом хлебопродуктов. Например, на Маслянском ссыпном пункте свозимый хлеб плохо сортировался, сваливался прямо на землю, покрываясь лишь шкурами и рогожами, ввиду отсутствия на месте амбаров⁸.

Во время ревизии 8 сентября 1920 г. складов голышмановского приемо-сдаточного пункта, находившегося в ведении райпродкомиссара Бортникова, в амбарах находилось 47 туш скота, большей частью не пронумерованных и протухших. При этом комиссия наблюдала раздачу местному населению сбоя, в котором уже появились черви. Местные жители открыто возмущались преступной бесхозяйственностью, которая подрывала авторитет Советской

власти⁹. 1 октября 1920 г. на Бортникова было заведено уголовное дело по обвинению в преступлении по должности, самоснабжении и халатности.

Атмосферу правового беспредела, несомненно, усугубляли плохое состояние судебно-следственного аппарата, низкий культурный уровень, пьянство, служебные злоупотребления сотрудников Ишимской уездной милиции. На том же совещании народных судей и следователей 18 марта 1921 г. обращалось внимание на то, что в большинстве случаев качественный состав милиции слишком слаб в следственно-розыскной деятельности, некоторые милиционеры проявили полную профессиональную непригодность, вызвавшуюся в шкурнических проявлениях, наносивших ущерб интересам населения. Народными судьями отмечались факты пьянства, насилия и истязания сотрудниками милиции мирного населения, причем, эти преступления отягощались ложными обвинениями граждан с целью скрыть и оправдать свои преступления по должности¹⁰.

Наличие серьезных проблем в кадровом составе милиции признавали и уездные власти. Так, в докладе заведующего отделом управления от 4 декабря 1920 г. состояние уездной милиции характеризовалось как неудовлетворительное: «90%, безусловно, для исполнения обязанностей милиционеров не пригодны по своему культурному уровню развития, а также есть шкурники. Оздоровить состав очень трудно, за неимением кадра людей. В данное время милиция загружена разной работой, как по проведению продразверсток, так и трудовых повинностей, но за совершенным отсутствием как теплого, так и летнего обмундирования и обуви от нее нельзя ожидать никакой интенсивности, выполняя приказы, обмораживаются и болеют»¹¹.

На службу в милицию шли, как правило, выходцы из крестьянской бедноты, а также бывшие дезертиры колчаковской армии, что не могло не повлиять на их последующую деятельность. Начальник милиции 2 района, например, давал следующую характеристику социального происхождения своих же сотрудников: «Милиционеры в большинстве случаев — из местных беднейших крестьян, при Колчаке дезертировали по кустам, и многие из них тотчас при вступлении советских войск вступили в ряды милиции»¹².

Приказы и служебная переписка по управлению Ишимской уездной рабоче-крестьянской советской милиции свидетельствуют о том, насколько трудной являлась проблема нарушений законности внутри нее самой, выражавшаяся, в частности, в отказе гражданам содействия по пресечению преступлений, сокрытии уголовных преступников, пьянстве, спекуляции, незаконных обысках и прочем. Так, в приказе № 10 по управлению ишимской милиции от 30 июня 1920 г. отмечалось, что «милиционеры весьма плохо относятся к своим прямым обязанностям и заблуждаются в своих действиях. Кроме того, не пользуются почти никаким авторитетом среди населения, обратились в каких-то обывателей и разменялись на мелочь. На проступки обращают мало внимания, развели какое-то кумовство и т.п. и поощряют население в разного рода преступлениях. /Милиция/ зачастую сама принимает горячее участие в распитии самогонки»¹³.

Нередко на местах, особенно, в отдаленных волостях, отмечались дикий произвол и беззаконие со стороны руководящих партийных, советских работников и милиции. Показательна в этом смысле, например, жалоба жителя села Озернинского Н.А.Малова, направленная в Ишимский уголовный розыск. В ней он сообщал о том, что во время Февральского восстания старший милиционер волостной милиции Русак реквизировал у него 4 выделанные овчины, принадлежавшие родному брату, красноармейцу Григорию. Малов же, опасаясь ареста, не имел возможности обратиться в вышестоящую инстанцию, поскольку местная милиция, запугивая население, не допускала никаких жалоб¹⁴.

Насилия, реквизиции имущества, глумление, грубый произвол по отношению к поддержавшему повстанцев крестьянскому населению происходили также при подавлении очагов повстанческого движения в 1921 г. коммунистическими и чоновскими отрядами, красноармейскими частями. Так, отряд Мокрушина, оперировавший в Видуловской волости, без явных на то причин, жестоко избил крестьян села Михайловского. После того как всех избитых отправили в деревню Аксеново члены отряда пошли по крестьянским избам с самовольными обысками, насильственно реквизируя имущество, деньги и хлеб. После прокатившейся волны обысков, угрожая оружием, коммунары принуждали пострадавших Дмитрия и Игнатия Михалевич дать подписку о том, что их имущество во

время обыска осталось неприкосновенным. Заведующий Викуловским ветеринарно-врачебным участком А.В.Поздняков, будучи очевидцем этих событий, достоверно свидетельствовал, что члены отряда, из побуждений корысти, совершали налеты человек по 10 и просто присваивали себе то, что считали нужным¹⁵. Красноармейцы 29-го кавалерийского полка произвели незаконную конфискацию имущества, скота у крестьян села Малаховского¹⁶.

На упоминавшемся совещании народных судей и следователей 18 марта 1921 г. также указывалось на то, что некоторые должностные лица совершают множество преступлений, в том числе отбирают имущество у жителей для своих надобностей под видом борьбы с контрреволюцией и, оставаясь безнаказанными, терроризируют население, вызывая в нем чувство негодования; огромное количество потерпевших, опасаясь еще большего насилия, не жалуются на незаконные действия сельских и волостных властей¹⁷.

Особую тревогу у делегатов совещания вызывало то обстоятельство, что воинскими частями, коммунистическими ячейками и отрядами без суда и следствия производились расстрелы лиц, заподозренных в бандитизме, на местах систематически совершались убийства участников восстания, зачастую сводились личные счеты. Так, народный следователь одного из наиболее неблагополучных по уровню преступности 4 участка Таскаев докладывал 23 декабря 1921 г. в Ишимское уездное бюро юстиции о расстреле красноармейцами эскадрона Трушникова 5 крестьян деревни Гомзино, И.Лиханова, П.Бульдаева, И.Кизерова, Т.Семухина и Б.Панфилова. Указывая на то, что действия воинских отрядов, расквартированных в южном районе Ишимского уезда, недопустимы, он считал, что «самосуд ... только разжигает страсть и увеличивает наших врагов»¹⁸.

Следует отметить, что жестокое подавление восстания, репрессии по отношению к повстанцам во многом были обусловлены чувством мести, проистекали из самого хода крестьянского восстания 1921 г. в Ишимском уезде, характерными чертами которого являлись ярко выраженное деструктивное поведение, лютая ненависть, изощренный террор мятежников по отношению к коммунистам, продовольственным работникам, милиционерам, членам волисполкомов.

В феврале 1921 г. повстанцы, например, подвергли кровавому погрому коммуны «Заря», созданную вскоре после освобождения этого района 30-й дивизией РККА от остатков колчаковской армии. По воспоминаниям очевидца тех событий, жителя села Дубынки Н.Я.Швецова, «словно саранча накинута на хозяйство коммуны. И пришлые, и местные стали делить добычу, тянули в разные концы одежду, обувь, хлеб со складов, плуги. Те, что были посильнее и посмелее, хватили лошадей, коров, овец. /.../ Восставшие всячески издевались над коммунарами, не щадили никого, ни старого, ни малого, ни детей, ни женщин... Даже население Дубынки стало выражать карателям свое возмущение. Тогда мятежники решили устроить коммунарам публичную казнь. Они согнали на площадь все население Дубынки и вывели оставшихся в живых коммунаров. /.../ Отец Клавдий, священник дубынской церкви, крикнул: «Распятъ антихристов!» Из толпы мужиков выскочил Василий Ковалев и ударом костыля сбил с ног своего сына. К осужденным подбежал Устин Заполев: «Получай, хриstopродавка!», — полуобезумевший, с топором, кинулся к своей дочери. Отходя от бездыханного трупа дочери, он с вызовом крикнул восставшим: «Теперь добивайте!»

В слепой ненависти, решив покончить с легендарной коммуной «Заря», повстанцы зверски убили 144 коммунара, причем, тела обреченных жертв, перемежеванные с рядами бревен, были ими сожжены. Страшный костер, словно кровью, обогрил февральское небо. Выражая всю ненависть зажиточного крестьянства к коммуне, коллективной хозяйственной собственности, поп Клавдий наставлял верующих: «Господь велел не только антихристово спелое семя, но и его зародыш огню предавать». Повстанческим штабом был издан приказ, который предписывал оставлять в живых только маленьких детей до двух лет, а всех остальных членов коммуны безжалостно уничтожать.

Под влиянием ухудшения экономического положения в годы нэпа значительной части сельских коммунистов и советских работников, голода, стремления свести личные счета, в уезде стихийно совершались вооруженные грабежи и кражи, в большинстве своем должностными лицами и членами РКП(б). Так, в начале 1922 г. народные судьи обращали внимание уездного бюро юстиции на то, что со стороны советских учреждений в лице исполко-

мов совершались самосуды, несанкционированные расправы и убийства. Например, в Рынковской волости по указанию председателя волисполкома Здорнова был расстрелян неизвестный мальчик 15 лет, имевший до расстрела при себе несколько миллионов рублей денег¹⁹. В ходе следствия в отношении Здорнова было получено множество достоверных материалов по обвинению его в хищениях, самовольных конфискациях, хранении печати, шкурничестве, агитации против уплаты продовольственного налога.

4 июля 1922 года по обвинительному материалу народного следователя 3-го участка было заведено уголовное дело №74 в отношении председателя голышмановского волисполкома Г.Афанасьева, начальника милиции 3 района Ишимской уездной милиции Н.Казанцева, помощника начальника милиции 3 района И.Тюменцева и других. В качестве обвинения им инкриминировались должностные преступления, превышение власти, самочинные аресты, убийство, конфискации и поджоги²⁰.

По этому же поводу народный следователь 4 участка (Петуховская волость) 17 мая 1922 года отмечал следующее: «За последние три месяца большая часть работы мною уделялась на борьбу с принявшими стихийный характер грабежами и вооруженными кражами, так как в большинстве грабежей и краж участвовали должностные лица и члены РКП, приходилось принимать самые крайние меры, иногда отступая от буквы закона, пресекать в корне развивающийся бандитизм. Возложить эту работу на милицию, за ее малочисленностью, возможным не представлялось. ... Население в связи с беспощадной ликвидацией грабежей вздохнуло свободнее и, кроме благодарности за борьбу, мы ничего не видим. Немалый тормоз в работе создают некоторые партийные организации, главным образом, сельщайки, которые в связи с арестом замешанных в кражах членов РКП комбинируют всевозможные кляузы, содействуют сокрытию следов преступления и зачастую содействуют преступникам скрыться от следствия и суда (пример: Долговская, Каменская волости)»²¹.

Криминогенная ситуация существенно усложнялась длительным существованием после подавления массового повстанческого движения мелких уголовно-грабительских шайк, совершавших налеты на сельские поселения вплоть до 1924 года. Уголовно-бандитские элементы продолжали совершать внезапные налеты с

целью совершения жестоких убийств местных коммунистов, советских работников и членов их семей, сотрудников милиции, грабежей имущества. Так, 8 ноября 1921 года отрядом, которым ранее, до своей гибели в конце августа, командовал П.Шевченко, было ограблено Кротовское почтовое отделение, похищено денег около 300000 рублей²².

В деревню Берендеево Тушнолобовской волости в ночь на 21 декабря 1921 г. приехали бандиты и, взломав двери, ворвались в дом М.И.Болдырева, подозревая, что он партийный. Банда реквизировала имущество из сундуков, лошадей, около 10 пудов хлеба²³.

Количество краж и убийств особенно увеличилось в первой половине 1922 года ввиду сильного голода. На юге Ишимского уезда на почве голода бродили мелкие уголовно-грабительские шайки²⁴. По данным разведсводки ЧОН от 24 марта 1922 года, в северной части уезда скрывалось более 20 бандитов, расколовшихся на 4 группы и бродивших по лесам. Им так и не удалось воплотить в действительность цель по соединению всех группировок в одну из-за отсутствия опытного командира-организатора. В частности, 8 марта этого года одна из банд вступила в перестрелку со взводом ЧОН в деревне Лапушино, далее продвинулась в деревню Желнино (8 верст севернее Готопутово), где совершила убийство милиционера, после чего скрылась по направлению деревни Жидоусово (10 верст севернее села Большое Сорокино)²⁵.

В приказе по Ишимской группе ЧОН от 13 марта 1922 г., вышедшем в с.Готопутово, по этому поводу указывалось следующее: «Остатки бандитов от разрозненной банды Шевченко и других главарей в период августа месяца 1921 г., скрывающиеся в районах Б.-Сорокинское, Готопутовское, Каргалинское и Вознесенское, 3 марта начали вылезать из своих нор, точно кроты почуяв весну. Производя группировку в количестве 12 человек в районе Б.-Сорокинской и 14 человек — Каргалинской волостях, проявили активное посягательство на Советскую власть, делая попытки мобилизации крестьян, попутно с этим производили насильственные грабежи, убийства местных коммунаров и их семей, не исключая пассивного населения данной местности, и когда упомянутые шайки бандитов были окружены действующими ЧОН, все-таки они продолжали неоднократно производить упор-

ные перестрелки, чувствуя себя сильными, надеясь, как и ранее в случае неустойки, на укрывательство местным населением»²⁶.

В результате сильного неурожая население голодало, в некоторых волостях употребляя в пищу мох и кору, что, в свою очередь, способствовало росту воровства и краж, а также враждебному отношению к Советской власти. Так, за июль 1922 года по Ишимскому уезду фиксировалось 260 краж (из них крупных — 50, без взлома — 33, остальные — мелкие), 7 убийств, самоубийства на почве голода, 5 преступлений по должности, случаев взяточничества — 5, подделки документов — 4, голодной смерти в г.Ишиме — 17²⁷. В отдаленных волостях крестьяне в целях обуздания воровства, конокрадства вынуждены были прибегнуть к самосудам в силу попустительства и прямых злоупотреблений милиции.

В некоторых районах уголовно-грабительские шайки продолжали действовать и в течение 1923 года. Так, по данным оперативной сводки от 12 июля 1923 г., составленной разведкой ЧОН, вооруженная банда из 6 человек, в которую входили дезертиры и бежавший из тюрьмы конокрад, курсировала в районе Малышенской, Евсинской и Аромашевской волостей²⁸. В окрестностях Кротовской, Вознесенской и Больше-Сорокинской волостей с 1 августа по 1 сентября этого же года действовала банда Семена Чечулина, грабившая местное население. Местное население с презрением относилось к этим бандитам, потому они довольно быстро были выловлены чиновцами²⁹.

Особенной остротой отличалась криминогенная ситуация в приграничных с Киргизским краем (Казахской АССР) районах, например, 4-м, где процветали вооруженные грабежи, мародерство со стороны местных властей, кражи лошадей и скота, совершавшиеся, как правило, группами казахов. Уездные правоохранительные органы во многом были бессильны бороться с этим злом, прежде всего в силу отсутствия необходимого оперативного взаимодействия между региональными властями двух различных административно-территориальных субъектов.

«Что же касается замеченных в краже киргиз принятого мной участка, — сообщал 2 октября 1922 года народный следователь 4 района Ишимского уезда, — то такие из-под стражи все отпущены и в настоящее время находятся в Петропавловском уезде,

где об аресте последних неоднократно писали отношения, но это остается лишь на бумаге, а также видны некоторые увертки местных властей и бездействие милиции, которая идет открыто навстречу преступлениям...»³⁰.

Размышляя о мотивах столь частых в начале 1920-х гг. злоупотреблений, «Известия рабоче-крестьянской инспекции» писали: «Трудовые массы, стихийно вступившие на путь реквизиций и конфискации, долго еще будут бродить в смутных понятиях о собственности. Голод годов войны и жившая всегда в русском народе бессознательная острая жажда социальной справедливости породили бичующий гнев против частной собственности богачей, но новые понятия о собственности общественной, а с новыми понятиями и новые нравственные высшие нормы, приходят и придут не сразу. И в этом процессе разрушения старых норм резко выделилась наряду с созданием новых, тенденция личного обогащения за счет общества, вопреки интересам общества»³¹.

Постепенно, в связи со стабилизацией деятельности уголовно-административного аппарата и укреплением Советской власти на местах, особенно во второй половине 1920-х гг. развитие преступности приостановилось, особенно в таких формах как конокрадство, уголовный бандитизм, преступления против порядка управления, однако при этом наблюдался рост хулиганства, поджогов, самогоноварения, имущественных и должностных преступлений, самовольных порубок леса, а также изнасилований женщин со стороны молодежи³². Довольно высоким до конца 1920-х гг. оставалось и количество убийств. Так, в отчете о состоянии ишимского городского отделения и административных отделов милиции за июль-ноябрь 1926 года, например, среди преступлений против личности фиксировалось 65 убийств, половых преступлений — 71³³.

В наибольшей степени в Ишимском округе в 1927—1928 гг. были распространены такие виды преступлений, как хулиганство, присвоение и растрата, нарушения трудового законодательства, нанесение телесных повреждений, оскорбление и клевета³⁴. Дальнейшее снижение темпов преступности происходит в связи прекращением новой экономической политики, утверждением колхозного строя и, главное, тотальным усилением в СССР к середине 1930-х гг. государственно-репрессивного аппарата.

Примечания

¹ Тобольские епархиальные ведомости.— 1916.— № 10.— 8 марта.— С. 165.

² Цит. по: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т./ Т.1. 1918—1922 гг./ Под ред. А.Береловича, В.Данилова. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 363—364.

³ ГУТО ГА в г. Ишиме, ф.155, оп.1, д.4, л.42.

⁴ Шишкин В.И. Ишимский судебный процесс (22—28 февраля 1921 г.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905—1921 гг.). Сб. научных статей. — Ишим: изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. С. 233, 234, 247, 248.

⁵ ГУТО ГА в г.Ишиме, ф.80, оп.1, д.13, л.4 об.

⁶ Там же, ф.155, оп.1, д.1, л.14,16 об.,17.

⁷ Там же, л.30.

⁸ Там же, ф.2, оп.1, д.114, л.7.

⁹ Там же, ф.103 с, оп.1, д.1, л.1—1об.

¹⁰ Там же, ф.80, оп.1, д.13, л.5 об.

¹¹ Там же, ф.18, оп.1, д.56, л.49.

¹² Там же, д.19, л.3.

¹³ Там же, д.26, л.162.

¹⁴ Там же, д.147, л.18—19.

¹⁵ Там же, ф.18 сч., оп.4, д.4, л.1—2 об.

¹⁶ Там же, д.5, л.32.

¹⁷ Там же, ф.80, оп.1, д.13, л.4 об.

¹⁸ Там же, д.15, л.3 об.

¹⁹ Там же, л.34, 48 об.

²⁰ Там же, л.76 об.

²¹ Там же, л.53—53 об.

²² Там же, ф.18, оп.1, д.150, л.23.

²³ Там же, л.22.

²⁴ Там же, ф.755, оп.1, д.4, л.79.

²⁵ Там же, д.34, л.7.

²⁶ Там же, д.2, л.8.

²⁷ Там же, ф.2, оп.1, д.133, л.183.

²⁸ Там же, ф.755, оп.1, д.35, л.92 об., 94.

²⁹ Там же, л.119.

³⁰ Там же, ф.80, оп.1, д.27, л.35 об.

³¹ Известия рабоче-крестьянской инспекции (Москва). — №5—6. — 1920. С. 6.

³² ГА в г.Ишиме, ф.140, оп.1, д.12, л.1, 23; д.155, л.10.

³³ Там же, д.155, л.10.

³⁴ Там же, д.138, л.23.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ ТОБОЛЬСКОГО ОКРУГА В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Переход к новой экономической политике, продналогу и свободной торговле должен был явиться предпосылкой возрождения сельскохозяйственной кооперации.

Однако весь период нэпа развитие сельскохозяйственной кооперации определялось влиянием противоречивых тенденций в политическом курсе и хозяйственной практике. Это объяснялось, во-первых, теоретическими разногласиями, как в партии, так и в среде экономистов по поводу места и роли кооперации в переходной экономике, во-вторых, тяжелым экономическим положением страны, необходимостью восстановления разрушенного народного хозяйства, в-третьих, отсутствием практического опыта кооперативного строительства в условиях планомерного ведения хозяйства¹.

Внутренне противоречива была и политика в области регулирования социального состава сельскохозяйственной кооперации. Финансовое положение сельскохозяйственной кооперации было не устойчиво, основной внутренней причиной чего являлось отсутствие свободных средств. Впервые годы нэпа в разоренной деревне пополнить кооперативные капиталы за счет паевых и вступительных взносов могли лишь кулаки. Беднота же, из-за нехватки средств, слабо вовлекалась в кооперацию. В связи с этим, в 1925 году октябрьский Пленум ЦК РКП (б) наметил ряд мер по облегчению доступа бедняков в кооперативы (льготные условия внесения взносов и пая, создание специальных фондов кооперирования бедноты, расширение и облегчение кредита). За 1926—1927 гг. из госбюджета на вовлечение бедноты в кооперацию было ассигновано 4 млн. руб.².

В 1928 г. число сельскохозяйственных кооперативов достигло 107 тыс., в 1929 — 165 тыс. В них за два года вступило около 6—7 млн. хозяйств. Общее количество кооперированных хозяйств увеличилось от 30 до 55 — 60%. Качественные изменения проис-

ходили в самом характере кооперативного строительства, выразившиеся в переходе от кооперирования крестьян в сфере обращения к кооперированию в сфере производства. Важнейшей социальной предпосылкой начавшегося перехода от кооперирования товарооборота к кооперированию производства было усиление бедняцкой прослойки в кооперации и вытеснение кулачества³.

Тобольский округ по размерам кооперирования отставал, как от других округов Уральской области, так и от средней нормы кооперирования по всему СССР в целом. Причинами этой отсталости являлись с одной стороны громадность территории, редкое население и прочие неудобства, связанные с географическим фактором, с другой же стороны, слабое развитие в округе сельского хозяйства и натуральный потребительский его характер.

На 1 октября 1928 г. социальный состав населения Тобольского округа и участников групп в кооперации был примерно следующим:

Таблица 1

Название групп	Признаки группы	% отношение к общему числу хозяйств	% отношение кооперируемых хозяйств
<i>Бедняки</i>	Безлошадные — с 1 лошадыю Бескоровные — с 1 коровой Без посевные — с 1 десятиной	35	50.2
<i>Середняки</i>	2—4 лошади, 2—4 коровы, от 2 до 4 десятин посева	48	47
<i>Зажиточные</i>	Имеющие более 4-х лошадей, 4-х коров и посева свыше 4 десятин	17	2.8

* ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 140. Оп. 1. Д. 124. Л. 5.

Исходя из представленных данных, в кооперации Тобольского округа участвовали 3 социальные группы населения. Из них, большую часть в кооперируемых хозяйствах составляли бедняки и середняки, но был и не большой процент зажиточного населения.

Поэтому в перспективном пятилетнем плане развития сельскохозяйственной кооперации по Тобольскому округу, принятому на 1928—1933 гг., отмечалось, что ближайшей задачей кооперации являлось объединение и коллективизация менее мощных групп крестьянства, т.е. его бедняцкой и середняцкой части. Причем с охватом этих групп на 100%⁴.

Для этого в Тобольском округе только в 1927—1928 гг. начали переводиться отчисления в образовавшиеся специальные фонды для кооперирования бедноты⁵.

На протяжении 1927—1930 гг. содержание фонда увеличилось в 2 раза: в том числе в с/х кредитных товариществах 1,8 раза. В 1929—1930 гг. вновь были образованы такие виды кооперативов как колхозы и Кредсельсоюз, включенные в общий список фонда⁶.

Другим, весьма важным и необходимым для обслуживания бедняцких и середняцких хозяйств мероприятием, было создание специального фонда для кредитования этих хозяйств, который давал возможность отпускать им кредиты на более долгий срок и на более льготных условиях⁷. Для образования означенного фонда существовали такие источники:

Таблица 2

Источники	Сумма, выделяемая в течение пяти лет (тыс. руб.)
Низовая сеть	5
Союз	10
Из средств местного бюджета	35
Из областного бедняцкого фонда	150
Всего	200

* ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 140. Оп. 1. Д. 124. Л. 7.

Фонд с таким активом давал возможность обслужить кредитом на льготных условиях наиболее нуждающиеся хозяйства Тобольского округа, что способствовало вовлечению их в кооперацию⁸.

Еще одним острым вопросом в деле кооперирования населения было вовлечение женщин в кооперацию. 2—7 декабря 1921 г. Резолюция Всероссийского земельного съезда о сельскохозяйственной кооперации гласила: «... кооперация, как чрезвычайно широкая массовая организационная форма, имеющая в основе своей принцип свободного объединения и требующая в то же

время специальных навыков и познаний, может быть осуществлена лишь с привлечением всех наличных в стране сил. Кадры деятелей кооперации должны быть всемерно использованы. Съезд, в частности, обращает особое внимание на необходимость широкого привлечения к сельскохозяйственной кооперации крестьянок»⁹.

Однако, в Тобольском округе, в связи с проведением Кредсельсоюзом работ преимущественно организационного общего характера и занятиями, направленными на укрепление своей финансовой базы, до 1927 г. вопросам кооперативного строительства более специального характера, а в том числе и кооперативной работе среди женщин, уделять достаточного внимания не удавалось.

Но в 1927 г., когда финансовое положение Союза и его низовой сети достаточно окрепло, в пятилетний план организационной деятельности была введена и работа среди женщин¹⁰.

Все женщины, стоящие во главе хозяйства, вовлекались членами в сельскохозяйственные кредитные товарищества, при этом, число женщин должно было составлять к концу пятилетки до 5% общего числа членов. Также, широко привлечение женщин осуществлялось в маслодельные артели и в птицеводные, огородные товарищества, так как, эти отрасли хозяйства, обслуживаются преимущественно женским трудом. Среди женщин выявляли актив и инструктировали его по вопросам кооперативной работы.

В каждом кооперативе вели учет участия женщин в кооперативной работе, как в отношении числа участниц, так и в части практических результатов их деятельности в кооперации¹¹.

На 1 октября 1927 г. количество женщин в Тобольской маслодельной артели составляло 9 человек из 88 всех членов артели, а на 1 октября 1928 г. их уже было 13 человек из 89 членов артелей, что превышало показатели предыдущего года¹². Хотя количество всех членов артели увеличилось только на одного человека. Также женщины были вовлечены в маслодельные артели Байкаловского района — 55 человек, Чернаковского района — 10 человек и Дубровного района — 14 человек. В итоге, по маслодельным артелям Тобольского округа на 1 октября 1928 г. количество женщин составляло 92 человека, что превышало 5% от общего числа членов¹³.

Однако, не смотря на положительные результаты от проведенных мероприятий, в Тобольском округе, как и в целом по стране сельскохозяйственная кооперация не получила ожидаемого развития. Обнищание основной массы крестьянства и ставка на бедняцко-средняцкие слои не позволяли быстро накопить значительный собственный паевой капитал. Льготная же политика государства по кооперированию бедноты явилась одним из факторов слабой связи членов с товариществом, малой их заинтересованности в результатах кооперативной деятельности.

Перед сельскохозяйственной кооперацией государство поставило фактически невыполнимую задачу. С одной стороны, для обеспечения экономической самодостаточности системы необходимо было вовлечь в кооперативы наиболее состоятельные слои деревни (а их к концу нэпа становилось все меньше), с другой стороны — привлечь в кооперацию беднейшие слои крестьянства и выделить материальные и денежные ресурсы для восстановления их хозяйства. Несколько лет кооперативная система государства пыталась решить эту задачу, до тех пор, пока не был выбран другой путь решения проблемы модернизации аграрного сектора страны.

Примечания

¹ Серова Е.В. Сельскохозяйственная кооперация в СССР. М., 1991. С. 68.

² Карпов А. Кооперативный строй // Известия, 1924. 2 ноября. № 44. С. 93.

³ Билимович А.Д. Кооперация России до, во время и после большевиков. М., С. 94. 2005

⁴ Билимович А.Д. Указ. соч. С. 120.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 140. Оп. 1. Д. 124. Л. 5.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 185. Оп. 1. Д. 340. Л. 190.

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 140. Оп. 1. Д. 124. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917—1922: Документы и материалы. М., 1990. С. 339.

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 140. Оп. 1. Д. 124. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 18.

¹² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 140. Оп. 1. Д. 465. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 9.

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСАХ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

Для понимания процессов землепользования и землеустройства в регионе необходимо располагать сведениями о земельных ресурсах. В исследуемый период основные виды земельных ресурсов Обь-Иртышского Севера были представлены тремя группами: земли сельскохозяйственного назначения, лесного и водного фонда.

В разные годы исследователи предпринимали различные попытки по характеристике ресурсов территории и их классификации. Так, А.А.Дунин-Горкавич в основу характеристики положил признак природных зон, выделяя в границах Тобольского Севера две зоны: полярного севера и высокоствольных лесов¹. В.М.Новицкий характеризовал ресурсы по видовому признаку. На территории Обьиртышья, как он отмечал, имелось наибольшее скопление лесных, водных и сенокосно-ягельных ресурсов². Следовательно, им выделялось 3 группы ресурсов: лесные, водные и пастбищные. С точки зрения аграрного использования, ряд ученых сельскохозяйственных наук в пределах субарктического пояса выделяют зоны тундры и лесотундры³ и в их составе дают классификацию почв на Севере Западной Сибири.

Современные исследователи также не обошли проблему классификации ресурсов Тобольского Севера. Так, Е.И.Гололобов пишет, что Обь-Иртышский Север в исследуемый период включал три ландшафтных зоны — тундру, лесотундру и лес⁴. Им, следовательно, в основу классификации положен природно-географический признак, который является ведущим при выделении природных зон.

Л.В.Алексеева, обратив внимание на процессы районирования 1923—1924 гг., связала их с подходами, обозначившимися в уральских организациях, необходимых для выделения природно-экономических районов Тобольского Севера. Она подчеркивает, что, исходя из природных условий и занятий жителей, территорию Тобольского округа можно разделить на три части: 1) южная, где население занималось исключительно хлебопашеством, по-

скольку преобладали сельскохозяйственные угодья; 2) от Демьянки к северу на 250 верст — территория, на которой занимались рыболовством и охотой, а сельское хозяйство носило вспомогательный характер, т.к. преобладали рыбные и лесные угодья и частично сельскохозяйственные; 3) северная, где основой хозяйственной жизни являлось рыболовство и пушной промысел, т.к. преобладали рыбные и лесные угодья⁵.

Мы сочли необходимым объединить сельскохозяйственные, водные и лесные ресурсы в одну группу — земельные⁶. Классификация позволяет более четко выделить определенные группы и виды ресурсов. К сельскохозяйственным ресурсам относятся пахотные угодья и луга; к водным — реки, озера, болота; к лесным ресурсам — охотоугодья, ягодники, кедровники. В структуре земельных ресурсов представлены угодья. В теории и практике сельскохозяйственного производства понятие «угодье» весьма распространено. Наиболее употребительно понятие «угодье» в трактовке профессора С.А.Удачина, данное им в книге «Землеустроительное проектирование», где он пишет: «...Под сельскохозяйственными угодьями социалистических сельскохозяйственных предприятий следует понимать участки земли, систематически используемые для определенных целей в соответствии с перспективным планом развития хозяйства, имеющие те или иные различия естественно-исторических свойств»⁷.

А.П.Ларионов отмечал, что в литературе встречаются и неправильные взгляды по вопросу, что такое угодье. Он ссылаясь на точку зрения профессора В.В.Редькина, пытавшегося вывести понятие угодья в «общем виде» и в «широком смысле слова». В.В.Редькин писал: «...В общем виде экономическим сельскохозяйственным угодьем является участок земли, характеризующийся определенным экономическим его использованием»⁸. В таком понятии, по мнению А.П.Ларионова, не раскрывается экономическая сущность и закономерные связи между отраслями хозяйства, понятие «угодье» ограничивается рамками только экономического использования в хозяйстве.

А.П.Ларионов предложил 2 признака для классификации угодий: экономический и естественный. По классификации, в основу которой положены естественные признаки, им выделены следующие угодья: пашня, огороды, сад, сенокос, выгон, шелковица,

лесополосы, полевой стан, лес, кустарник, дороги, улицы, пруды и прочие земли. По второму признаку классификации выделено восемь наименований экономических угодий: угодья, обслуживающие непосредственно отрасль полеводства, угодья, обслуживающие непосредственно животноводство, садоводство, овощеводство, пчеловодство, шелководство, угодья, обеспечивающие воспроизводство рабочей силы колхозников и прочие земли⁹.

В предпринятом исследовании будем оперировать понятиями «рыбные угодья», «охотничьи угодья», «пахотные угодья». В этой связи следует конкретизировать понятие «угодья». Как уже отмечалось, вопрос об определении понятия «угодья» вызвал острую дискуссию в аграрной науке. Так, В.И.Абросимова считает, что угодье является основным элементом земельного учета, подчеркивает, что учет земель ведется по землепользователям и угодьям¹⁰. Следует заметить, что структура угодий в исследуемый период и структура угодий, имеющих сегодня в Ханты-Мансийском округе существенно отличаются. В изучаемый период приоритетное значение для экономики региона имели сельскохозяйственные угодья, лесные и водные ресурсы.

В 1920-х гг. площадь Тобольского Севера Уральской области составляла 835, 830 кв. верст¹¹. Примерно половина указанной площади приходилась на долю Обь-Иртышья. На одного человека приходилось в среднем 21, 6 кв. верст¹². Большое значение в жизни социума имеют сельскохозяйственные угодья (пашня, луга, огороды), обеспечивающие сельскохозяйственное производство: земледелие и животноводство. Применительно к Уральской области 1920-х гг. проблема сельскохозяйственного развития изучена основательно в трудах Ф.И.Локацкого, В.В.Филатова, Н.В.Ефременкова, В.Е.Муравьева, В.М.Куликова, Г.С.Калугиной. Однако в их трудах фактически не упоминалось о северных районах Уральской области. Впервые на это обратила внимание с точки зрения использования угодий в сельскохозяйственном развитии края Л.В.Алексеева. Ею в кандидатской диссертации приводились сведения по размерам сельскохозяйственных угодий в Уральской области¹³, включая северные территории (Югру и Ямал).

Анализ источников показал, что на изучаемой территории меньше всего имелось пахотных угодий, что закономерно. Однако изменения все же происходили. В различные годы наблюдалось

колебание в размерах пахотных угодий Югры первой трети XX века. Так, А.А.Дунин-Горкавич, исследовав Тобольский Север, представил следующие данные:

Таблица 1

**Пахотные угодья Тобольского Севера в 1916—1920-х гг.
(в дес.)¹⁴**

1916 г.	1924 г.
36 584,5	17 500

Сведения таблицы позволяют сделать вывод о сокращении пахотных угодий в 1924 г. по сравнению с 1916 г. в 2 раза.

А.С.Иваненко привел данные за период с 1925 г. по 1929 г., из чего следует, что размеры пахотных угодий постепенно увеличивались, однако площадь их очень мала по сравнению с рыбными, лесными и охотопромысловыми угодьями, что закономерно.

Таблица 2

**Пахотные угодья Югры в 1925—1929-е гг.
(в га)¹⁵**

1925 г.	1929 г.
469	545,5

В данном случае пахотные угодья синонимичны понятию «пашня», которой считают все распаханые земли, используемые или подготовленные под посевы сельскохозяйственных культур, огороды, пары, за исключением посевов многолетних трав, произведенных на естественных кормовых угодьях с целью их улучшения¹⁶.

Впервые характеристику почв региона дал Б.Н.Городков в работе «Почвенные районы Уральской области». Применительно к Обь-Иртышью им выделены следующие почвенные районы:

Таблица 3

Почвенные районы Уральской области (1923 г.)¹⁷

Почвенный район	Общая характеристика почв
Березовский	Слабо-подзолистые почвы с признаками заболачивания
Средне-Обский	Слабо-подзолистые на суглинках и подзолы на песках
Обская долина	Подзолистые почвы на незаливаемых участках, торфянисто-болотные почвы в заболоченных лиственных и хвойных лесах
Нижне-Обская	Тундровые торфяно-болотистые почвы с неглубокой мерзлотой

долина	той
--------	-----

Позже в трудах ученых-почвоведов были конкретизированы представления о почве, ее классификации, дана характеристика почв Северо-Западной Сибири. Так, в «Очерке природы и хозяйства Ханты-Мансийского автономного округа», изданного в 1956 г. группой авторов¹⁸ специальный раздел посвящен характеристике почв региона.

Анализ специальной литературы показал, что большая часть почв, пригодных для освоения, сосредотачивалась вдоль рр. Оби, Иртыша, Конды. Однако различные подзолистые почвы на больших площадях имелись и вдалеке от речных долин. После вырубки лесных массивов и раскорчевки пней эти почвы могли быть также широко использованы для земледелия¹⁹. Исходя из различий почвы в хозяйствах формируется структура землепользования и выбор культур. Это позволяет дать научно обоснованные и проверенные в производстве рекомендации по рациональному использованию земельного фонда и упорядочению кормовой базы в хозяйствах данного региона²⁰.

Из современных ученых-историков проблему почв региона затронул Е.И.Гололобов. Им дана характеристика почв региона, которые являются по преимуществу тундровыми, в основном мерзлотнотлеевыми и тундрово-болотными, с типичной растительностью, мхами и лишайниками²¹. В изучаемый период почвы региона в преобладающем большинстве были бедны питательными веществами, а в ряде случаев страдали от избытка влаги. Кроме того, необходимо выделить почвы болотных массивов, почвы затопляемых пойм и почвы горных районов. Почвы были наименее используемым в регионе природным ресурсом, таковыми они остаются и сейчас²². Сведения по размерам пахотных угодий территории в различных источниках весьма отличаются, что можно объяснить составом объектов учета; в одних документах учету подлежали все земли Тобольского округа, включая южную часть, а в других — только Тобольского Севера. Пахотные угодья в пределах Югры в доколхозный период были незначительны, что объяснялось неразвитостью земледелия в регионе и распространением лишь огородничества. По сведениям В.М.Новицкого, пахотные угодья располагались непосредственно за селениями. Пашня,

как правило, была разбросана по увалам. Участки пашни полосами тянулись по гривам. Места для хлебопашества, по его мнению, были не совсем удобные²³.

На наличие земельных ресурсов значительное влияние оказывает и климат. Климат Обь-Иртышского Севера, территория которого расположена в центральной, наиболее пониженной части Западной Сибири, формировался под действием широтных факторов и обуславливался поступлением воздушных масс Атлантики и Арктики. Характерная черта климата региона исследуемого периода — разнообразие и быстрая смена погоды во все сезоны года, особенно в переходные периоды — от осени к зиме и от весны к лету. Климат характеризовался продолжительной суровой зимой и коротким летом, что делало его территорию малопродуктивной для земледелия, но при определенных условиях все же, возможной. Луга, сенокосы — важнейший компонент сельскохозяйственных угодий, определяющий развитие животноводства. Луга — это особый тип растительности, который слагается в основном из многолетних травянистых растений. Различают луга первичные, образованные на длительно заливаемых поймах, и вторичные, образованные на месте сведенных лесов и кустарников, осушенных болот и озер. Также различают луга материковые, пойменные и горные. На территории Обь-Иртышского Севера распространены преимущественно пойменные луга²⁴. Основные из них (до 90%) расположены в пойме р. Оби и сравнительно небольшие — по притокам Оби: Конде, Северной Сосьве, Ваху и др. Луга простираются на протяжении свыше 1200 км при ширине поймы от 15 до 40 км.

Общая площадь пойменных земель в регионе составляет свыше 3 млн. га. Пойменные луга занимают до 50% общей площади поймы или 1 млн. 500 тыс. га. Луговая площадь значительно увеличивается за счет уменьшения водного пространства. Луга в пойме Оби и Иртыша по своему геоботаническому составу делятся на следующие основные типы: злаково-разнотравные, вейниковые, осоково-канареечниковые, осоковые, разнотравные²⁵. Луга использовались населением для заготовки сена. Сенокосами считаются земли, систематически используемые для сенокосения. Сенокосы подразделяются на заливные — расположенные в речных долинах, систематически заливаемые на некоторый период

полями водами, суходольные — расположенные на равнинных участках, водоразделах, склонах балок и заболоченные — избыточно увлажненные притеррасные участки поймы, а так же — окраины болот²⁶.

По сведениям В. Новицкого сенокосные угодья располагались в долине Иртыша и Оби, в поймах рек — Назым, Согом, Сеульская, Салым; занимали длинные полосы возле рек, проток, на высоких гривах, заливавшихся на незначительное время. Полосы имели длину 5—7 и 10 км в длину и в ширину достигали до 200 метров, редко встречались массивы округлой конфигурации²⁷. Громадные пространства заливались весенними разливами, образуя обширные рыболовные водоемы. После спада застойной воды на таких лугах часто оставались иловатые места, травы на таких местах не росли. Если же вода убывала быстро, то по всей пойме Оби и Иртыша наблюдался хороший травостой. Сенокосные луга были почти все заливные: срок косьбы обычно начинался с 20 июля и продолжался по 10 сентября²⁸.

Наиболее обстоятельную характеристику лугам Оби и Иртыша дал М.К.Барышников. Им были выделены 3 крупных массива, освоение которых должно было начаться с 1932 г.: 1) Лобановский массив (Сургутский район) площадью в 362 тыс. га; 2) обский массив (Самаровский район) на площади 393 тыс. га; 3) в нижнем течении Иртыша (Самаровский район) площадью в 40 тыс. га²⁹.

По сведениям охотоведа С.А.Куклина, на 1925 год покосная площадь Тобольского Севера составляла 500 000 гектаров. С 1 гектара собиралось 2 тонны сена³⁰. Следует заметить, что уже в 1920-е гг. осуществлялся постепенный переход на выращивание многолетних трав и применение структуры выращивания многолетних трав в соответствии с почвенными условиями.

Лесные ресурсы играли важнейшую роль в жизни населения региона. Более широкое толкование понятия «лесные ресурсы» включает в себя запасы лесной флоры и фауны, воспроизводимые в процессе жизнедеятельности и ведения лесного хозяйства и используемые для удовлетворения материальных и культурных потребностей общества. Лесные ресурсы относятся к возобновляемым и при правильном ведении лесного хозяйства являются неисчерпаемыми природными ресурсами³¹.

А.А.Дунин-Горкавич описал состав лесов региона. Так, в лесах Березовского уезда господствовали сосна, чистые боры преобладали над смешанными насаждениями, но и в последних, как он отмечал, замечалась примесь сосны. Он указывал на небольшое количество болот, поросших сосняком. «Лес преимущественно был строевой, молодой и приспевающий, чистый, могущий дать в будущем прекрасный, мелкослойный строевой материал. Лесов спелого, пригодного для эксплуатации, сравнительно немного; он достигает размеров: сосна до 12 вершков, а кедр и лиственница до 16 вершков»³².

В лесах Сургутского уезда преобладали смешанные насаждения с господством кедра, где примесь сосны была весьма незначительна; более или менее значительные сосновые боры встречались только в северо-западной части уезда и в бассейне реки Ваха. Здесь было много болот — и довольно обширных. Дровяной лес преобладал над строевым³³. Следовательно, в Сургутском и Березовском уездах им выделялись различные по составу лесные массивы с оценкой их хозяйственного использования.

В.Г.Досталь, посвятивший монографическое исследование лесам Обь-Иртышья, подчеркивал, что до революции из всех лесов Сибири (257 млн. га) было устроено 9 млн. га (3,5%), рекогносцировочно обследовано 31 млн. га (12%), по остальным лесным площадям имелись статистические данные, которые были недостаточны для решения принципиальных вопросов эксплуатации лесных земель³⁴. Он сообщал, что в конце 1920-х гг. в Западной Сибири были проведены крупные лесоэкономические обследования, в задачу которых входило выявление запасов древесины по крупным бассейнам рек³⁵. Однако применительно к Северу Западной Сибири сведения ограничивались теми, что были получены во времена А.А.Дунина-Горкавича. В результате районирования Урала были конкретизированы сведения о лесных угодьях. В Тобольском округе площадь лесов занимала 185,326 десятин: в земельный фонд передавалось 3 000 десятин, в леса местного значения выделено 48 000 десятин, остальные леса не были обследованы. Таковы данные на 1 июля 1924 года³⁶.

Согласно Стенограммы VII Областной партийной конференции, проходившей 5—10 декабря 1925 г. (из доклада Центральной Контрольной Комиссии) следует, что лесов местного значения на

1 ноября 1924 года было передано 4 млн. 670 тыс. десятин, что увеличивало первоначальный план на 1 млн. 756 тыс. десятин. Указывалось, что крестьянство было не удовлетворено количеством лесов. Это объясняется и тем, что леса сами по себе были расположены не равномерно³⁷.

Характеризуя лесную зону региона, Е.И.Гололобов подчеркивает, что она представлена двумя подзонами: северной и средней тайгой. В подзоне северной тайги редкостойные леса включали в основном лиственницу и ель, хотя встречались кедр и сосна. Широко распространены кустарники. В подзоне средней тайги преобладали ель, пихта, кедр. Территория указанной подзоны характеризовалась заболоченностью, имела многочисленные реки и озера. Густота речной сети в таежной зоне составляла 350—400 км на 1 тыс. кв. км, т.е. 30—40% территории было покрыто реками. Значительное место в ландшафтах таежной зоны занимали озера (десятки тысяч)³⁸.

По сведениям А.А.Дунин-Горкавича угодья таежной зоны характеризовались сравнительно малой биологической продуктивностью. Численность соболя достигала 2—30, редко 50 особей на 100 кв. км, численность белки в лучших угодьях в хороший год составляла 600—900 особей на ту же площадь, а глухаря — 35—400. Ресурсы брусники составляли более 400 тонн на 100 кв. км, а голубики — более 600³⁹.

С.А.Куклин в брошюре «Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистико-экономическое описание» дал общее описание лесов Сургутского района, которые в основном располагались по увалам вдоль рек. Он заметил, что обширные болота были покрыты в большей части мелким и корявым лесом. Среди болот встречались острова и гривы лесных насаждений. Им же представлены сведения о площади лесов.

Общая площадь лесов Сургутского района в середине 1920-х гг. составляла 10 911, 123 гектара, 52% площади района, а удобная лесная — 3 191, 909 гектаров, или 15% всей площади района. Охотовед подчеркивал, что на север от реки Оби преобладала сосна, на юге — кедр, на болотах — сосна. На месте многочисленных и обширных гарей он заметил преобладание березы, реже — кедра, ели, пихты и осины. Он указал, что ценные и удобные для эксплуатации леса находились на обоих берегах реки Оби. Эти

леса тянулись полосами от 8 до 25 километров от восточной границы до западной, с перерывами, образуемыми долинами притоков р. Оби. Более ценные леса, как замечает С.А.Куклин, сохранились на юге от реки Оби в местах: по реке Югану, по левой стороне его, от Юрт Еутских до юрт Ярсомовых; с правой стороны той же реки, от юрт Сартмуевских до юрт Рыжиных; по реке Нюкос-ях — притоку реки Юган; на островах между Б. и М.Юганом, от юрт Еутских до юрт Мохтикиных; при устье реки Балыка, по обе стороны от нее; на нескольких островах по реке Салыму⁴⁰.

На 1927 год в Тобольском округе удобная лесная площадь составляла 1,8% от удобной площади Уральской области. Всего лесфонда в Тобольском округе имелось 11, 272, 0 тыс. гектаров, лесов местного значения — 213,4 тыс. гектаров. Леса местного значения здесь играли малую роль, и их удельный вес был невелик.

Значительно лучше в источниках представлены сведения по охотоугодьям, что объяснялось значением пушного промысла в системе хозяйства Тобольского Севера.

Таблица 4

Охотоугодья Обь-Иртышья в 1916—1926 гг. (в га)⁴¹

1916 г.	1921/1922	1923/1924	1924/1925	1925/1926
274 651	1 085 557	752 785	1 024 572	658 712

Общая площадь охотничьих угодий, обслуживаемых промысловыми хозяйствами и охотничьими станциями, составляла около 25 млн. га. Важным охото-промысловым районом являлось левобережье Оби, где находились и охотничьи угодья Кондо-Сосьвинского заповедника. В центральных приобских и прииртышских районах охотничьи угодья были освоены в наибольшей степени⁴².

В 1920-е гг. территория Уральской области в отношении установления сроков охоты была разделена на две полосы: северную, с промысловыми и полупромысловыми округами, куда вошел Тобольский Север, и южную, с непромысловыми округами⁴³.

В границах Тобольского Севера в 1920-е гг. существовали три пушно-промысловых района. Первый из них включал южную часть Березовского и Сургутского уездов от р. Конды до 63 па-

раллели. Объектом охоты здесь были белка, соболь, лиса, горно-стай, дикий олень, лось, бурундук, выдра, колонок, медведь, волк, россомаха и заяц. Во втором районе, Муже-Кушеватском (от 63 до 66 параллели), преобладала охота на лису, белку и горностаю, реже — на медведя, бурундука и выдру. Обдорско-Тазовский Район (за полярным кругом) в основном был богат песцом⁴⁴. Главными объектами пушного промысла являлись песец и белка: 84% общей массы пушнины⁴⁵.

Таким образом, в изучаемый период представления о лесных ресурсах региона были весьма скудными. Позже Н. М. Кокосов конкретизировал представления о лесах округа применительно к середине 1950-х гг., т. е. в период, предшествующий нефтяному освоению. Поскольку общие тенденции сохранились, постольку эти данные могут быть рассмотрены в качестве базовых для характеристики лесов Обь-Иртышья.

Таблица 5

Состав лесов Западной Сибири и Ханты-Мансийского национального округа (в процентах)⁴⁶

Порода	Западная Сибирь	ХМАО
Сосна	29,0	59,5
Кедр	19,0	13,4
Ель	4,0	10,3
Пихта	10,0	0,5
Лиственница	5,0	0,9
Всего хвойных	67,0	84,6
Береза	30,0	10,2
Осина	2,8	4,5
Тальники	0,2	0,7
Всего лиственных	33,0	15,4

Из сведений таблицы следует, что на территории округа преобладали хвойные леса, составляющие 84,6% лесфонда. Среди пород деревьев преобладала сосна.

Водные ресурсы региона в исследуемый период играли чрезвычайно роль в жизни населения, прежде всего как источник получения рыбы — важнейшего продукта питания и как средства передвижения. Водные ресурсы — это все виды естественных и преобразованных человеком природных вод: реки, озера, водо-

хранилища и другие поверхностные водоемы, подземные воды и ледники, моря и океаны⁴⁷.

Главнейшей магистральной рекой являлась Обь с ее многочисленными притоками. А.А.Дунин-Горкавич дал довольно подробную характеристику Оби. Река протекала по Сургутскому уезду сначала по направлению на северо-запад, на протяжении, приблизительно, 530 верст, а от этого пункта и до устья Иртыша направление ее течения шло на запад, на протяжении около 320 верст. Устье Иртыша — в пределах Самаровской волости, Тобольского уезда, в 25 верстах ниже Самарова. Далее по Березовскому уезду Обь протекала сначала на северо-запад до села Чемаш, на протяжении, приблизительно, 360 верст, а от этого пункта на север до Обдорска, на протяжении, приблизительно, 525 верст⁴⁸.

Протяженность Оби в пределах округа составляла 928 км, Иртыша — 222 км. Устье Иртыша разделяет Обскую систему на две части — Среднюю и Нижнюю Обь. Иртыш на территории округа представлен только своим нижним течением. Реки замерзали на длительный период — до 6 месяцев. Правый берег Оби на значительном протяжении высокий, крутой, с многочисленными оползнями; левый — низкий, теряющийся в сырых заливных лугах и кустарниковых зарослях. Вдоль левобережья, в приустьевых участках притоков, располагалась гирлянда внутриваловых озер-соросов. Река Вах — главная река бассейна⁴⁹.

Вся гидрографическая сеть Обь-Иртышья принадлежала к бассейну Карского моря. Общее число рек и речек свыше тысячи. Регион без всякого преувеличения являлся и остается краем сотен тысяч озер (не менее 30 тыс.). Точное число их до настоящего времени не определено. Только в Среднем Приобье насчитывается около 200 тыс. озер площадью более 1 тыс. га. Отчетливо различаются типы озер. В долинах крупных рек наиболее характерны озера-старицы — вытянутые, дуговидной и серповидной формы, наследующие древние русла рек. В большинстве случаев они сохраняют связь с рекой через протоки⁵⁰.

Исследуемый регион — центр феноменального заболачивания Западно-Сибирской равнины. В бассейнах Пима, Лямина, Тромьегана, Конды, в Компажском полесье (Березовский район) и на низких террасах Средней и Нижней Оби заболочено до 70% территории. Площадь болот ежегодно увеличивается на десятки ты-

сяч гектаров, поглощая приболотные участки тайги. Болота — накопители громадных объемов воды. Средняя тайга — центр зарождения западно-сибирских болот и территория их широкого распространения. Доля болот в Кондинской, Сургутской, Ваховской и Обско-Иртышской низинах составляет 70—80%. В целом же регион характеризуется чрезвычайным богатством водных ресурсов.

Рыболовные угодья Тобольского Севера считались лучшими в Западной Сибири. Е.И.Гололобов сообщает, что существовало три рыбопромысловых района — Низовой, Обдорско-Березовский и Березовско-Сургутский. Здесь преобладали неводные пески по Оби, впадающим в нее притокам. В резолюции секции Севера за 1927 г. указывалось, что в рыбопромышленном отношении Тобольский Север делился на районы: 1) Низовой; 2) Обдорско-Березовский; 3) Нарымский; 4) Иртышский. Рыболовные угодья Тобольского Севера представляли собой большие и малые соры, заливаемые водой, неводные пески, озера, соровые ямы, курьи, плеса, салмы, вожаны. Добыча рыбы производилась во время нерестового хода неводом, сетями, сайпами (чердоком), плавными кривдами, и крючками-самоловами. Однако сроки ловли рыбы в рыбопромышленных районах были разными: в Обдорском — с 20 мая по 24 июня, в Кондинском — вторая половина июня, в Сургутском — в начале июля⁵¹.

В 1920-е гг. предполагалось всесторонне изучить рыбные ресурсы Обь-Иртышского Севера и возможности экономического использования, организовать их государственную охрану. По сельским советам районов велись ведомости по учету рыбоугодий. Так, в фондах Сургутского уездного земельного управления обнаружены ведомости, где указано количество выявленных новых рыбоугодий: по Локосовскому сельсовету — 15, по Сургутскому сельсовету — 13, по Юганскому сельсовету — 6, по Сытоминскому — 23⁵². 10 августа 1925 года Тобольский окрфинотдел от всех РИКов потребовал срочно выслать списки всех расположенных на территории района рыбоугодий с подробным указанием местонахождения⁵³. Эти списки составлялись ежегодно.

В отчете из Сургутского района 5 марта 1926 года в Тобокрземуправление сообщалось, что в районе все рыбоугодия отнесены к угодьям местного непромыслового назначения. «При

пользовании угодьями между населенными пунктами споров не существует как по рыбоугодьям равно луговым и выгонным»⁵⁴. В документе отмечалось, что полное водоустройство и землеустройство на Севере может прийти через несколько лет, а существующее недоразумение необходимо изжить в ближайшее время, так как население требует немедленно установления границ.

В 1928 году по Тундринскому сельсовету отмечено, что часть рыболовных угодий не использовалась⁵⁵. 11 июля 1928 г. в Сургутский районный исполнительный комитет поступило указание Тобольского Окрика и ОкрЗУ о закреплении рыбоугодий за населением по окончании водоустройства. «В настоящее время все водоемы должны эксплуатироваться путем сдачи в аренду на договорных началах. Арендная плата в течение 3-х лет может заменяться ввиду запущенности рыбоугодий обязательством произвести мелиоративные улучшения»⁵⁶. Из Циркулярного письма Сургутского уездного экономического совещания председателю Ларьякского волисполкома о сборе арендной платы за рыбоугодья от 23 декабря 1923 г. следует, что за аренду рыбоугодий с населения недостаточно собиралось средств (всего 30%). Предписывалось в кратчайший срок приступить к сбору арендной платы за рыбоугодья⁵⁷.

Рыбные богатства и их распределение на пространстве Тобсевера в 1920-е гг. охарактеризовал профессор П.Г.Борисов⁵⁸.

Таблица 6

**Границы рыбных угодий Тобольского Севера
в первой половине 1920-х гг.**

Границы района	Преобладающий тип угодий
Иртыш и Обь до юрт Халаспских	Пески стржевые, соровые ямы, курьи, сора, плав. плеса
Большая и Малая Обь до дельты	Сора, горные и войтешные, пески колданные и стржевые
Дельт Оби с частью Обской Губы	Салмы, сора и неводные пески, вожаны

Промысловое значение имели следующие породы рыб: — осетровые (осетр, стерлядь); — лососевые (нельма, муксун, сырок, щокур, пыжьян, сельдь обская и сосьвинская); — частичковые

(чебак, окунь, язь, щука, карась. Главную часть уловов составляла черная рыба — до 70%⁵⁹.

Водоемы располагали как проходными, так и туводными рыбами⁶⁰. В водоемах Югры сиговые рыбы водятся в основном в ее северной части (в пределах Березовского, Кондинского и Самаровского районов). Сибирский осетр имел промысловое значение как в Оби, так и в Иртыше. Местное название этой рыбы — лобарь⁶¹.

Исследователи отмечали отсутствие точных сведений о ресурсах водоемов Обь-Иртышья. Без этого сложно было определить реальные возможности заготовок. М.Непряхин считал, что запасы рыбы в водоемах Тобольского Севера ограничены, а имевшиеся источники, по его мнению, эти возможности преувеличивали. К примеру, некоторые авторы приводили сведения о том, что в довоенный период добывалось до 2 млн. пудов рыбы⁶². Суровость природы и «замор» Оби являлись неблагоприятными условиями для роста и размножения рыб⁶³.

В протоколе четвертой Тобольской окружной партконференции (8—13 сентября 1925 г.) было записано, что окружному комитету следует обратить внимание на поднятие рыбного хозяйства⁶⁴. В резолюции по экономике отмечалось: «для более рациональной разработки рыбного хозяйства и правильной его постановки необходимо: всесторонне изучить рыбное хозяйство Севера путем обследования экономического положения туземного населения; срочно приступить к проработке вопроса о форме водопользования туземного населения, а также работе по введению ограниченных мер для рыболовства ввиду намечающегося в некоторых местах уменьшения запаса рыбы»⁶⁵.

Крупнейшим арендатором угодий являлся Обьтрест. Разбросанность его угодий охватывала 500 верст по прямой линии. В конце 1927 г. Обьтрест вошел в состав Госторга, в распоряжении которого имелись 133 угодия на правах аренды, расположенных в низовьях Оби⁶⁶. Имевшиеся рыбоугодия, арендованные Госторгом и расположенные в низовьях Оби, для удобства были разбиты на 7 районов. В каждом районе имелось закрепленное число угодий с обозначением в них производственных баз⁶⁷. В вопросе пользования рыбоугодьями между хозяйственными организациями и местным населением нередко имели место конфликты. Необхо-

димо учитывать, что распределение угодий и использование их государственными организациями привело к ограничению эксплуатации водоемов туземным населением. Многочисленные документы говорят о том, насколько остро стоял вопрос о собственности и праве пользования водоемами.

С созданием в Тобольске в 1927 г. рыбохозяйственной станции начались первые мероприятия по изучению и разработке проблемы водоустройства, имеющие целью закрепить за туземным населением принадлежавшие ему угодья. Примером может служить Ларьякский туземный район, где в 1928 г. в коллективный арендный фонд туземцам были выделены рыбные угодья⁶⁸. Пожалуй, это был первый случай, свидетельствующий о передаче угодий туземцам с преимущественным правом использования перед остальным населением и организациями (аборигенам была вручена землеотводная грамота).

В.Новицкий понимал значение водно-земельного устройства, ратовал за его скорейшее проведение и неоднократно выступал по этому поводу в уральских краеведческих изданиях. В частности, он отмечал необходимость определения границ районов, которые необходимо было закрепить за туземцами для производства промысла, чтобы изжить антагонизм между коренным и пришлым населением и защитить аборигенов от натиска госрыбопромышленников⁶⁹.

Споры из-за угодий, проблема рыбозаготовок и упадок рыбного хозяйства заставили руководство Уральской области и Тобольского округа выделить в составе рыбоугодий хозяйственные угодья общереспубликанского и местного значения. К угодьям общереспубликанского значения относились водоемы низовьев Оби со всеми притоками и озерами от песка Оленского (в 150 верстах севернее Березова) и ниже, а также районы Обской и Тазовской губы. Остальные угодья определялись как угодья местного значения.

12—15 февраля 1929 г. состоялось совещание в Облзу, где был рассмотрен вопрос о рыбном хозяйстве Тобольского округа. Совещание определило пути развития рыбного хозяйства, в числе которых отмечали вовлечение в рыбопромысловую эксплуатацию удаленных районов⁷⁰. Два месяца спустя после опубликования вышеприведенного материала, в журнале «Хозяйство Урала»

В.Новицкий выступил с предложениями по развитию рыбного хозяйства края. Он считал важнейшими задачами рыбной промышленности следующие: максимальное обеспечение рыбной продукцией промышленных центров Урала; усиление экспортных возможностей; плановое переустройство рыбного хозяйства округа на основе широкой коллективизации⁷¹.

Итак, в исследуемый период основные виды земельных ресурсов Обь-Иртышского Севера были представлены тремя группами: земли сельскохозяйственного назначения, лесного и водного фонда. Плохое знание ресурсов региона в исследуемый период осложняло работу хозяйственных организаций по их использованию. Перед органами власти и хозяйствующими субъектами встала задача изучения ресурсов края с целью наиболее рационального природопользования. Имевшиеся земельные ресурсы создавали большие возможности для развития в регионе сельского хозяйства, которое в первой трети XX в. не являлось товарным по характеру, а обеспечивало исключительно потребности семьи. Наступившая эпоха «великого перелома» на рубеже 1920-х — 1930-х гг., принудительное переселение в регион рабочей силы — стали решающим фактором расширения сферы использования земельных ресурсов.

Примечания

¹ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. С. 3.

² Новицкий В. Проблема Уральского Обьиртышья // Хозяйство Урала. 1928. № 10. С. 56.

³ Смеян Н.И., Кудло К.К., Соловей И.Н. Занимательно о почве. Минск, 1984. С. 15.

⁴ Гололобов Е.И. Использование природных ресурсов и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919—1929 гг.) // Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919—1929). Сб. док. Новосибирск, 2005. С. 18.

⁵ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 годах. Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 122⁶. Под земельными ресурсами следует понимать земли, систематически использованные или пригодные к использованию для конкретных хозяйственных целей.

⁷ Удачин С.А. Землеустроительное проектирование. М., 1958. С. 27.

⁸ Цит. по: Ларионов А.П. К вопросу о понятии сельскохозяйственных угодий // Вопросы экономики, организации сельскохозяйственных предприятий и землеустройства. Пермь, 1959. С. 138⁹. Там же. С. 140.

¹⁰ Абросимова В.И. Система учета земельных фондов СССР // Учет и агропроизводственные группировки СССР. М., 1967. С. 7.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. О. 2. Д. 298. Л. 26.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1998. С. 39.

¹⁴ Составлена по: Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. М., 1995. С. 139.

¹⁵ Составлена по: Иваненко А.С., Федорова Е.Г. Земледелие // Югория. Энциклопедия ХМАО. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 346.

¹⁶ Абросимова В.И. Система учета...С. 7.

¹⁷ Городков Б.Н. Почвенные районы Уральской области. Свердловск, 1923. С. 46—50.

¹⁸ Кокосов Н.М., Никулин В.И., Харин В.И. Ханты-Мансийский национальный округ (очерк природы и хозяйства). Свердловск, 1956. С. 39—40. ¹⁹ Там же.

²⁰ Кормовые культуры и корма. Рекомендации ученых. Таллин, 1989. С. 9.

²¹ Гололобов Е.И. Использование природных ресурсов ... С. 16.

²² Богатства Югры. Ханты-Мансийск, 2005. Без пагинации.

²³ Новицкий В. Проблема Уральского Обьиртышья ... С. 59.

²⁴ Югория...Т.2.С. 151.

²⁵ Кокосов Н.М. и др. Ханты-Мансийский ... С. 46.

²⁶ Абросимова В.И. Система учета ... С. 7.

²⁷ Новицкий В. Проблема Уральского Обьиртышья ... С. 60.

²⁸ ГАХМАО. Ф. 49. О. 1. Д. 1. Л. 36.

²⁹ Барышников М.К. Луга Оби и Иртыша Тобольского Севера. М., 1933. С. 7.

³⁰ Из брошюры С.А.Куклина «Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистико-экономическое описание» (Тобольск, 1925 г.) // Природные ресурсы ... С. 73.

³¹ Югория...Т. 2. С. 127.

³² Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. С. 29.

³³ Там же. С. 28—29.

³⁴ Досталь В.Г. Леса Обь-Иртышского бассейна и их промышленная эксплуатация. М., 1961. С. 22.

³⁵ Там же. С. 23.

- ³⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 326. Л.48.
- ³⁷ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л.103.
- ³⁸ Гололобов Е.И. Использование природных ресурсов ... С. 18.
- ³⁹ Исследователь Севера ... С. 149.
- ⁴⁰ Из брошюры С.А.Куклина ... С. 64.
- ⁴¹ Составлена по: Из доклада Председателя правления Уральского областного союза охотников А.Сарафанова Уральскому Комитету Севера «Об организации охотничьего промысла и охотничьего хозяйства на севере Урала». Май—июнь 1924 г. // Природные ресурсы ... С. 30; Алексеева Л.В. Об изучении природных условий и ресурсов в Северо-Западной Сибири в 1920-х — первой половине 1930-х г. // Западная Сибирь: (История и современность): Краев. зап. Тюмень, 2000. Вып. 3. С. 76—81; Исследователь Севера ... С. 179.
- ⁴² Кокосов Н.М. и др. Ханты-Мансийский ... С. 95—96.
- ⁴³ Гололобов Е.И. Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг. // Северный регион: Наука, образование, культура. 2001. № 2 (4). С. 161.
- ⁴⁴ Охотничий промысел на Тобольском Севере // Уральский охотник. 1924. № 1. С. 14.
- ⁴⁵ Гололобов Е.И. Пушной промысел ... С. 164.
- ⁴⁶ Кокосов Н.М. и др. Ханты-Мансийский... С. 64.
- ⁴⁷ Югория... Т. 1. С. 170.
- ⁴⁸ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М., 1995.Т. 1. С. 5.
- ⁴⁹ На территории округа длина ее 964 км, уступает только длине Северной Сосьвы и Большого Югана.
- ⁵⁰ Кокосов Н.М. и др. Ханты-Мансийский ... С. 33.
- ⁵¹ Резолюции секции Севера конференции по производительным силам Урала о перспективах социально-экономического развития Тобольского Севера // Природные ресурсы ... С. 105.
- ⁵² ГА ХМАО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.
- ⁵³ Там же. Л. 6.
- ⁵⁴ Там же. Л. 12.
- ⁵⁵ Там же. Д. 45. Л. 19.
- ⁵⁶ Там же. Л. 21.
- ⁵⁷ Циркулярное письмо Сургутского уездного экономического совещания председателю Ларьякского волисполкома о сборе арендной платы за рыбоугодья // История Югры в документах из Томска. Томск, 2006. С. 29—30.
- ⁵⁸ Отчет Тобольского Комитета Севера Комитету Севера при Президиуме ВЦИК об экономическом развитии северных территорий Тобольского округа // Природные ресурсы ... С. 120.

⁵⁹ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 годах. Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 134.

⁶⁰ К числу проходных рыб относятся осетровые (осетр), лососевые и сиговые (сырок, муксун, нельма, шокур, пыжьян и другие). Туводные рыбы представлены преимущественно окуневыми, карповыми, тресковыми и шуковыми (окунь, ерш, язь, елец, карась, налим, щука и другие). К туводным рыбам относят стерлядь и сосвинскую сельдь.

⁶¹ Кокосов Н.М. и др. Ханты-Мансийский ... С. 53.

⁶² Тобольский Север. 1922. 27 июля.

⁶³ М.Непряхин изучил статистику по рыбе за 1911—1914 гг., что позволило ему предположить, что рыбная продукция исчислялась не точно, поскольку не подразделялась на рыбу соленую и свежемороженую, а учитывалась общей товарной массой, а также не брались сведения по рыбе, отправленной на Томский рынок. Он писал: «Рыбный промысел Тобольского Севера был явлением инертным: он развивался чрезвычайно туго и медленно, застыв на низкой ступени примитивной техники лова и обработки, никогда сам по себе он не был рентабельным. Те, кто получали барыши, использовали дешевую рабочую силу и обманывали аборигенов». М.Непряхин предполагал, что общий размер дореволюционной товарной рыбной продукции составлял 500 тыс. пудов: 320 — соленая и 180 — свежемороженая, а в переводе на рыбу-сырец — 660—680 тыс. пудов. Естественно, что такие выводы не устраивали руководство округа и области. См.: Там же.

⁶⁴ ГАОПОТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 192. Л. 20.

⁶⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 205. Л. 63.

⁶⁶ ТФГАТО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 132. Л. 34.

⁶⁷ Рыбное хозяйство... С. 160.

⁶⁸ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1. Л. 1—3.

⁶⁹ Вопросы рыбного хозяйства Тобольского округа // Хозяйство Урала. 1929. №6. С. 120.

⁷⁰ Хозяйство Урала. 1929. №4. С. 164—165.

⁷¹ Там же. № 6. С. 113.

СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ И КАТАКЛИЗМЫ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА В 1920-е гг.

Отрицательные последствия непредсказуемых и независящих от человека резких изменений в природном окружении способны серьезно влиять на состояние экономики и здоровье людей. По сути дела это один из природно-экологических факторов, который в определенных временных рамках оказывает прямое влияние на хозяйственно-экономическую деятельность человека. Обь-Иртышский Север в данном случае не исключение.

Влияние природно-климатических условий демонстрирует следующий пример. Заготовка рыбы 1924—1925 гг. оказалась незначительной из-за затяжной дождливой осени. «Дождливая затяжная осень вызвала подъем воды в реках, в результате чего были затоплены и снесены все сады с пойманной рыбой, а выпавший глубокий снег при теплой погоде довершил дело, умертвив рыбу и в оставшихся садах»¹.

Природно-климатические условия непосредственно влияли на развитие охотничьего хозяйства Тобольского Севера. Затяжные и холодные весны, дождливое лето и осень, суровые зимы губили много молодняка, иногда и взрослых животных. Они сильно отражались на смене меха и его качестве. В 1926 и 1928 гг. уже в период охоты (после 20 октября) в регионе наблюдались плохо подросшие и плохо вылинявшие белки².

Глубокий снег сильно затрудняет продвижение животных и добычу ими корма, особенно для лосей и оленей. Большую роль в промысловой охоте на копытных играет образующийся на снегу наст («чир», «чарым»). Представляя собой тонкую обледенелую корку снега, наст, удерживая человека и собаку, не выдерживает тяжести лося, иногда и оленя. Это позволяет охотникам без большого труда догонять их.

Многое в хозяйстве таежного населения Западной Сибири зависело от колебания уровня воды в Оби. О ходе разлива Оби и Иртыша у Самарова есть точные данные за 1923—1930 гг. Здесь важно отметить продолжительность и сроки периода, когда вода стоит выше берегов. В 1920-е гг. продолжительность, высота и сроки это-

го периода колебались по отдельным годам в значительных пределах. За 10-летний промежуток начало самого раннего разлива, т. е. момента выхода реки из берегов, — 17 мая (1927 г.), начало самого позднего — 1 июля (1930 г.). Разница больше одного месяца.

Конец разлива (момент входа реки в берега): самый ранний, не считая 1924 и 1931 гг., когда вода совсем не выходила из берегов, — 16 июля (1929 г.), самый поздний — 20 августа (1928 г.). Разница свыше одного месяца. Наименьший пойменный период имел место в 1924 и 1931 гг., он равнялся 0, так как река из берегов не выходила, наибольший — 84 дня (в 1928 г.).

За 10-летний промежуток нормальный (средний) по продолжительности разлив наблюдался три раза (1923, 1926, 1929 гг.), ниже нормального — три раза (1924, 1930 и 1931 гг.), выше нормального — четыре раза (1922, 1925, 1927 и 1928 гг.). Отсутствие разлива (вода не выходила из берегов) за тот же период наблюдалось два раза (1924 и 1931 гг.).

Несколько другую картину дает частота нормальных и аномальных сроков разлива Оби за тот же промежуток времени. Нормально наступил разлив за 10 лет один раз (1928 г.), раньше нормального — два раза (1927 и 1929 гг.), позже нормального — пять раз (1922, 1923, 1925, 1926 и 1930 гг.), нормально окончился разлив два раза (1927 и 1929 гг.), раньше нормального разлив ни разу не оканчивался (если не считать 1924 и 1931 гг., когда разлива не было), позже нормального разлив кончался шесть раз.

Данные, характеризующие разницу между самой низкой и самой высокой полой водой Оби и Иртыша, дают следующую картину:

Таблица 1

**Высота поднятия поймы воды над минимальным уровнем
Оби и Иртыша у Самарова за 8 лет³**

Годы	Высота поднятия весенней воды над минимальным ее уровнем (м)
1923	9,60
1924	6,44
1925	8,87
1926	7,64
1927	9,00
1928	9,91
1929	8,04
1930	9,38

Колебание уровня воды в Оби и Иртыше за рассматриваемый период в течение года достигало нередко значительных величин — около 10 м., в среднем — больше 8 м. Большие колебания в продолжительности разливов Оби и Иртыша существенно влияли на полезную луговую площадь.

В «сухие» годы, при кратковременном разливе, полезная луговая площадь могла составлять до 80% общей площади поймы. Так было в 1931 г., когда значительная часть соров была доступна для уборки травы на сено. Наоборот, в «сырые» годы, при продолжительном заливании, как, например, в 1928 г., в особенности в 1914 г., полезная луговая площадь сокращалась до 50% от общей площади поймы⁴.

В годы высокого подъема весенних вод рыболовный сезон сокращается, сенокосение наступает позже нормального времени (когда трава находится в полужасохшем состоянии), уменьшается и сама площадь покосов. Если при этом подъем воды наступил поздно и убывает она медленно, то это — стихийное бедствие для населения. В таком случае время для ловли рыбы очень сильно сокращается и совпадает со временем сбора кедрового ореха и началом заготовки сена. В такие годы гибнет скот от наводнения и от недостатка кормов. Подобного рода природные бедствия повторялись один раз в десятилетие⁵. Л.Шульц отмечал, что салымским осяжкам достаточно часто приходится страдать от излишков воды. «Так в 1908—1909 г. все лето и осень луга были затоплены так, что негде было ставить сено, и пришлось зарезать большую часть скота»⁶.

Большой урон хозяйству жителей тайги всегда наносили пожары. В Сибири они возникали постоянно. В рассматриваемый период редкие годы обходились без пожаров. Часто они охватывали громадные пространства тайги. Особенно разрушительными таежные пожары становились в засушливые годы, нанося огромный урон лесному хозяйству. Вред от лесных пожаров не ограничивается только убытками стоимости поврежденного леса. Из-за лесных пожаров истощаются дачи, понижаются технические качества древесины. Возобновление гарей материнскими хвойными породами происходит через длительный период смены малоценных в условиях Сибири лиственных пород, с потерей прироста

хвойных пород на много лет. Иногда гари вообще не возобновляются и превращаются в пустыри или болота.

В литературе сохранились сведения о больших лесных пожарах 1826 г., 40—60-х гг. XIX в.: «Пожары лесные последнего столетия 1826, конца 40-х и 1867 г. окончательно истребили урманы, придав им вид печали и разрушения: во время пожаров дым так густо наполнял окрестности, что даже по Оби не было проезда по целым неделям ни в лодках, ни на каких других судах, как будто во время самого густого тумана. По всему течению Иртыша и по Оби до самой северной границы распространения лесной растительности я нигде не встречал по берегам места, которое не было бы в недавнем времени тронуту пожаром, кроме ничтожных кусков леса, исключительно сохранившихся: повсюду обгорелые деревья или торчашие в высоте или сваленные друг на друга бурей; хорошо еще, если пожарище снова зарастает мелким лиственным или хвойным леском, в других же случаях под сенью упавших деревьев мирно образуются болота, как будто в прибавок к тому громадному их количеству, в котором они распространены не только в Тобольской губернии, но и вообще в Западной Сибири»⁷.

Лесные пожары 60-х гг. XIX в. произвели опустошение по всему Тобольскому Северу. В частности, они уничтожили урманы всего низового Салыма⁸. Очень часто можно было наблюдать следующую картину. «Еще от юрт Лемпиных заметен был дым от лесного пожара, здесь же он сделался настолько густым, что мешал фотографии. ... Торсан (впадает в Малый Салым. — Е.Г.) — крайне извилистая река ... течет почти все время среди заливных лугов, изредка прерываемых островками хвойного леса, часто горелого»⁹. В Ваховском крае до пожаров водился соболь и дикий олень, после пожаров основным промысловым животным стала белка¹⁰.

Очень сильно западносибирские леса пострадали от пожаров 1900—1901 гг. Разрушительную силу пожаров ярко передает свидетельство современника: «Среди безмолвия только ветер колышет вершины деревьев и разносит кругом задумчивый волшебный шепот седых ветвей»¹¹. В частности, от пожаров 1900—1901 гг. сильно пострадало Завасюганье. «Среди живой тайги повсеместно встречаются различной древности гари ... приходится видеть огромные площади, покрытые деревянной щетиной из мерт-

вого, очистившегося уже от коры леса»¹². Не менее разрушительными по своим последствиям были лесные пожары 1915 г., охватившие значительные территории Западной и Восточной Сибири¹³.

И в 1920-е гг. лесные массивы Западной Сибири страдали от частых пожаров. Только за 1924—1925 г. в Тобольском округе было зарегистрировано 23 пожара, в том числе 10 поваральных¹⁴. Лесные пожары во многих местах обусловили смену хвойных пород березой и осиной. Это очень хорошо видно на примере лесов Сургутского района.

Обратимся к материалам, опубликованным С.А.Куклиным¹⁵. Леса Сургутского района располагались, по преимуществу, по увалам, следующим вдоль рек. Ширина этих увалов колебалась от нескольких метров до 26 километров, увеличиваясь, обычно, от устья реки к ее вершине. Обширные болота были покрыты малоценным, мелким и корявым лесом. Общая площадь лесов района оценивалась в 10911,123 га, что составляло на тот момент 52% площади района. К удобной лесной площади относилось 3191,909 га, или 15% всей территории района. На севере от реки Оби преобладала сосна, а на юге кедр. На болотах преобладала сосна. На месте многочисленных и обширных гарей росла береза, реже кедр, сосна, ель, пихта и осина. Ценные и удобные для эксплуатации леса находились на обоих берегах р. Оби. Эти леса тянулись полосами от 8 до 25 км от восточной границы до западной с перерывами, образуемыми долинами притоков р. Оби.

Из лесов, находившихся в бассейнах притоков р. Оби, выделялись находящиеся на водоразделе между Аганом и р. Коликеганом — притоком реки Ваха. Реки Тромюган и Пим хороших сплошных лесов не имели. По обоим берегам реки Лямин тянулись сосновые леса шириною в 3—4 км. На протяжении 60 км от устья этой реки тянулась гарь, покрытая молодняком березы, реже сосны и ели.

Верхние и средние течения южных притоков р. Оби — Кулегана, Югана, Балька и Салыма — были охвачены огромными лесными пожарами конца 60-х гг. XIX в. Эти пожары продолжались подряд три года, сохраняясь зимой в торфяниках и вновь развиваясь весной. Они охватили площадь до 40000 км². Более мелкие пожары повторялись в бассейнах этих рек в конце XIX —

начале XX вв. На месте пожаров в 1920-е гг. преобладали молодые и приспевающие насаждения березы с примесью кедра, сосны, ели, пихты и осины.

В среднем и верхнем течении р. Конды и в ряде других мест, хотя и в меньших масштабах, где лось и олень являлись главными объектами промысла, леса веками систематически выжигались населением с целью создания на горях кормовых площадей для лося и северного оленя¹⁶. Палы влияют на химический состав растительных сообществ и почв, физические свойства среды обитания растений, с дымом улетучиваются такие элементы, как азот, фосфор, калий. Происходит смена травостоя. Сильно изменяется весовое участие почти всех видов растений и уменьшается общая продуктивность растительной массы.

Таким образом, большая часть лесов Тобольского Севера в рассматриваемый период носила на себе следы более или менее больших пожаров. Пожары обесценили на многие десятилетия значительную часть охотничьих угодий. При этом необходимо отметить, что в первую очередь это коснулось охотничьих угодий вблизи населенных пунктов, что сильно сократило эти угодья и затруднило условия промысла. Вместо так называемых «присельных» урманов охотникам в 1920-е гг. приходилось промышлять за десятки, и даже сотни километров от постоянного жилища.

Значительные коррективы в численность промысловых видов вносили эпизоотии. В 1920-е гг. количество зайцев в таежной зоне было незначительным из-за повторяющихся эпизоотий. Нередким явлением были эпизоотии среди белок. В 1924—1927 гг. массовая гибель белок началась в нижней части бассейна р. Ваха и в соседнем с ним бассейне р. Агана. В этих районах вымерла почти вся белка. Затем она распространилась и на западные территории Тобольского округа¹⁷.

Еще один фактор, отрицательно влияющий на хозяйство населения Обь-Иртышского Севера, — болезни, поражающие домашних животных. Прежде всего это повторяющиеся эпизоотии, сокращающие поголовье северного оленя. Нередко они приобретали широкий размах и за короткий промежуток времени гибло огромное количество оленей. Практически все полярные путешественники — Миддендорф, Пютц, Шренк, Черский, Серошевский и другие — сообщают о страшных разорительных эпизоотиях оле-

ней, в результате которых «местное население за каких-нибудь несколько дней лишается всего своего достояния, что нередко приводит к гибели и самих семей»¹⁸.

А.А.Дунин-Горкавич приводит следующие статистические данные, связанные с массовыми эпизоотиями домашних оленей. В 1848 г. пало более 20 000 оленей; в 1863 г. между Войкаром и Карским морем пало более 50 000 оленей; 1870—1880 гг. — период бескормицы и болезней для оленей; в 1903 г. свирепствовали эпизоотии в низовьях Оби; 1904 г. — массовые падежи оленей в водоразделе рек Таза и Енисея¹⁹. По данным Тобольского окрисполкома за 1925 г. из-за повторяющихся два раза в десятилетие эпизоотий ежегодно вымирает до 50%, а иногда и более стад²⁰.

Особо отметим, что с 20-х гг. XX в. Тобольский Север преследовали стихийные бедствия. Это различные эпидемии и болезни (в 1925—26 гг. — эпидемии тифа и скарлатины), эпизоотии (сибирская язва), неулов рыбы и низкий промысел пушного зверя в охотничьих хозяйствах. С мест приходили постоянные сообщения о голодовках местного населения. Отмечалось плачевное положение жителей Обдорского, Березовского, Кондинского районов²¹.

На охотничий промысел, в первую очередь пушной, в первой трети XX в. на Тобольском Севере серьезное влияние оказывали миграции животных. Они чувствительно сказывались на заготовках, если тот или иной вид откочевывал в слабо населенные или плохо используемые места того или иного региона. Тем более сказывались на производительности охотничьего промысла перемещения объектов пушного промысла за границы региона или массовое их возвращение в пределы Обь-Иртышского Севера.

Итак, наряду с резкими колебаниями интенсивности приплода и миграциями пушных животных, негативно сказывались на их численности частые пожары, вырубка лесов и эпизоотии. Еще одним фактором, отрицательно влиявшим на промысловое хозяйство, являлись болезни, поражающие домашних животных. Прежде всего это повторяющиеся эпизоотии, сокращающие поголовье северного оленя, являвшегося основным средством передвижения в тайге. Именно от мобильности охотника-промысленника, его способности передвигаться на большие расстояния напрямую зависело количество добываемой им пушнины.

Налицо существенное влияние стихийных природных явлений на хозяйственную деятельность человека на Обь-Иртышском Севере в 1920-е гг.

Примечания

¹ Отчет Тобольского Окрисполкома 2-го созыва о работе за 1924—25 г. Тобольск, 1925. С. 63.

² Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 183. Л. 12.

³ Барышников М.К. Луга Оби и Иртыша Тобольского Севера. М., 1933. С. 30.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Шульц Л. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея (далее — ЕТГМ): 1911. Вып. 26. Тобольск, 1913. С. 7.

⁶ Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб., 1877.

⁷ Городков Б. Поездка в Салымский край // ЕТГМ. Вып. 26. С. 11.

⁸ Шульц Л. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым... С. 6—7.

⁹ Дунин-Горкавич А.А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. Шадринск, 1994. С. 12.

¹⁰ Шульц Л. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым... С. 7.

¹¹ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3-х т. М., 1995. Т. 1. С. 159.

¹² Рубчевский В. Леса и население Завасюганья. (Из путевых заметок лесничего). Томск, 1909. С. 18.

¹³ Сибирская Советская энциклопедия. Б. м. 1933. Т. 3. Стлб. 125—126.

¹⁴ Отчет Тобольского Окрисполкома... С. 51.

¹⁵ Куклин С.А. Сургутский район Тобольского округа: Географическое и статистико-экономическое описание. Тобольск, 1925. С. 3.

¹⁶ Государственный архив... Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 183.

¹⁷ Там же; Куклин С.А. Краткий обзор охоты в Сургутском крае // Наш край. 1925. № 8—9. С. 35.

¹⁸ Шатилов М.Б. Ваховские остяки // Тр. Томского краеведческого музея. Томск, 1931. Т. 4. С. 157.

¹⁹ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 3. С. 109—110.

²⁰ Отчет Тобокрисполкома за 1925—1926 г. Тобольск, 1926.

²¹ Там же; Отчет Тобольского Окрисполкома... за 1924—25 гг.; Отчет Тобокрисполкома за 1927 г. Тобольск, 1927.

Изубчикова Н.В.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ЖИВОТНОВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ В 1930-е гг. В ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОМ (ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ) НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Животноводство — отрасль хозяйства, существовавшая в регионе с момента появления переселенцев, начавших разведение крупного рогатого скота и лошадей. Народная селекция создала даже оригинальную их породу — приобскую. Лошади приобской породы могли тебеневать — добывать зимой корм из-под снега передними ногами.

В начале XX в. население Югры довольно неплохо было обеспечено скотом. По некоторым данным в каждом дворе держали в среднем до 5 лошадей, а в расчете на семью из 6 человек в Сургутском уезде приходилось 6 голов крупного рогатого скота и 13 голов лошадей. Как утверждает В.Е.Иваненко, это был самый высокий экономический показатель по 10 уездам Тобольской губернии¹. Однако из-за отсутствия рынка сбыта сельхозпродукции товарность его была незначительная.

В научной литературе существует мнение относительно упадка животноводства в период революции и Гражданской войны, в результате чего сельское хозяйство было основательно подорвано.

В 1930-е гг. в развитии животноводства региона начался новый этап, связанный с переселением на Север десятков тысяч спецпереселенцев, развитием сельскохозяйственной отрасли в регионе, коллективизацией и созданием общественного животноводства.

Создание общественного животноводства осуществлялось за счет изъятия лошадей и коров из индивидуальных хозяйств.

В Остяко-Вогульском округе в индивидуальных хозяйствах в 1931 г. насчитывалось 15 834 голов лошадей и 14 108 голов крупного рогатого скота. В 1932 г. количество крупного рогатого скота возросло на 25% и составило 17 741 голов, а численность поголовья лошадей несколько сократилось — 15 647. Скот в первую оче-

редь перераспределялся по колхозам и совхозам, однако в хозяйствах единоличников была сосредоточена значительная часть поголовья. Спецпереселенцы при первой же возможности стремились обзавестись скотом. Распределение крупного рогатого скота в 1932 г. показывает, что в частном секторе и в руках спецпереселенцев было сосредоточено 10 509 голов, т.е. 60% от численности всего поголовья. По численности лошадей частный сектор превосходил общественный более чем в два раза. Как известно, в дореволюционный период на Севере почти не было свиней и овец, теперь эти животные также становились объектом производственной деятельности. В 1931 г. поголовье свиней насчитывало 651, в 1932 г. — 3 273; поголовье овец в 1931 г. — 8 061, в 1932 г. — 10 020131. Таким образом, в начале 1930-х гг. благодаря труду ссыльных крестьян были заложены основы для создания и развития в Остяко-Вогульском округе общественного сельскохозяйственного производства².

В 1931—1933 гг. на колхоз приходилось 30—40 лошадей разного возраста, в конце 1930-х гг. — около 50. За 10 лет доля колхозных лошадей выросла с 29 до 78%. В 1935 г. была создана первая в округе конеферма, в 1938 г. их стало 21. Пытались скрестить местную лошадь с привозными породами — русской и орловской, но ожидаемого результата не получили.

Скотоводство 1930-х гг. базировалось на разведении местной породы, хорошо приспособленной к суровым условиям округа. Скот был мелкий, малопродуктивный, но жирномолочный. В 1931 г. от одной коровы колхозы в среднем надаивали 670 л молока, в 1940 г. — 848 л. На опорных пунктах, где сосредотачивался племенной скот — до 2500 л.

В 1931 г. на каждого жителя округа приходилось по 94 л молока (0,25 л в сутки), а в 1939 г. — по 196 л на человека (0,5 л в сутки). В 1932 г. стали создавать молочно-товарные фермы — их было 8, в 1940 г. — 207. Для коров строили теплые скотные дворы с автопоением и освещением. В 1940—1941 гг. 71% поголовья зимовало в типовых помещениях. В 1940 г. 49,6% скота содержалось в колхозах. В 1929, 1934, 1940 гг. завозили быков ярославской, тагильской, холмогорской пород для скрещивания с коровами, но обнадеживающего результата не получили.

Свиноводство было развито слабо, так как свиньям нужен зерновой корм, которого в округе до коллективизации почти не вы-

ращивали. Многие жители кормили свиней травой и рыбными отходами, но качество сала было хуже, чем при зерновом откорме. В 1937 г. создали первые свинофермы, в 1940 г. их было 82.

Таблица 1

Динамика поголовья скота в округе³

Виды скота и показатели	Годы					
	1931	1932	1934	1936	1938	1940
Лошади	15174	12554	15284	18716	21386	22328
в т.ч. колхозные	4371	3750	6090	8134	11669	17399
Крупный рогатый скот	14248	17089	19400	31913	39117	42921
в т.ч. колхозный	4506	5514	3944	7043	15144	21296
Овцы	7891	6887	7882	15582	19381	19914
в т.ч. колхозные	2069	2801	370	598	3443	6703
Свины	888	734	867	2116	3918	3761
в т.ч. колхозные	195	398	182	199	1431	2383
Олени	59424	62997	54621	58896	73561	66320
в т.ч. колхозные	3928	6548	20041	16346	20371	25107
Число ферм	—	—	21	77	248	452
Надой молока на корову, л	670	730	770	800	870	848
Валовой надой молока, тыс. ц	46,9	58,4	73,2	135,0	165,3	76,0

Овец разводили мало, поскольку не хватало суходольных пастбищ, а на пойменных овцы заболели глистными болезнями. В 1938 г. начали создавать первые овцеводческие товарные фермы, в течение года их число увеличилось до 18. В 1940 г. их стало 113, но они были небольшими. С овцы настригали 0,7 кг шерсти, и только с 1938 г. стали стричь по 1,1—1,2 кг. В колхозах содержалось 33,7% поголовья овец.

С 1936 г. стало развиваться пушное клеточное звероводство: в д. Мануйлово вблизи с. Самарово завезли серебристо-черных лисиц. В 1937 г. было 4 фермы, в 1941 г. — 31.

Птицеводство развивалось слабо, так как нужны были привозные корма и специальные помещения. В 1939 г. организовали первые 10 птицеферм, в 1940 г. их было уже 26.

В 1938 г. в округе открыли первую одногодичную сельскохозяйственную школу руководящих кадров колхозов. Для научного обеспечения сельского хозяйства работали Самаровский, Кондинский, Березовский комплексные сельскохозяйственные опорные пункты. В целом все отрасли животноводства в округе в 1930-е гг.

развивались весьма динамично, несмотря на организационные неурядицы, ошибки, бескормицу, болезни, падеж молодняка и взрослого поголовья. К 1940 г. все отрасли животноводства достигли максимума по количеству поголовья.

На голом месте, в суровых условиях северной заболоченной тайги крестьяне создали таежное земледелие и животноводство с хорошими производственными показателями, начали осуществлять механизацию трудоемких процессов. Это был уникальный опыт не только в Сибири, но и в стране. Задание о существенном сокращении завоза основных продуктов питания с «большой земли» было в значительной степени выполнено совместными усилиями колхозников, единоличников и спецпоселенцев округа⁴.

В колхозах Остяко-Вогульского округа на кануне войны отчетливо просматривался рыбохозяйственно-животноводческий профиль с развитым пушным хозяйством, который впоследствии хорошо себя зарекомендовал. Развивалось и сельское хозяйство. Накануне войны в округе имелось 370 животноводческих ферм, но поголовье скота было незначительным, хотя постоянно росло и давало 37% дохода. Всего в округе в общественном стаде было около 20 тыс. крупного рогатого скота, более 100 тыс. оленей, 788 голов свиней.

К концу 1930-х гг. в округе были созданы 3 машинно-тракторные станции с тракторным парком в 600 лошадиных сил. Улучшилось положение с кадрами. В 1939 г. в округе работали 24 зоотехника, из них 15 имели высшее образование, и 38 агрономов, 14 из которых были с высшим образованием.

Таким образом, в животноводстве округа накануне войны просматриваются количественные и качественные изменения, что свидетельствует хотя и о медленных, но все же модернизационных процессах, которые были бы немыслимы без титанического труда ссыльных и коренных жителей.

Примечания

¹ Югория. Энциклопедия ХМАО. Ханты-Мансийск, 2000. Т.1. С. 316.

² Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг: политическая, экономическая и культурная трансформация: Монография. — Нижневартовск: изд. Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006. С. 183.

³ Иваненко А.С., Иваненко В.Е. Сельское хозяйство Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) национального округа в 1930-е гг. // Северо-Западная Сибирь в прошлом и настоящем: Сб. материалов рег. науч. конф., посв. 35-летию г. Нижневартовска / Отв. ред. Я.Г.Солодкин — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2007. С. 18.

⁴ Мошкин В.В. Ссылка крестьян на Север 1930—1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа): Монография — Нижневартовск, НГГУ, 2008. С. 14.

Казакова Н.С.

О РАБОТЕ ШКОЛ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ И МАЛОГРАМОТНОСТИ В ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОМ (ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ) НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В 1930-е гг.

Исследованию процессов ликвидации неграмотности и малограмотности как одному из приоритетных направлений культурной революции в советской историографии уделялось большое внимание. Вопросам ликвидации неграмотности и малограмотности на Севере Западной Сибири посвящены обобщающие труды В.А.Зибарева, Л.Е.Киселева и М.Е.Бударина, общим для них являлось однозначно положительное оценивание культурных преобразований в регионе^{1,2,3,4}. В современной историографии вопросы ликвидации неграмотности на Севере Западной Сибири нашли некоторое отражение в работах Л.В.Алексеевой, Н.И.Патрикеева, М.М.Ишбаева^{5,6,7}. Однако, многие сюжеты остаются невыясненными до сих пор. Автор, учитывая имеющиеся достижения в изучении проблемы пытается не только обобщить полученные результаты, но и дополнить их новыми фактами, идеями, выводами.

Ликвидация неграмотности как одна из ключевых задач ставилась советским правительством сразу же после Октябрьской революции, необходимость данного мероприятия была обусловлена начинавшимся социальным экспериментом, для которого нужны были грамотные люди. В политике по ликвидации неграмотности можно выделить несколько направлений: подготовка кадров (ликвидаторов), непосредственное обучение грамоте, осуществление

начальной профессиональной подготовки, создание письменности для коренных народов Севера.

На протяжении описываемого десятилетия осуществлялся поиск оптимальных форм и способов организации ликвидации неграмотности, учитывавший особенности хозяйственной деятельности, языка каждого народа. Наиболее распространенным методом ликвидации неграмотности в 1930-е годы было обучение в школах, которые открывались в наиболее крупных населенных пунктах, а также при культбазах. Занятия в школах неграмотных и малограмотных, как правило, начинались с 1 апреля и продолжались до 1 ноября, что было связано с путиной (лов рыбы) проходившей в указанные сроки, и, как следствие, концентрацией людей в этих местах⁸.

Содержание работы школ неграмотности и малограмотности определялось направлениями государственной политики в области ликвидации неграмотности — привлечение к обучению неграмотных и малограмотных, непосредственное обучение грамоте, профтехнизация, политпросвещение.

Перед органами народного образования ставилась задача стопроцентного охвата обучением неграмотных и малограмотных. Привлечению к обучению неграмотных и малограмотных способствовало постоянное увеличение количества школ и ассигнований на нужды просвещения.

В 1937 г. по округу насчитывалась 212 школ ликвидации неграмотности среди взрослых (1—2 годичные школы), 8 школ для подростков, 18 школ повышенного типа (школы — семилетки). В них работало 125 культармейцев, 86 платных учителей и 103 учителя начальных школ в порядке общественной нагрузки⁹. Окончательное оформление школьной сети для неграмотных и малограмотных произошло к 1939 г. (См.: табл. 1)

Таблица 1

Сведения о сети школ для неграмотных и малограмотных в Остяко-Вогульском округе в 1939 г.¹⁰

Район	Количество школ		Количество окончивших	
	Для неграмотных	Для малограмотных	Не грамотных	Мало грамотных
Микояновский	5	-	197	198
Самаровский	12	7	392	159

Березовский	45	8	Св. нет	Св. нет
Сургутский	35	1	10	15
Ларьякский	4	-	47	27
Всего	111	16	646	399

Из данных таблицы можно сделать вывод о том, что, несмотря на достаточное количество школ неграмотных и малограмотных выпуск этих школ был не велик. Количественные данные, полученные благодаря анализу документов, извлеченных из фондов Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа, позволили выявить динамику охвата обучением в округе на протяжении всего десятилетия (См.: табл. 2).

Таблица 2

Динамика охвата обучением в школах неграмотных и малограмотных округе в 1930-е гг.^{11,12}

Годы	Всего	% от планируемого
1931	3557	32%
1932	7794	103%
1934	Св-я не выявлены	32%
1935	7080	Св-я не выявлены
1936	4688	28%
1937	4254	32,2%
1938	4585	Св-я не выявлены
1939	4328	Св-я не выявлены

Из данных таблицы видно, что наибольший охват неграмотных и малограмотных школами пришелся на 1932 и 1935 гг., что связано с притоком в край спецпереселенцев. Так, в сводке о численности неграмотных и малограмотных на 1 июня 1932 г. приводились данные о том, что показатель охвата обучением спецпереселенцев превысил планируемый на 138%¹³. Незначительное изменение количества неграмотных и малограмотных охваченных школой можно наблюдать, в связи с распространением других форм организации ликвидации неграмотности — школ для взрослых прикрепленных к отдельным предприятиям, средних заочных школ.

Добиться полного охвата обучением неграмотных и малограмотных, главным образом туземного населения, не удалось и в последующие годы. Причины нежелания учиться, вероятно объяснялись недоверием туземного населения ко всему советскому,

подогреваемые принудительным характером вербовки, и главное — отсутствием непонимания необходимости образования и неспособности культпросвет работников им этого объяснить.

Работа школ неграмотных и малограмотных на Севере велась по направлениям: обучение грамоте, ликвидация зоо- и агронеграмотности, политпросвещение. Характерно, что еще в первой половине 1930-х гг. разрабатывались программы для школ неграмотных и малограмотных, публиковавшиеся на страницах окружной газеты Ханты-Манчи шоп.

Само появление учебных программ свидетельствовало о попытке тщательной организации работы ликпунктов и школ — определении содержания учебного материала и точных сроков и последовательности его прохождения, требований к освоению программы. «Каждый культармеец должен хорошо знать программу школы или ликпункта, разбив ее по месяцам, составить расписание занятий и работать по плану. Перед каждым уроком нужно наметить не только то, что надо пройти, но и как пройти, как объяснить то или иное правило, какую работу дать учащимся»¹⁴. Так, в газете Ханты-Манчи шоп за 1932 г. был опубликован учебный план школы грамоты, который включал в себя следующие дисциплины: обществоведение — 90 часов, родной язык — 220, математика — 150, агрозоотехас — 90¹⁵.

Выпускники школы грамоты должны были уметь медленно прочесть простой шрифт, коротко записывать доступно для других свою мысль. Окончившие начальную общеобразовательную школу для взрослых должны были овладеть следующими знаниями и умениями: 1) читать 250 слов в минуту; 2) записывать свою мысль до 30 букв в минуту; 3) знать нумерацию с любой величины, сложение, вычитание и умножение; 4) иметь представление о географической карте¹⁶. Для народов Севера грамотным считался человек, умевший читать по слогам и подписать свою фамилию¹⁷.

Достаточно интересным представляется процедура проведения выпускного экзамена, рекомендованная для школ. Экзамен представлял из себя урок, и проводился в форме беседы по основным вопросам общественно-политической жизни: выполнение пятилетнего плана и колхозного строительства. Экзаменующая комиссия, состоящая из ликвидатора, учителя-методиста и инструктора

из ОДН, определяла то, насколько активна политическая позиция выпускников, и технику чтения. Выпуск окончивших школу сопровождался торжественным вечером¹⁸.

Однако в реальности, организация работы школы и процесса обучения в ней оставляли желать лучшего. Состоявшаяся в июне 1937 г. в Остяко-Вогульске, конференция учителей и учащихся школ малограмотных и неграмотных подвела итоги работы школ поселка за текущий год: «за зиму 1936—37 г. вместо 220 обучалось всего 96 человек, а испытания сдали 88 учащихся. В начале учебного года в поселке было всего 11 школ, в которых обучалось большое количество учащихся, к концу же учебного года, многие перестали посещать учебу. Многие школы взрослых не были обеспечены ни учебными программами, ни методическими указаниями, ни постоянными помещениями. Вдобавок учителя часто сменялись. Поселковый совет и работники ОкрОНО не позаботились о дифференцированной разбивке неграмотных и малограмотных по группам, поэтому одним было учиться легко, другим трудно. Социалистического соревнования между школами не было. Культурной и массовой работы с учениками школ малограмотных никто не проводил»¹⁹.

Частыми были случаи, когда школы после нескольких занятий прекращали свою работу. В газете «Остяко-Вогульская правда» за 1937 г. сообщалось, что в Остяко-Вогульске прекратили свою работу школы взрослых повышенного типа, при парткабинетах и в райсоюзе. «В ходе учебы профорганизации поселка и поселковый совет совершенно неудовлетворительно руководил работой школ. Обязанность общественных организаций поселка сейчас состоит в том, чтобы приступить организованно к комплектованию новых школ ... поселок еще до сих пор насчитывает неграмотных и малограмотных до 300 человек»²⁰. Итак, несмотря на постоянные призывы к достижению 100% охвата ликвидацией неграмотности, не было создано ни материально-технических и финансовых условий, ни кадрового обеспечения для осуществления ликвидации неграмотности.

Организация школ и других стационарных пунктов ликвидации неграмотности потребовала поиск менее затратных способов ликвидации неграмотности, что и обусловило появление в конце 1930-х гг. такой формы обучения грамоте как *заочное обучение в средней школе*. Для обучения в заочную среднюю школу прини-

мались без возрастных ограничений, на условиях вступительных испытаний. От вступительных испытаний освобождались лица, окончившие начальную школу не более 5 лет назад.

Учащиеся заочной формы обучения обеспечивались специальными учебниками «Средняя школа на дому», которые должны были быть доступными для понимания и без помощи учителя. Каждый выпуск содержал материалы по нескольким предметам данного класса, в них же были вопросы для контрольных работ. Успешно выполняющие задания могли закончить свое обучение раньше. Для консультации заочников открывались консультационные пункты при средних и неполных средних школах, при условии, что их количество будет более 20. По окончании курса заочного обучения за тот или иной класс, заочники получали удостоверение о прохождении курса этого класса заочным обучением²¹. К сожалению, сведений о том, сколько малограмотных обучалось в средней заочной школе не выявлено, что в настоящее время не позволяет определить их значение в ликвидации неграмотности.

Существование различных способов организации работы школ неграмотности, свидетельствовало о попытках сделать возможным обучение всех неграмотных с одной стороны, и делать этот процесс менее затратным для государства — с другой.

Работа школ ликвидации неграмотности и малограмотности зачастую не имела достаточного материального подкрепления, из-за чего школы были вынуждены прекращать занятия. Следует заметить, что стационарная школа относительно других способов организации ликвидации неграмотности, к примеру, школы в составе экспедиций Красного чума (Красный чум представлял из себя передвижной центр, в котором осуществлялось обучение работниками культбазы, создавался внутри тайги и передвигался по местам кочевий населения) находилась в более выгодном положении: обучение проходило по определенной программе, существовали четкие требования к знаниям выпускника, занятия проходили относительно систематически.

Однако, задача полной ликвидации неграмотности к 1937 г., как это планировалось, не была выполнена, не была она выполнена и к началу войны, в силу неразрешимого противоречия между немислимыми плановыми показателями ликвидации неграмотности и реальными возможностями государства их достиг-

нуть, показатели охвата школами обучением неграмотных и малограмотных так и не превысили 32%.

Примечания

¹ Бударин М.Е. Настоящее и прошлое народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952.

² Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968.

³ Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974.

⁴ Киселев Л.Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Север РСФСР (октябрь 1917—1941 гг.). Томск, 1989.

⁵ Алексеева Л.В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920—1941 гг. Екатеринбург, 2003.

⁶ Патрикеев Н. Первые шаги народного образования в округе (1931—1941 гг.) // Югра. 1992. №10. С. 37—38.

⁷ Ишбаев М.М. Становление национальной школы в Ларьякском районе. Нижневартовск, 1998.

⁸ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа

(далее — ГАХМАО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 80. Л. 16.

⁹ Школы взрослых // Остяко-Вогульская правда 1937. 21 мая.

¹⁰ ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 125. Л. 5,7,10,12.

¹¹ ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 132, 133. Д. 80. Л. 9, 17. Д. 81. Л. 3,7.

¹² Архивный вестник: Просвещение в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. / Сост. Набокова Л.В. Ханты-Мансийск, 2000. С. 19.

¹³ Архивный вестник: Просвещение в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. / Сост. Набокова Л.В. Ханты-Мансийск, 2000. С. 21.

¹⁴ Без программы нет правильной работы школы // Ханты-Манчи шоп. 1932. 23 октября.

¹⁵ Без программы нет правильной работы школы // Ханты-Манчи шоп. 1932. 23 октября.

¹⁶ Об обязанностях ОДН // В помощь школе взрослых. Сб. материалов по организации и методике работы по ликвидации неграмотности и малограмотности. Новосибирск, 1939. С. 14—17.

¹⁷ *Алексеева Л.В.* // К вопросу о результатах ликвидации неграмотности на Севере Западной Сибири к концу 1930-х гг. // Образование в Западно-Сибирском регионе: история, современность, перспективы. Тобольск, 2004. С. 13—14.

¹⁸ Государственное учреждение Государственный архив Тюменской области. Ф. 84. Оп. 1. Д. 289. Л. 2.

¹⁹ Решительно улучшить работу школ взрослых // Остяко-Вогульская правда. 1937. 16 июня.

²⁰ Школа взрослых // Остяко-Вогульская правда. 1937. 21 мая.

²¹ Заочная общеобразовательная средняя школа. Условия приема // Остяко-Вогульская правда. 1937. 21 мая.

Хазиева И.Ф.

О ВИДАХ КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ХМАО В 1930-х гг.

Бурные и трагические события начала XX в. не сразу отразились на жизни Обь-Иртышского Севера. Пока Европейская Россия и, особенно, ее столицы и крупные города переживали революции и войны, смену правительств и разнообразные кризисы, пока общественные и государственные деятели разного ранга и политических ориентаций спорили о том, каким путем должна идти Россия, жители далеких северо-восточных окраин страны решали свои проблемы, не столь глобальные, но крайне важные для них самих. Основой существования населения Обь-Иртышья, как аборигенного, так и старожильческого русского, оставалось традиционное хозяйство, связанное с присваивающими промыслами. Занятия этими промыслами накладывали свой отпечаток на быт, образ жизни, повседневную культуру северян.

Национально-региональные особенности, иные темпы распространения средств и форм, возникновение специфических учреждений советской культуры на Севере Западной Сибири позволяют определить культурные преобразования здесь как многофакторный процесс с присущими ему различными сторонами. рассмат-

ривая культурные процессы в советский период, необходимо иметь в виду факторы, которые влияли на их развитие. Нельзя не учитывать культурного наследия и общего уровня развития региона, государственной политики, реализуемой на Севере, и ее приоритетов.

Трудности социально-экономических и культурных преобразований, с которыми встретились советские и партийные активисты, побуждали их к поиску таких форм и учреждению которые бы способствовали распространению культурного влияния среди коренных жителей. В печати тех лет высказывались предложения (как советскими работниками, так и учеными) насчет создания на Севере специфических опорных пунктов для распространения новой культуры, которые в условиях малой плотности населения были бы привлекательны для аборигенов и несли в себе культурно-просветительные функции. На Крайнем Севере возникло несколько типов учреждений такого рода. В их числе — дома народов Севера, дома туземцев, красные чумы и красные лодки, а также культурные базы¹.

Красные чумы формировались как опорные очаги распространения идей советской власти и культурных начал в отдаленных и труднодоступных районах тундр и тайги. Распространенное в советской историографии утверждение, что красные чумы являлись проводниками советской культурной политики, не подкреплялось в трудах В.А.Зибарева, Л.Е.Киселева, М.Е.Бударина конкретными фактическими примерами, а ограничивалось лишь констатацией. Новые источники позволяют более пристально рассмотреть деятельность красных чумов, хотя стоит заметить, что источниковая база по изучению деятельности названных учреждений, весьма специфических и характерных только для Севера, невелика.

Зарождение красных чумов было характерно вначале для Остяко-Вогульского округа. Тобольским Комитетом Севера было дано задание Интегральному товариществу совершить поездку в глубь Назыма с целью проникновения к туземцам и установления с ними хозяйственных контактов. Самаровское интегральное товарищество организовало экспедицию на Тобольский Север, формирование которой относится к осени 1930 г. Таким образом, организация и работа первого красного чума прослеживается с осени 1930 г. Однако первые мероприятия по их созданию, воз-

можно, начались чуть раньше. Инициативу в их создании следует приписать Тобольскому комитету Севера и Тобольскому окрисполкому. По другим данным Красные чумы стали создаваться в 1927 г.².

Очевидно, что инициатива создания чумов исходила от тобольяков, однако необходимыми средствами Комитет Севера и окроно не располагали, поэтому рассчитывали на помощь хозяйственных организаций. В 1931 г. Комитетом Севера совместно с окружными отделами образования планировали открыть 3 чума: по одному в Обдорском, Сургутском и Березовском районах. За период 1930-х гг. в округе работало 8 чумов. Деятельность чумов сводилась к просветительским мероприятиям, санитарным работкам, распространению навыков культуры быта. Преобладающими были формы устной работы, носившие агитационно-пропагандистский характер. У чумов существовали различные материальные проблемы: несвоевременное финансирование, недостаток средств, отсутствие необходимого оборудования. Число чумов было невелико, приблизительно по одному на район, поэтому, естественно, они не могли оказать решающего влияния на развитие культуры на обслуживаемой территории.

Очагами распространения новой культуры были *дома народов Севера*. Иногда они носили название «Дом туземца». В местах активной торгово-заготовительной деятельности народные дома возникли уже в начале 1930-х гг. Так, в 1930 г. (18 ноября) на партсобрании Ларьякской ячейки обсуждался вопрос о работе нардома. В частности, говорилось об оживлении работы правления нардома и красного уголка, а также о найме сторожа на период ярмарки. Нардом являлся своего рода и гостиницей, и местом для отдыха, а также в нем можно было узнать все новости.

В доме народов Севера была сосредоточена вся культурно-массовая и политико-воспитательная работа по обслуживанию приезжего национального населения, служащих. Работа в клубе проводилась через сеть разнообразных кружков ликвидации неграмотности и малограмотности в летний период. Формы культурно-массовой работы были очень разнообразны: индивидуальные беседы с отдельными ханты, проведение лекций на разные темы, докладов, киносеансов, кружковой работы, вечеров самодеятельности.

Красные уголки упоминались довольно часто в ряду учреждений культуры. В конце 1930-х гг. размещение красных уголков осуществлялось на всех предприятиях, в колхозах и совхозах. Так, смета на оборудование типичного красного уголка предполагала приобретение бюста вождя, портретов руководителей государства, а также приобретение мебели, радиолы с пластинками, шахмат, наглядных пособий.

В числе культурно-просветительских учреждений были красные лодки — явление, характерное только для Крайнего Севера. Под «красными лодками» выступали плавучие средства, которые в летнее время использовались культбазами, домами народов Севера, красными чумами, для того чтобы попасть в отдаленные юрты, пески и провести там соответствующие культурные и политпросветительские мероприятия. Известно, что в летнее время на Сосьвинской культбазе работала плавучая культбаза, которая проводила культмассовую работу среди населения. Красная лодка имела на Ямальской культбазе, которая работала во время летнего рыбного промысла. На лодке находился медицинский работник, работники дома народов Севера, работники школы, корреспондент газеты «Правда тундры». Весной и летом 1938 г. основная задача лодки состояла в организации медицинского обслуживания колхозников и единоличников, проведении санитарно-просветительской работы, помощи в организации социалистического соревнования, проверке и оказании помощи массовикам-ликвидаторам неграмотности. Культлодка имела на Казымской культбазе. Весной и летом сотрудники базы выезжали на ней к аборигенам и проводили соответствующие мероприятия.

Клубы как культурные учреждения также имелись, но в небольшом количестве. Так, в Самарово работал рабочий клуб с 1935 г. За помещением следили плохо. Везде была грязь, стоял холод. Работала изба-читальня; сотрудники клуба проводили лекции, собрания, однако в целом клуб не являлся центром культуры. К этому не располагал ни его внешний вид, ни материальная база, ни его работники.

Комплексными учреждениями культуры являлись культурные базы, где сосредотачивался комплекс культурно-просветительских и хозяйственных учреждений. Культбазы являлись показательными центрами нового образа жизни для коренного населе-

ния. Всего в округе действовало две культбазы: Казымская и Сосьвинская.

Примечания

¹ См.: Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация: Монография. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006. С. 246.

² Югория. Энциклопедия ХМАО. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 79.

Канзафарова М.М.

О ПРОБЛЕМЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Обращаясь к вопросам истории кадровой политики 1930-х гг., следует иметь в виду, что указанные процессы обуславливались политической и экономической ситуацией в стране, приоритетами ее развития в 1930-е гг. и огромным влиянием партийной номенклатуры на государственные и общественные органы управления, на жизнь советского государства и общества в целом.

Основы кадровой политики 1930-х годов сформулированы, прежде всего, в работах И.В.Сталина, что весьма закономерно в условиях модернизации экономики и укрепления режима личной власти. И.В.Сталин отмечал: «...Проблема кадров превратилась у нас в проблему поистине животрепещущую, ибо перед нами стоят колоссальные задачи реконструкции всего народного хозяйства, требующие большого количества новых кадров, способных овладеть новой техникой...», притом таких кадров «... которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть»¹. Дефицит кадров обусловил постановку и реализацию задач планового распределения рабочей силы и подготовки новых кадров. В этой связи, З.Мордухович в работе «Использование трудовых ресурсов и подготовка кадров» заметил: «Резко изменившееся положение рынка труда заставило Народный комиссариат труда поставить перед правительством во всей широте вопрос о

плановой организации наилучшего использования и перераспределения наличных кадров. Партия и правительство возложили на Народный комиссариат труда и его органы наблюдение за правильным использованием рабочей силы в производстве. Это постановление было вызвано тем, что в области использования рабочей силы имеется много недочетов. Плохое использование рабочей силы приводит к чрезмерно раздутому спросу, к образованию в одних частях производства скрытых и явных излишков рабочей силы, в то время как на других участках ощущается острая нехватка в рабочей силе»².

Учитывая большое значение Уральской области в промышленном развитии страны, здесь особое внимание уделялось рабочим кадрам, их обучению, формированию системы подготовки квалифицированных рабочих различных специальностей.

Решение указанных задач предстояло осуществлять в условиях, особенностью которой являлось слабое функционирование экономических методов управления. Сохранялась огромная текучесть рабочей силы. Хозяйственные органы оказались не в состоянии эффективно осуществлять руководство подготовкой рабочих кадров. Партийным комитетам, считают С.П.Постников и М.А.Фельдман, приходилось все в большей степени брать на себя функции планирования, контроля и координации развития системы подготовки рабочих кадров.

Установки на расширение сети обучения и повышение качества подготовки рабочих были даны в постановлениях ЦК ВКП(б) «О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях к ее ослаблению» (1929 г.), «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью» (1930 г.), в постановлении ЦИК СССР «По докладу о мероприятиях по подготовке квалифицированной рабочей силы для народного хозяйства Союза ССР» (1931 г.)

Нельзя не отметить, что с конца 1920-х гг. в работе партийных организаций все больше утверждался директивный стиль руководства: постоянно меняющиеся, нередко противоречащие друг другу плановые задания, частые кадровые перестановки в системе профтехобразования и профессиональной подготовки кадров.

В годы первой пятилетки партийные комитеты постоянно рассматривали вопросы подготовки рабочих кадров для Уральского

региона, но принимаемые решения нередко носили слишком общий и декларативный характер и зачастую не выполнялись нижестоящими органами.

Кроме партийных комитетов свой вклад в подготовку рабочих кадров внес комсомол, который до начала 1930-х гг. в проходивших дискуссиях отстаивал принцип политехнического образования молодежи. Выступал инициатором открытия новых учебных заведений, заботился об условиях труда и быта подростков. Однако после провозглашения лозунга «лицом к производству», комсомол в значительной мере стал утрачивать свои основные функции — идейно-воспитательную и функцию защиты специфических интересов молодежи, превращаясь в придаток партийно-государственного аппарата.

С.П.Постников и М.А.Фельдман пришли к выводу, что в целом в годы первой и начале второй пятилеток не сложилась эффективная система руководства подготовкой рабочих кадров. Этой работой занимались партийные, профсоюзные и комсомольские организации, органы труда и народного образования, управления (отделы) кадров хозорганов, добровольные общества «Техника — массам» (за овладение техникой). Контролирующие функции неоднократно выполняли областные РКИ, которые по заданию партийных органов проводили проверки состояния подготовки кадров на отдельных предприятиях и в учебных заведениях³.

Уральская областная плановая комиссия проделала большую работу по учету имеющихся кадров в области. Проанализировав потребности в рабочей силе, Уралплан представил Уралоблсполкому перечень кадров, необходимых для развития экономики области (См.: табл. 1).

Таблица 1

Сводный баланс покрытия дополнительной потребности в кадрах⁴

Показатель	Годы				Итого:
	1929—30	1930—31	1931—32	1932—33	
<i>1. Высшая квалификация</i>					
Дополнительная потребность	4154	4725	4823	7192	20894
Покрытие					
Выпуски уральских	502	651	884	3258	5295

ВУЗов					
Контрактация во внеобластных ВУЗах	1801	1920	2094	1720	7535
Приглашение зарубежных специалистов	58	143	186	219	606
Заочное обучение	64	141	131	156	492
Институт повышения квалификации	398	555	613	860	2426
Избыток (+) или недостаток (-)	-1331	-1315	-915	-979	-4540
2. Средняя квалификация					
Дополнительная потребность	9653	9715	10764	15034	45166
Выпуски уральских техникумов	1334	1592	3923	10356	17205
Контрактация во внеобластных техникумах	1	100	134	36	271
Заочная подготовка	-	15	50	65	130
Краткосрочные курсы	419	709	538	590	2256
Выпуски школ II ступени	261	479	911	1952	3603
Институт повышения квалификации	2483	3058	1913	1421	8875
Избыток (+) или недостаток (-)	-5155	-3762	-3295	-614	-12826

Сведения, представленные в таблице позволяют сделать вывод, что дефицит в специалистах высшей квалификации составлял 4540 человек, а в среднем техническом персонале — 12826 человек.

Особо актуальное значение приобрел вопрос организованной передвижки рабочих с целью получения ими более высокой квалификации. Для того, чтобы передвижка не проходила самотеком, правительство предложило ВСНХ совместно с заинтересованными ведомствами разработать порядок плановой передвижки рабочей силы.

В целях усиления подготовки продвиженцев правительство обязало хозяйственные органы широко развернуть на предприятиях дополнительную сеть краткосрочных курсов с таким расчетом, чтобы схема дополнительного обучения обеспечила охват в первую очередь ударников.

Плановая передвижка рабочей силы, организованная в широких размерах, рассматривалась не только как способ покрытия значительной части потребности в квалифицированных кадрах того или иного предприятия, но и как необходимая предпосылка для организации перераспределения занятой рабочей силы между отдельными предприятиями и отраслями.

В Постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью» от 20.10.1930 г. в пункте 1 отмечалась крайняя медлительность и бесплановость в подготовке рабочей силы для важнейших отраслей народного хозяйства (металлургия, горная промышленность, химия, транспорт, строительство). Центральный комитет обязал ВСНХ, НКПС и НКТ обеспечить эти отрасли плановой подготовкой и распределением рабочей силы, выделив персонально ответственных лиц, ведающих подготовкой и правильным распределением рабочих на предприятиях.

Особое место в кадровой политике 1930-х годов занимали чистки местных аппаратов ВКП (б) и Советов, в 1929—1930 гг. одновременно с чисткой партийных организаций была проведена чистка государственного аппарата от «чуждых элементов». В постановлении пленума Уралобкома ВКП (б) «О чистке советского аппарата» (май 1930 г.) была обозначена ее основная задача: «очистка советского аппарата от чуждых и разложившихся элементов, неспособных и не желающих проводить на деле генеральную линию партии»⁵. Она «превратилась в крупнейшее политическое мероприятие по улучшению госаппарата». На Урале принимали участие в ней около миллиона рабочих и крестьян. Почти везде помещения, где проходили собрания, не вмещали желающих присутствовать. В результате проверки и чистки, по данным на январь 1931 г., был исключен из советских, хозяйственных и кооперативных органов 6 921 сотрудник, в том числе из низового звена аппарата — 4 806 человек. Взамен них в советский аппарат были выдвинуты 1 620 человек, в их числе рабочие с производства — 1100 человек⁶.

Таким образом, заметно было изменение характера чисток 1930-х годов по сравнению с предыдущим десятилетием: из внутреннего мероприятия партийных и советских органов они постепенно превращались в широкомасштабные массово-

политические кампании. Их размах и степень привлечения населения на протяжении 1930-х годов неуклонно возрастали. Многочисленный документальный материал свидетельствует о значительном участии простых граждан в этих массово-политических мероприятиях.

Очередная масштабная Компания по ротации советских кадров состоялась в 1933 г. Точно так же, как и в 1930 г., она происходила вслед за партийной чисткой. На Урале начало ей положило постановление областной комиссии по чистке ВКП (б) от 20 сентября 1933 г., за которым последовали два совместных постановления бюро Уралобкома и областной комиссии по чистке партии от 2 октября 1933 г. Цикл постановлений замыкало решение президиума Уралоблисполкома от 13 октября 1933 г.⁷

Содержание этих документов во многом дублировалось. Партийная чистка выявила в Свердловском горсовете свыше 10 так называемых «чуждых элементов». Вслед за этим были проверены все крупнейшие горсоветы Урала, где констатировались серьезные упущения в выполнении решений партии, а также наличие классовых врагов. Бюро партячейки ВКП (б) Свердловского горсовета обвинялось в «отсутствии классовой бдительности, контроля за работой горсовета, политической недооценке организационно-массовой работы». В горсовете из 995 депутатов остались только 197. Партийные и советские постановления ставили перед парторганизациями и местными органами власти в качестве первоочередной следующую задачу: «беспощадно разоблачая классового врага и его оппортунистическую аппаратуру, очищать свои ряды от двурушников, перерожденцев, жуликов с партбилетами, оппортунистов всех мастей».

В итоге такой политики, а также проводимой на Урале в 1933 г. чистки партийных ячеек в Советах были сняты председатели почти всех крупнейших горсоветов (Свердловск, Лысьва, Магнитогорск, Челябинск, Пермь, Молотово, Надеждинск и др.). В 11 горсоветах Урала были исключены из партии около 30% членов (по РСФСР в среднем — 13,4%)⁸. Только за один месяц был выявлен среди 137 председателей райисполкомов 31 человек, служивший в белой армии (например, председатель Больше-Сосновского райисполкома И.М.Полонянкин, член ВКП (б) с 1919 г., был уволен за двенадцатидневную службу у Колчака⁹). Велика была сменяе-

мость среди председателей райисполкомов и в предшествующей период. С 1 апреля 1932 г. по 1 апреля 1933 г. на 67% этих должностей по Уралу руководство сменилось не по одному разу. По РСФСР за тот же период — 52%. Среди причин подобного явления абсолютно доминируют переводы на другие должности, в другие регионы (свыше 70%)¹⁰. Частое перемещение руководящих кадров с одного места на другое было неотъемлемой чертой кадровой политики руководства страны.

В сельских советах Урала чистка началась несколько раньше. Толчок ей дала программная речь И.В.Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) «О работе в деревне» (1933), в которой он настоятельно рекомендовал изменить тактику борьбы с классовым врагом. Врага надо было искать уже не «в виде людей со зверской физиономией», а внутри колхоза среди кладовщиков, завхозов, секретарей и т.д.¹¹. Постановление президиума Уральского обласполкома от 14 апреля 1933 г. «О мероприятиях по дальнейшему укреплению советской работы в деревне» обязывало райисполком в декадный срок (с 12 по 25 апреля) проверить председателей и заместителей председателей сельсоветов, а также «обеспечить замену тех председателей сельсоветов, которые оказались неспособными четко проводить на практике директивы партии и правительства»¹².

Только за 1933 г. по 2 364 сельсоветам Уральской области были сняты 1 789 председателей, что составило 75,7%. Основными причинами, указанными в официальных документах, являлись искривление классовой линии, сращивание с классово чуждыми элементами, бюрократизм, бездеятельность, пьянка. В Курганском районе в период подготовки к севу 1933 г. были уволены «за необеспеченность руководства» 62% председателей сельских Советов. По этому же району за 1932—1933 гг. в целом обновился состав партийных кадров сельсоветов на 80%. Это было связано, главным образом, со снятием с работы за нарушение «революционной законности, дискредитацию» и т.п.

Уралобласполком, стремясь как-то ограничить столь широкое «избиение» кадров, в конце июля 1933 г. принял специальное постановление, которое обязывало организационный отдел обласполкома вести решительную борьбу с текучестью председателей сельсоветов, изжить массовые случаи их назначения сверху

без утверждения избирателями¹³

Но, как показала практика, сделать это было очень трудно, так как кампания за социальную чистоту Советов, исполнение руководящих целеуказаний под страхом наказания, смерти превращалась уже в систему работы. Она действовала на протяжении 1930-х годов и давала иногда позитивные результаты. Особенно это было заметно в сложные моменты истории: в начале 30-х годов, в период Великой Отечественной войны.

Несмотря на то, что политический и экономический кризис 1933 г. сменился к 1935 г. относительной стабилизацией, а затем и некоторым подъемом производства, председатели сельских Советов по-прежнему работали под страхом наказания, увольнения. Только за 6 месяцев 1934 г. в Шадринском районе Челябинской области были сняты с работы 18 председателей сельсоветов из 52, 10 их заместителей, 9 секретарей, 3 счетовода. Многих из них отдали под суд. При этом преобладали формулировки «как несправившийся с работой», «как классово чуждый элемент», «за искривление классовой линии». С аналогичными определениями в 1931—1934 гг. по Курганскому району Челябинской области уволили 73 председателей по 48 сельсоветам, 50 секретарей. Руководящие работники низового звена (председатели сельсоветов, колхозов) привлекались к ответственности даже за несанкционированный вышестоящими органами выезд за пределы сельсовета в период массовых кампаний (уборочная, посевная).

Острая нехватка работников сельсоветов компенсировалась периодическими «вливаниями» кадров из города. Широко практиковалось назначение руководителей на выборные должности. Зачастую председатели сельсоветов даже не являлись членами руководимого ими Совета. Городские кадры, присланные в деревню, по различным причинам долго не задерживались на местах. В 1934 г. из города в сельские Советы Челябинской области были посланы для работы 500 человек, из них к лету 1935 г. работали только 48.

В связи с этим Оргкомитет Советов Челябинской области в постановлении от 22 августа 1934 г. «Об организационной работе Советов» запретил смещение номенклатурных работников без разрешения орготдела. Постановление не изменило положения, но несколько снизило процент увольняемых. За 2,5 месяца по Катавскому району были сняты 5 председателей сельсоветов из 11, в

Каменском районе — 9 человек, перемещены — 4, в Курганском — 3, в Шадринском — 5 человек. По этому поводу в марте 1935 г. вновь принимается постановление президиума Челябинского облисполкома «О порядке снятия и перемещения председателей сельсоветов». Оно в категорической форме требовало от руководства райисполкомов прекратить подобную практику увольнения председателей сельских Советов без специального в каждом случае разрешения президиума облисполкома.

Образовательный и квалификационный уровень работников Советов 1930-х годов был довольно невысок (например, свыше 70% председателей райисполкомов Уральской области в 1933 г. были малограмотными («низшее образование») и 75,9% из них со стажем работы на этой должности до одного года¹⁴. В сельских советах положение было еще более сложным. По данным информационного отдела Президиума ВЦИК РСФСР, около 97% председателей и секретарей сельсоветов РСФСР в 1936 г. имели низшее образование. Как отмечал автор одной из статей в журнале ВЦИК, формальная (т.е. засвидетельствованная школьным удостоверением) грамотность в ряде случаев не соответствовала фактической, и «среди лиц, числящихся получившими низшее образование, есть много таких, которые едва умеют читать и писать»¹⁵. Среди слушателей школы советского строительства Свердловской области в 1936 г. насчитывалось 27% учащихся, не окончивших начальной школы. Из 512 председателей сельсоветов, прослушавших месячные курсы в 1936 г., 36% были малограмотными¹⁶.

Существующее положение требовало активных действий со стороны органов власти по повышению квалификации и общеобразовательного уровня работников местных Советов. Начало этому было положено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1930 г., решением Президиума ВЦИК от 20 апреля 1931 г. «О единой системе подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству»¹⁷. До 1930 г. существовали краткосрочные областные и межрайонные курсы подготовки и переподготовки работников местных Советов, которые проводились эпизодически (по решениям местных партийных и советских органов). Юрист того времени А. Ангаров отмечал в 1929 г., что «делу подготовки и переподготовки кадров низового советского аппарата до сих пор не уделялось почти никакого внимания»¹⁸. Комму-

нистические вузы, первоначально организованные для подготовки этих работников, превратились в высшие учебные заведения партийного типа. Из их учебных программ была изъята дисциплина «советское строительство».

На Урале система подготовки номенклатурных советских работников была заложена постановлением Уральского обкома ВКП (б) «О подготовке и переподготовке кадров» (май 1930 г.)¹⁹. В соответствии с ним предусматривались создание постоянно действующих курсов переподготовки кадров, а также организация факультета советского строительства при Урало-Сибирском коммунистическом университете для обучения председателей и зам. председателей окрисполкомов, райисполкомов, городских и поселковых Советов. Особое внимание при этом уделялось учебе так называемых выдвиженцев, т.е. преимущественно рабочих с производства, рекомендованных на руководящую советскую работу. Выдвиженчество было очень популярным мероприятием в связи с проводимыми чистками и перестройками в соваппарате. Если в 1928 г. их насчитывалось по Уральской области 251 человек, то в 1930 г. — 4 420 человек²⁰

Таким образом, борьба с текучестью рабочей силы, борьба за устойчивые кадры должна была занять одно из первых мест в общей системе мер по накоплению на производстве квалифицированных кадров. Вместе с тем результативность, отдача от нее были не столь высоки из-за большой сменяемости среди работников местных органов власти и малограмотности руководящего звена.

Примечания

¹ Цит. по: Ежов Н. Некоторые вопросы подготовки и расстановки кадров // Правда. 1932. 17 марта.

² Мордухович З. Использование трудовых ресурсов и подготовка кадров. Государственное социально-экономическое издательство. М — Л., 1932 — С. 4—5.

³ Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900—1940 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. — С. 105.

⁴ Уралплан. План подготовки кадров для основных отраслей хозяйства Урала. Свердловск. 1930. Без пагинации.

⁵ Бюллетень Уралобкома ВКП(б) (Орган Уральского областного ко-

митета ВКП(б)). 1930. №12—13. С. 25—27.

⁶ Отчет о деятельности Уралоблисполкома за 1929—1931 гг. Свердловск, 1931. С. 168—171.

⁷ Известия Уралоблисполкома (Орган Уральского областного исполнительного комитета Советов РК и КД). 1933. №41. С. 1—5; Звезда (Орган Пермского городского комитета ВКП(б)). 1933. 4—5 октября.

⁸ Герцман М. Результаты чистки должны быть закреплены // Власть Советов (Орган ВЦИК). 1934. №2. С. 9—11.

⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. II. Д. 475. Л. 23—25.

¹⁰ Там же. Д. 194. Л. 18—25

¹¹ Там же. Д. 194. Л. 18—25

¹² Сталин И. В. Собр. соч. Т. 13. С. 229

¹³ Известия Уралоблисполкома. 1933. №22. С. 7

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 194. Л. 8.

¹⁵ Сперанский Н. Об учебных планах курсовой сети // Власть Советов. 1936. № 11. С. 26.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 487. Л. 56.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 114. Д. 8. Л. 93.

¹⁸ Ангаров А. Классовая борьба в советской деревне. М., 1929. С. 84.

¹⁹ Бюллетень Уралобкома ВКП(б). 1930. №12—13. С. 17—25.

²⁰ Бюллетень Уралобкома ВКП(б). 1930. №12—13. С. 17—25.

Пластун В.В.

ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ КАДРОВ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1945—1955 гг.

Осуществляя подготовку кадров, прежде всего, необходимо было повысить уровень работы отделов кадров железнодорожных предприятий, которые отвечали за обеспечение производства квалифицированными рабочими. В Западной Сибири действовало 12 отделов кадров отделений дорог и 157 линейных отделов приема и увольнений, многие работники которых в первые годы IV пятилетки имели незначительный стаж работы в этой должности, низкий уровень общеобразовательной и технической подготовки¹. В 1946 г. на железнодорожных магистралях Кемеровской, Новосибирской, Томской областей и Алтайского края 45% из них не имели железнодорожной специальности, 30,9% были с незаконченным средним и 12,4% с начальным образованием². Среди работников отдела

приема и увольнений резерва проводников Омского железнодорожного узла 38,9% составляли малограмотные, 26% имели начальное и 34,8% незаконченное среднее и среднее образование³.

Из 90 отделов кадров на Омской дороге была произведена проверка по всем вопросам 16, которая выявила, что с работниками отделов кадров производилась недостаточная воспитательная работа. Это привело к большой текучести начальников отделов приема и увольнений, составившей в 1946 г. 30%⁴. Для ликвидации такого положения систематически проводились инструкции, практиковались периодические выезды в линейные отделения для оказания непосредственной помощи. Каждому работнику отделов кадров был установлен определенный круг работы, а инспекторы, кроме этого, закреплялись за отделениями дороги⁵.

С целью подъема квалификационного уровня работников отделов кадров с ними проводились семинары, на которых обсуждались приказы МПС и начальников Омской и Томской дорог, давались конкретные установки по подготовке и воспитанию кадров, определялись задачи по подготовке железнодорожников массовых профессий. Кроме семинаров и совещаний ежегодно проводились аттестации работников отделов кадров. В 1946 г. по результатам аттестаций на Омской железной дороге 16 начальников отделений приема и увольнений было освобождено от занимаемой должности⁶. Укреплялся состав инженеров по техническому обучению кадров, руководивших индивидуально-бригадной подготовкой на местах, периодически заслушивались их отчеты о проделанной работе. Проверка отделов кадров Управления Омской железной дороги показала, что ощущался острый дефицит квалифицированных рабочих. Не хватало более 5 тыс. человек, 48% потребности в кадрах относилось к специальностям паровозных машинистов, помощников машинистов и слесарей комплексных бригад⁷. Дорога не выполняла планы по подготовке кадров ведущих профессий. Было подготовлено лишь 18% паровозных машинистов, фактически сорвано обучение кадров на решающем Омском паровозном депо и в ряде других предприятий. Дефицит кадров усилился с роспуском в 1947 г. железнодорожных спецформирований. В то же время ряд руководителей надеялись, что кадры будут пополняться за счет других депо и дорог.

С целью ликвидации вышеперечисленных недостатков была проведена реорганизация отделов приема и увольнений, увеличено их количество, расширен штат сотрудников, повышена заработная плата работников, организованы курсы повышения квалификации. Со временем удалось добиться того, что существенно повысился образовательный и «технический» уровень работников отделов кадров. Отделы кадров стали более четко планировать подготовку квалифицированных железнодорожников по отдельным профессиям с учетом фактической потребности в них предприятий.

В центре внимания в тот период находилась подготовка квалифицированных кадров непосредственно на производстве. Необходимо было научить новым профессиям пришедших на железнодорожный транспорт демобилизованных воинов, переучить производственников, занятых в годы войны узкоспециализированным трудом. При этом перед подготовкой кадров в учебных заведениях производственное обучение имело ряд преимуществ. Оно не требовало больших материальных затрат и проходило за короткий период времени. Процесс учебы здесь был приближен к потребностям конкретного предприятия, что позволяло быстро включать подготовленных работников в производственный цикл. Все это являлось немаловажными факторами в трудные послевоенные годы. Для подготовки кадров на предприятиях железнодорожного транспорта использовались технические школы, индивидуальное, бригадное и курсовое обучение. На предприятиях были подобраны преподаватели индивидуально-бригадного обучения, имевшие большой опыт работы. Среди них было организовано соревнование за быстрейшую подготовку обучавшихся к работе. Лучшими наставниками производства на Томском железнодорожном узле в 1946 г. являлись: слесарь пятого вагонного участка И.К.Адяев, который обучил 11 слесарей вагонников, В.Н.Гюсяш, подготовивший 8 столяров, токарь Г.С.Папилкин, обучивший 5 человек. Всего же за год на предприятиях этого узла было обучено 623 железнодорожника, из них 72% индивидуальным методом.

Железнодорожные предприятия Тюменской области создали условия для широкого привлечения кадров рабочих к обучению молодежи, оказали помощь последним в быстрейшем овладении

передовыми приемами труда. Администрацией был запрещен перевод железнодорожников в период обучения на другую работу. Для теоретического занятий учащимся были предоставлены помещения. Они были обеспечены письменными принадлежностями, наглядными пособиями. Обучаемые объединялись в группы под руководством инженеров, техников, мастеров. Перед экзаменом им устраивали семинары с отрывом от производства.

Если в технические школы и на курсы с отрывом от производства посылали чаще лиц, уже проработавших определенное время на железных дорогах на второстепенных профессиях, то для обучения индивидуально-бригадным методом принимались в основном лица, вновь поступившие на транспорт. Здесь преобладала молодежь 18—23 лет (в 1949 г. на Томской железной дороге они составляли 70—80%, по общеобразовательному уровню лица с 5—7 классами средней школы)⁸.

Проделанная работа дала положительные результаты. Только в первом году IV пятилетки на железных дорогах Западной Сибири без затраты государственных средств было обучено 3755 человек. В 1946—1950 гг. на Омской и Томской железных дорогах бригадно-индивидуальный метод занимал среди всех видов подготовки кадров главное место. Почти 82% рабочих было подготовлено этим путем в 1946 г., 60,7% — в 1950 г.⁹. В среднем за IV пятилетку бригадно-индивидуальным методом было охвачено около двух третей всех обученных на производстве. В целом за 1946—1950 гг. этим методом было обучено почти 50 тыс. человек¹⁰.

Рост технической оснащенности, процесс освоения новой техники требовали серьезного подхода к руководству теоретической подготовкой железнодорожников. Между тем кадровые рабочие, осуществлявшие индивидуальное обучение, нередко были не в состоянии дать начинающему рабочему необходимые в новых условиях знания в силу их низкого педагогического и общетехнического уровня. Кроме того, недостаточной была и общеобразовательная подготовка обучавшихся.

Чтобы помочь рабочим осваивать сложные специальности на предприятиях организовывались постоянно действующие курсы, при железнодорожных техникумах создавались технические школы. На курсах готовили более четырех месяцев очень редко. Обычно их проходили работники тех профессий, обучение кото-

рым требовало не более этого срока. Занятия проводились в технических кабинетах и красных уголках. Разрабатывались планы чтения инженерно-техническими работниками лекций по вопросам новшеств на железнодорожном транспорте, организовывались просмотры технических кинофильмов. Принимались меры по расширению технических кабинетов на предприятиях узлов транспорта, укреплялась их материальная база. Улучшалась посещаемость курсов обучения.

При всех технических школах постоянно действовали курсы, на которых с отрывом от производства получали новую специальность или повышали квалификацию старшие машинисты и машинисты, дежурные по депо, поездные вагонные мастера, начальники пунктов технического осмотра вагонов и автоконтрольных пунктов, водители моторельсового транспорта, мостовые мастера, начальники вокзалов и поездов, электромеханики, весовщики и др. Преимущество постоянно действующих курсов состояло в том, что работали они в специальных учебных помещениях, имели сложившиеся формы преподавания и постоянный преподавательский состав. Подготовка на курсах носила многопрофильный характер: изучали новые виды и образцы оборудования, агрегатов, аппаратуры; новые серии паровозов и элементы модернизации существующих серий; усовершенствованные агрегаты водоснабжения, электрокраны, станки новых марок, устройство цельнометаллических вагонов, механизмов для ремонта пути, оборудование электростанций, тяговых подстанций, новое оборудование автоблокировки, автостопов, высококачественной аппаратуры связи и др. Большое внимание уделялось передовым технологическим процессам, промышленным методам ремонта паровозов и вагонов, единому технологическому процессу работы станции, поточной организации производства в цехах.

Важную роль в подготовке квалифицированных рабочих отводилась техническим школам. Всего в первые годы IV пятилетки на железных дорогах Западной Сибири действовало 8 техшкол, в которых готовили машинистов паровозов и электровозов, машинистов углеподъемных кранов, диспетчеров, дорожных мастеров, бригадиров пути и работников других специальностей. Помимо двух техшкол, работающих на станции Тайга (одна работала при железнодорожном техникуме) на Томской железной дороге дей-

ствовали Новокузнецкая, Кривошекинская и Защитинская техшколы. Последняя готовила путейские кадры и в 1948 г. была передана Турксибу. Это способствовало изменению специализации техшкол. Новокузнецкая техшкола, помимо работников связи и СЦБ, стала готовить бригадиров пути, мостовых и дорожных мастеров. Кривошекинская готовила в основном специалистов по движению и коммерческой работе. Для подготовки кадров ведущих профессий на Омской железной дороге существовало три технические школы. Две из них были расположены в Омске. Первая готовила специалистов службы движения и пути, вторая паровозного хозяйства и связи. Техшкола на станции Петропавловск готовила специалистов по вагонному хозяйству и грузовой работе. Для подготовки работников локомотивных бригад в конце 1945 г. на дороге была создана годичная техническая школа паровозных машинистов, а в 1947 г. трехгодичная школа, которая в последние годы пятилетки в связи с предстоящей электрификацией дороги готовила машинистов электровозов.

За годы IV пятилетки на 31,1% увеличилось количество преподавателей техшкол, имевших высшее и незаконченное высшее образование, на 16% — со стажем работы более 5 лет¹¹. За 1948—1950 гг. успеваемость в трехгодичной технической школе станции Тайга повысилась на 25,2% и составляла 97%. Администрация Омской технической школы №1 требовательно подходила к совмещению теоретического и производственного обучения. Заслушивались отчеты мастеров, преподавателей об их работе по привитию производственных навыков учащимся, оказанию помощи железнодорожным предприятиям, контролировалось проведение производственной практики. Организовывалось чтение лекций на темы: «Новое в железнодорожной технике», «О привитии культурных навыков учащимся», «Каким должен быть машинист» и т.д. Регулярно проводились вечера коллектива школы, совместное посещение театра, кино. Три раза в неделю по определенному графику проводилась командирская учеба преподавателей и администрации школы. В результате в этой технической школе был обеспечен 100% выпуск учащихся. А успеваемость за годы пятилетки повысилась с 86% до 99,3%, посещаемость с 85% до 97,6%¹². Техническая школа №1 ежегодно занимала первые места в социалистическом соревновании среди школ Омской до-

роги¹³. К концу первой послевоенной пятилетки существенно повысилось качество технического обучения железнодорожников. Об этом свидетельствует увеличение количества обученных в технических школах и на курсах с отрывом от производства и сокращение численности прошедших подготовку индивидуально-бригадным методом (см. табл.)¹⁴.

Формы подготовки	Годы					
	1946	1947	1948	1949	1950	1946-1950
Обучено всего	100	100	100	100	100	100
В том числе: индивидуально-бригадным методом	81,7	65,5	69,3	64,5	60,7	70
в техшколах на курсах с отрывом от производства	9,8 8,5	35,5	16 14,7	18,5 17	26,6 12,7	30

Таким образом, удельный вес работников, обученных в технических школах железных дорог Западной Сибири, возрос за годы пятилетки на 16,8%, а обученных индивидуально-бригадным методом сократился на 21%. Подобный процесс наблюдался по всей сети дорог страны. Технические школы осуществляли подготовку рабочих наиболее сложных профессий. Они представляли собой стационарные учебные заведения, специализировавшиеся на подготовке работников определенных профессий и имевшие необходимую материальную базу, квалифицированный педагогический состав. В них готовили железнодорожников со сроком обучения до 1 года — машинистов и помощников машинистов паровозов и электровозов, диспетчеров, машинистов углеподъемных кранов, дорожных мастеров, бригадиров пути и т.д. По качеству обучения технические школы значительно превосходили все остальные формы подготовки кадров на железных дорогах. В технических школах и на курсах с отрывом от производства региона за период четвертой пятилетки было обучено более 21 тыс. человек, что составляло 30% от общего количества железнодорожников, получивших специальность в те годы.

Транспортники получали в технических школах квалифицированную подготовку более чем по 30 профессиям. За годы пятой пятилетки в техшколах Омской железной дороги было подготовлено: 883 машиниста паровозов, 1055 машинистов электровозов, 219 машинистов тепловозов, 1547 помощников машинистов, 81 машинист углепозочных кранов, 119 составителей поездов,

771 поездной вагонный мастер, 185 бригадиров путей, 291 электромеханик, 91 билетный кассир¹⁵. Всего за 1950—1955 гг. на Омской железной дороге было подготовлено в технических школах 5515 специалистов, на Томской — 5832¹⁶.

Большинство курсантов технических школ имели семиклассное образование. Среди принятых на отделение движения, паровозное и электровозное отделение, многие имели образование в объеме 9—10 классов. Поступившие в технические школы, как правило, уже владели практическим опытом работы на железнодорожных предприятиях. Кроме специалистов указанных выше профессий, технические школы готовили дорожных мастеров, диспетчеров, начальников станций, электромехаников, машинистов электростанций и др.

Одной из лучших на сети дорог была Тайгинская техническая школа. Она была организована в 1934 г., ее материальная база превосходила другие технические школы: здесь имелись специальные кабинеты с наглядными пособиями, оборудованием, техническими средствами, библиотекой. Методический уровень преподавания был также более высоким. И не случайно, что в числе первых Героев Социалистического Труда на дорогах Западной Сибири были выпускники Тайгинской технической школы-машинисты Николай Лунин и Павел Шолкин.

За годы пятой пятилетки с отрывом от производства было обучено в технических школах и на курсах 20,9 тыс. человек¹⁷.

Примечания

¹ Государственный архив Омской области (далее — ГАОО). Ф.358. Оп.19. Д.82. Л.1; Архив Западно-Сибирской железной дороги (далее — АЗСЖД). Ф.1694. Оп.17. Д.19. Л.4.

² АЗСЖД. Ф.1694. Оп.17. Д.19. Л.4.

³ ГАОО. Ф.358. Оп.19. Д.35. Л.14; Д.41. Л.30.

⁴ Там же.

⁵ Омский областной центр документации новейшей истории (далее — ООЦДНИ). Ф.3048. Оп.2. Д.66. Л.37,47.

⁶ ГАОО. Ф.358. Оп.19. Д.25. Л.28.

⁷ ООЦДНИ. Ф.17. Оп.34. Д.342. Л.12; Д.344. Л.16.

⁸ АЗСЖД. Ф.3. Оп.18. Д.72. Л.39.

⁹ АЗСЖД. Ф.3. Оп.18. Д.40. Л.26; Д.72. Л.39; Ф.1694. Оп.17. Д.13. Л.17; Ф.1713. Оп.18. Д.24. Л.25.

¹⁰ Подсчитано по: АЗСЖД. Ф.1694. Оп.17. Д.12. Л.64; Д.16. Л.40; Д.18. Л.21; Д.27. Л.26; Д.35. Л.118; ГАОО. Ф.358. Оп.19. Д.19. Л.28; Д.41. Л.16; Д.60. Л.23; Д.82. Л.13; Д.103. Л.20.

¹¹ ООЦДНИ. Ф.449. Оп.4. Д.28. Л.1; Ф.3454. Оп.1. Д.6. Л.18; АЗСЖД. Ф.1694. Оп.18. Д.84. Л.13.

¹² ООЦДНИ. Ф.3554. Оп.1. Д.1. Л.7; Д.6. Л.14—22; Д.7. Л.2—5; Ф.449. Оп.4. Д.28. Л.1—10; Д.330. Л.7—9; Д.447. Л.2.

¹³ ГАОО. Ф.358. Оп.19. Д.19. Л.28.

¹⁴ Таблица составлена по: АЗСЖД. Ф.1694. Оп.17. Д.12. Л.64; Д.16. Л.40; Д.18. Л.21; Д.27. Л.26; Д.35. Л.118; ГАОО. Ф.358. Оп.19. Д.19. Л.28; Д.41. Л.16; Д.60. Л.23; Д.82. Л.13.

¹⁵ АЗСЖД. Ф.2. Оп.17. Д.121. Л.18.; Д.141. Л.22; Д.164. Л.33; Д.189. Л.44; Д.210. Л.42.

¹⁶ АЗСЖД. Ф.1713. Оп.18. Д.77. Л.131; Д.91. Л.11; Д.121. Л.74.

¹⁷ АЗСЖД. Ф.3. Оп.18. Д.86. Л.14—16; Д.100. Л.9,10,12; Д.108. Л.101,102,110; Д.119. Л.83,85,87; Д.144. Л.80,84.

Сорокина С.Н.

К ВОПРОСУ О ТОПОНИМИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СИБИРИ

В последнее время все отчетливее проявляется интерес не только к ономастическим исследованиям вообще, но, в особенности, к топонимическим исследованиям Сибири.

Внимание к географическим названиям как важному историческому, географическому и лингвистическому материалу, обладающему большой информативностью, наблюдается в России с XVIII в. Основными трудами, отражающими освоение Сибири, были работы крупнейших ученых-сибиреведов Г.Ф.Миллера, И.Э.Фишера, Я.И.Линденау, посвященные историко-географическому и этнографическому описанию Сибири. «Выполняя социальный заказ государства, исследователи подробно изучили и описали в своих работах новые присоединенные территории. Эти труды носили прежде всего описательный характер и не принадлежали к числу узкоспециализированных научных исследований,

но собранный в них материал позволил сделать определенные выводы в отношении развития автохтонной топонимики северных территорий»¹.

В первой части обширного труда Г.Ф.Миллера «История Сибири»² изложена история региона с древнейших времен до XVIII в. Описывая открытие Сибири, процесс её колонизации, автор приводит сведения по этнографии, лингвистике и топонимике аборигенных народов севера. Рассматривая географические названия и пытаясь определить их семантику, Г.Ф.Миллер не делал поспешных выводов, а приводил лишь имеющиеся в его распоряжении документальные, архивные сведения и факты, но объяснил этимологию топонимов преимущественно по внешнему сходству, без учета законов языкознания.

В 1740 г. академический отряд в составе Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции под руководством академика Г.Ф.Миллера начал свое путешествие по Среднему Приобью, территориям Северо-Западной Сибири, ныне занимаемым Ханты-Мансийским автономным округом³. И.Э.Фишер и Я.И.Линденау были включены в состав Второй Камчатской экспедиции, когда она уже работала в Сибири. Этнографические материалы о народах Сибири, собранные учёными в период с 1740 по 1745 гг., были написаны на немецком языке, как и работы Г.Ф.Миллера. В настоящее время на русский язык переведены труд И.Э.Фишера «Сибирская история»⁴ и работа Я.И.Линденау «Описания народов Сибири»⁵.

В труде И.Э.Фишера большая часть топонимического материала представлена во введении «О знатнейших в Сибири и на границах ея народах». Автор объяснил происхождение географического названия *Сибирь* и обозначил закономерности именования географических объектов аборигенами и пришлым русским населением.

Становление топонимики как науки началось в России, как полагают исследователи, в XIX в. В это время выходят труды А.Х.Востокова, Н.И.Надеждина, Ф.Палецкого, Ф.Миклошича и др. В 1847 г. по инициативе Русского географического общества и Второго отделения Академии наук было опубликовано обращение «От Русского географического общества», которое призывало к собиранию местных географических терминов⁶.

В 1812 г. А.Х.Востоков в небольшой статье «Задача любителям этимологии» открыл значение повторяющихся в названиях рек топонимических элементов и положил в основу своей классификации группировку по этим формантам. Полученные группы топонимов он наложил на географическую карту, определив тем самым районы их распространения⁷. Этот метод соединения филологического исследования с географической картой, впервые примененный А.Х.Востоковым, широко используется и в современной науке.

Работа Н.И.Надеждина «Опыт исторической географии русского мира» затрагивает круг вопросов о значении географических названий для различных отраслей науки, о специфике топонимов как источнике по истории края и его населения, о методах изучения географических имен и о состоянии науки по географическим названиям в описываемый период.

В это время исследование топонимики аборигенных народов Сибири осуществлялось в основном в рамках историко-филологического направления. В 1840—1880-е гг. под эгидой и при участии Русского Географического Общества и Петербургской Академии Наук состоялись этнографические экспедиции в районы европейского севера России и в Сибирь. Важную роль в этот период сыграла монография М.А.Кастрена, которая стала результатом его путешествия по землям Сибири. Этот фундаментальный труд содержит в себе большое количество географических названий, которые тщательно собирались ученым на всем протяжении его научных исследований. Там, где это было возможно, М.А.Кастрен записывал топонимические легенды. Знание самодийских языков позволило ученому давать этимологии топонимов, многие из которых сохранили свое значение и в настоящее время. Топонимический материал, собранный М.А.Кастреном во время путешествия по Сибири, отражен в труде «Путешествие в Сибирь (1845—1849)»⁸.

Продолжая свои наблюдения над ролью и значением географических названий в жизни народов Сибири, М.А.Кастрен установил, что многие населенные пункты в исследуемом регионе названы по именам рек, на которых они расположены. Описывая, например, историю города Сургута, ученый указал на то, что ост-

рог, а впоследствии город, были названы по близко расположенному рукаву Оби Сургуту⁸.

В конце XIX в. (1880-е гг.) в связи с популярностью этимологического анализа среди исследователей возник большой интерес к обобщению этимологий так называемых дискуссионных топонимов крупных географических объектов, вокруг происхождения которых велись давние споры. Таким названием, например, являлся топоним *Сибирь*, который Г.Ф.Миллер выводил «из языка того народа, который дал первые сведения об этой стране; я имею в виду пермяков или зырян, и от них перешло к русским»². Точка зрения Г.Ф.Миллера активно поддерживалась И.Э.Фишером⁴, продолжавшим разработку проблем истории Сибири.

В 40-е годы XIX в. новую гипотезу о происхождении слова *Сибирь* выдвинул П.И.Шафарик, который данное слово выводил из названия гуннского племени сабиров или себеров. «Высказав гипотезу о гуннском происхождении термина *Сибирь*, П.И.Шафарик далее находит звуковое сходство имени *себер* со славянским названием племени *север* (*северяне*) и предположительно высказывает мысль об идентичности гуннского племени *сабир-себер* со славянским племенем *северян*⁹.

В 90-е годы XIX в. С.К.Патканов высказал мысль о сибирском происхождении термина. В пределах тобольской губернии он выявил предания тобольских татар о народе *сывыр* или *сыбыр* и предположил, что это народ финно-угорской группы, первоначально обитавший по Иртышу, был частично увлечен гуннами в их передвижении на запад. Некоторые сибирские группы остались на местах прежнего обитания и постепенно ассимилировались новыми пришельцами в лесостепной полосе Западной Сибири, удерживая до XIII — XIV вв. свое первоначальное название. Этническое имя постепенно перерастало в географическое наименование¹⁰.

З.Я.Бояршинова в 1960 г., рассмотрев существующие версии происхождения термина *Сибирь*, приходит к выводу, что возник он «как наименование этнической группы *ситыр* в первых веках до нашей эры. Такой этнической группой были предки древних угров. В результате длительного общения с другими этническими элементами *ситыры* в значительной мере ассимилировались, но сохранили свое название вплоть до XIII — XIV вв. Название *Ши-*

бир, Сибир в это время относилось к тюркоязычной группе, живущей по среднему Иртышу и, может быть, даже несколько восточнее его»⁹.

В 1926 г. в Иркутске выходит в свет статья В.Б.Шостаковича «Историко-этнографическое значение названий рек Сибири». Этой статьей, по словам Э.М.Мурзаева, было положено начало топонимическому изучению Сибири¹¹. Указывая на значительную роль рек в жизни аборигенов и насельников Сибири в древние времена, ученый отметил, что для Сибири, в первую очередь, предметом изучения должны стать именно названия рек. Ученый обосновал приоритетное значение гидрографической речной сети Сибири в качестве основной географической среды обитания первобытных народов, выявил три основные характеристики рек как географических объектов¹².

Работа ученого ценна тем, что он выявил общие черты, характерные для формирования любой региональной системы гидронимов, позволяющие раскрыть древнюю историю многочисленных первобытных племен, установить старые места обитания некоторых из них, иногда и смены одних народов другими. В.Б.Шостакович отметил, что названия больших рек более древние по происхождению; крупные реки были широко известны за пределами обитания населявших их народов; при смене обитателей названия крупных рек не изменялись. Этимологический анализ названий рек туземного населения Сибири позволил ученому выявить характерные лингвистические особенности и закономерности образования названий. Используя формантный метод исследования, сопоставляя названия рек по одноименным окончаниям, ученый пришел к выводу, что однородные общие окончания (форманты) в речных сибирских названиях обозначали такие слова — термины, как «вода» или «река». Указанные материалы Шостакович свел в таблицу и выявил 34 группы названий, классифицировал их в зависимости от языковой принадлежности по народам, проживавшим в разное время в Сибири.

Исследование В.Б.Шостаковича фактически заложило теоретический фундамент для нового направления в исследовании топонимики народов Сибири. В.Б.Шостакович может считаться родоначальником сибирской гидронимики¹³. Он первым на массовом материале постарался показать гидронимы Сибири и отметил

значение не случайно повторяющихся формантов в названиях рек для понимания древнего распространения сибирских народов.

Таким образом, в данный период советская топонимика основывалась на научном дореволюционном наследии XVIII, XIX и начала XX столетий. Единственным научным достижением советской топонимики Сибири в довоенный период стала работа В.Б.Шостаковича, впервые целиком и полностью посвященная изучению топонимики народов Сибири как ценнейшего исторического источника¹. Разработанные им направления исследований получили развитие в научных трудах топонимистов послевоенного времени А.П.Дульзона, Э.Г.Беккер, К.Ф.Гриценко и многих других.

После Великой Отечественной войны в нашей стране началась систематическая работа по изучению географических наименований. Появились и оформились топонимические центры в разных городах и республиках СССР¹¹.

Сибирской топонимической столицей можно считать Томск, где функционирует топонимическая школа под руководством А.П.Дульзона. Для нее характерно изучение повторяющихся элементов в сибирской гидронимии, сравнительный анализ гидронимических элементов, выяснение древних этнических связей и миграций населения по данным топонимики, выявление субстрата для понимания древней истории и археологии Сибири¹³. А.П.Дульзон показал наличие индоевропейского субстрата в Сибири, пути расселения кетов, топонимию Средней Сибири до прихода русских. Все работы А.П.Дульзона представляют большой методический и теоретический интерес.

Топонимию Сибири рассматривала Л.И.Калинина в своей кандидатской диссертации «Хантыйские топонимы Западной Сибири». Основные положения этой работы были раскрыты автором в статье «О некоторых вопросах топонимики левобережья Средней Оби»¹⁴. Ученый определила целью своего исследования выяснение границ проживания народа ханты и путей их передвижения в Западной Сибири. Фактическим материалом для данного исследования стали гидронимы, собранные путем опроса местного населения — носителей данной топонимии — ханты, селькупов, русских, а также топонимы, выписанные из рукописных и печатных карт разного времени, из словарей.

В последнее десятилетие интерес к топонимии Сибири не угасает: защищены диссертации, написано большое количество научных трудов. Так, в 2001 г. М.Г.Бакшеева защищает диссертацию по теме «Топонимическая конверсия географических апеллятивов», которая представляет собой опыт описания семантики топонимов-конверсивов на территории Тобольска и его окрестностей. В исследовании «впервые делается попытка проследить механизм топонимизации апеллятивных назывных единиц, в частности, попытаться обосновать возможность использования в ономастическом словообразовательном поле в качестве рабочего термин *конверсия*, а через его посредство раскрыть суть словообразовательного процесса, именуемого данным термином»¹⁵.

В 2002 г. Сагидуллин М.А. представил работу «Тюркские этнонимы в русской топонимии юга Тюменской области», в которой привел этногенетическую систематизацию тюркских этнонимов на территории Тоболо-Иртышского междуречья, тематическую классификацию этнонимов и установил их древние и современные ареалы¹⁶.

2005 г. стал знаковым для истории научного открытия Сибири. В этом году исполнилось 300 лет со дня рождения академика Г.Ф.Миллера, 100 лет со дня рождения филолога-угроведа В.Штейница и выдающегося исследователя Сибири В.Н.Чернецова. В связи с этим в сентябре 2005 г. по инициативе уральских историков и под патронатом правительства Ханты-Мансийского автономного округа состоялся международный симпозиум, целью которого явилась «интеграция научного потенциала российских и зарубежных ученых в области сибиреведения, укрепление междисциплинарных связей в исторических, этнографических, археологических и лингвистических исследованиях Югры, осмысление достижений и определение перспектив работы в этом направлении»³.

В рамках симпозиума состоялось заседание секции «Языкознание обско-угорских народов и деятельность академика В.Штейница», где были представлены доклады А.Е.Аникина «Обско-угорские заимствования в русском языке на евразийском фоне», Т.Н.Дмитриевой «Значение научного наследия В.Штейница для современных исследований хантыйской топонимии» и др.

В этом же году в Красноярске выходит монография С.П.Васильевой «Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира», в которой представлена модель топонимической картины мира Приенисейской Сибири, основу которой составляют ментальные образы человека, пространства и реки, репрезентированные в сибирской топонимии XVII — XX вв. В этой работе впервые топонимия Сибири рассмотрена с позиций языковой ментальности, что позволило автору выявить стереотипы восприятия географических реалий человеком, их отображение в топонимической лексике¹⁷.

В 2006 г. в Сургуте издается монография Н.Н.Парфёновой, представляющая собой лексикографическое описание апеллятивной лексики (около 400 апеллятивов) в русской топонимии сибирской территории¹⁸.

Таким образом, в последнее время все отчетливее проявляется интерес не только к ономастическим исследованиям вообще, но, в особенности, к топонимическим исследованиям Сибири.

Примечания

¹ Давыдова Т.В. Топонимика северных народов Сибири и Дальнего Востока России: Историографический аспект. Дис...канд.ист.наук. М.: РГБ, 2003. С. 22, 101.

² Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд.2, доп. В 2 т. Т.1. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

³ Редин Д.А. Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 — Гуманитарные науки. 2006. №41. С. 292.

⁴ Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб. При Импер. АН, 1774.

⁵ Линденау Я.И. Описание народов Сибири (I половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах. Магадан, 1983.

⁶ Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983. С. 164.

⁷ Востоков А.Х. Задача любителям этимологии // Санкт-Петербургский вестник. Ч.1. 1812.

⁸ Кастрен М.А. Сочинения в 2 т. Т.2. Путешествие в Сибирь (1845—1849) / Под ред С.Г.Пархимовича. Тюмень, 1999. С. 68.

⁹ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. С. 136, 148.

¹⁰ Патканов С.К. Сочинения. В 2 т. Т.2. Очерк колонизации Сибири. Т., 1999.

¹¹ Мурзаев Э.М. География в названиях. М., 1979. С. 19.

¹² Шостакович В.Б. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири (с приложением карты). Иркутск, 1925.

¹³ Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974. С. 44.

¹⁴ Калинина Л.И. О некоторых вопросах топонимики левобережья Средней Оби // Уч.Зап. ТГПИ. Томск, 1950.

¹⁵ Бакшеева М.Г. Топонимическая конверсия географических апеллятивов. Автореферат... к.ф.н. Тюмень, 2001.

¹⁶ Сагидуллин М.А. Тюркские этнонимы в русской топонимии юга Тюменской области. Автореферат...к.ф.н. Тюмень, 2002.

¹⁷ Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира. Монография. Красноярск, 2005.

¹⁸ Парфёнова Н.Н. Апеллятивная лексика в русской топонимии Зауралья (по архивным данным XVI — XIX веков). Сургут, 2006.

Сведения об авторах

Л.В.Алексеева — профессор Нижневартовского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук.

А.Ю.Барабанщикова — аспирантка Сургутского государственного университета.

Э.Г.Бурнашев — аспирант Тобольского государственного педагогического института.

А.В.Бурнашева — аспирантка Тобольского государственного педагогического института.

А.А.Валитов — доцент Тобольского государственного педагогического института, кандидат исторических наук.

Е.И.Гололобов — доцент Сургутского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук..

Л.В.Иванова — зам. директора Тюменского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук.

Н.В.Изубчикова — аспирантка Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

О.В.Ищенко — профессор Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

Н.С.Казакова — учитель истории МОСШ № 31, г. Нижневартовск.

М.М.Канзафарова — соискатель Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Е.Ю.Коблова — аспирантка кафедры история России Тюменского государственного университета.

Г.Ю.Колева — доцент Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор исторических наук.

М.В.Комгорт — доцент Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат исторических наук.

И.И.Коньшева — учитель истории МОСШ № 43, г. Нижневартовск.

В.М.Кружинов — профессор Тюменского государственного университета, доктор исторических наук.

И.В.Курьшев — доцент Ишимского государственного педагогического института, кандидат исторических наук.

Е.С.Мальцева — аспирантка Тобольского государственного педагогического института.

В.В.Пластун — доцент Омского государственного университета путей сообщения, кандидат исторических наук.

А.И.Прищепа — профессор Сургутского государственного университета, доктор исторических наук.

З.Н.Сокова — профессор Тюменского государственного университета, доктор исторических наук.

Я.Г.Солодкин — профессор Нижневартовского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук.

С.Н.Сорокина — аспирантка Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

В.Ю.Софронов — доцент Тобольского государственного педагогического института, доктор исторических наук.

М.В.Угрюмова — доцент Нижневартовского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

Ю.В.Феоктистова — аспирантка Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

И.Ф.Хазиева — аспирантка Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

В.В.Цысь — доцент Нижневартовского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

О.П.Цысь — доцент Нижневартовского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. Проблемы источниковедения и историографии сибирской истории

<i>Солодкин Я.Г.</i> К историографии раннего сибирского летописания (А.И.Андреев).....	3
<i>Коблова Е.Ю.</i> Ислам в сибирском ханстве во второй половине XVI века (историографический аспект)	11
<i>Софронов В.Ю.</i> Историография истории церковного раскола.....	14
<i>Угрюмова М.В.</i> Делопроизводство в органах городского и земского самоуправления Сибири (вторая половина XIX в. — 1919 г.).....	23
<i>Алексеева Л.В., Феоктистова Ю.В.</i> Спецпереселенцы в хозяйственном освоении севера Западной Сибири: к историографии вопроса	35
<i>Комгорт М.В.</i> Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции: историографические традиции и современные тенденции	40
<i>Прищепа А.И.</i> Новейшая история г.Сургута в мемуарах ее творцов.....	51
<i>Колева Г.Ю.</i> Некоторые тенденции в современном историческом сибиреведении	64

РАЗДЕЛ II. Сибирь в XIX — XX вв

<i>Барабанщикова А.Ю.</i> Юродская парадигма в подвижничестве сибирского чудотворца Симеона Верхотурского.....	71
<i>Цысь В.В., Цысь О.П.</i> Организация управления школами севера Западной Сибири в XIX — начале XX вв.....	79
<i>Валитов А.А.</i> Роль Тобольской епархии в организации церковно-приходских школ губернии в конце XIX столетия	84

<i>Бурнашева А.В.</i>	
Первый мемориальный садово-парковый памятник в Сибири «Сад Ермака»	92
<i>Крестьянников Е.А.</i>	
Судебные следователи Западной Сибири (конец XIX — начало XX века)	99
<i>Ищенко О.В.</i>	
Состав студентов сибирских ВУЗов в начале XX в.	105
<i>Мальцева Е.С.</i>	
Тобольское епархиальное древлехранилище (1902—1917 гг.).....	114
<i>Иванова Л.В.</i>	
Русское золотное шитье Зауралья XIX — XX вв. в коллекции музея	118
<i>Кружинов В.М., Сокова З.Н.</i>	
Из истории возникновения многопартийности в Тобольской губернии	136
<i>Курьшев И.В.</i>	
Преступность и бандитизм в Ишимском уезде в начале 1920-х гг. ...	145
<i>Бурнашев Э.Г.</i>	
Социальный состав участников сельскохозяйственной кооперации Тобольского округа в период новой экономической политики	159
<i>Алексеева Л.В., Коньшева И.И.</i>	
К вопросу о земельных ресурсах Обь-Иртышского Севера первой трети XX в.	164
<i>Гололобов Е.И.</i>	
Стихийные бедствия и катаклизмы как фактор экономического развития Обь-Иртышского севера в 1920-е гг.	184
<i>Иzubчикова Н.В.</i>	
К вопросу о становлении и развитии животноводческих хозяйств в 1930-е гг. в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе	192
<i>Казакова Н.С.</i>	
О работе школ ликвидации неграмотности и малограмотности в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе в 1930-е гг.	196
<i>Хазиева И.Ф.</i>	
О видах культурных учреждений в ХМАО в 1930-х гг.	203

<i>Канзафарова М.М.</i>	
О проблеме кадрового обеспечения хозяйства Уральской области в начале 1930-х гг.....	207
<i>Пластун В.В.</i>	
Подготовка рабочих кадров на железных дорогах Западной Сибири в 1945—1955 гг.....	217
<i>Сорокина С.Н.</i>	
К вопросу о топонимическом исследовании Сибири.....	225
Сведения об авторах.....	234

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 17.02.2009. Формат 60×84/16
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура Times
Усл. печ. листов 14,875. Тираж 500 экз. Заказ 865

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартковского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*